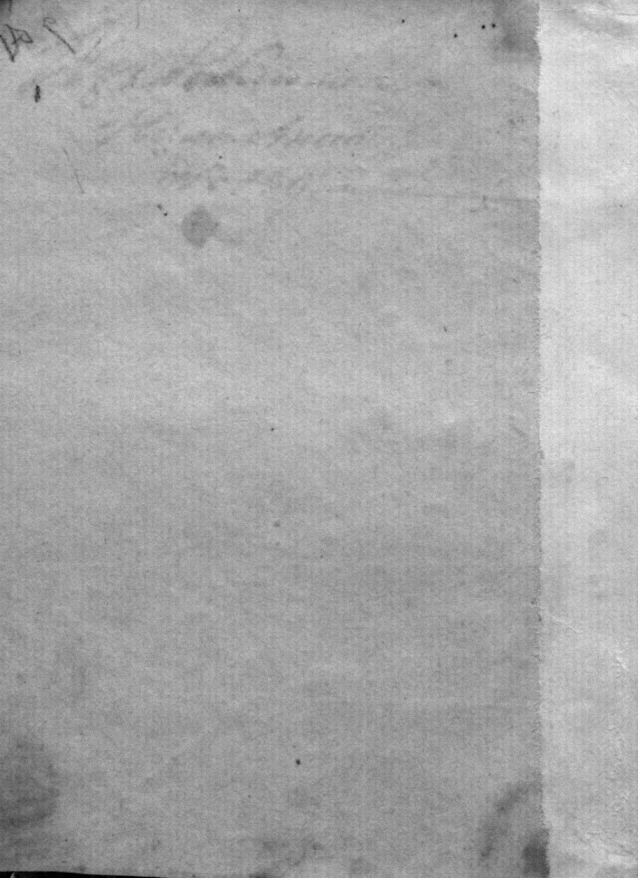

р 84 36
Ласт

Гр. Степанов - Оттенок

12 2/1 13 рр 87 эв
Лас

ЛАСТОВКА.

Сочиненія

НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Гг. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька - Основьяненка, В. Забылы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартавицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шереметьева и другихъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,

НѢКОТОРЫЯ НАРОДНЫЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ, ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ И СКАЗКИ.

Собралъ Е. Гребенка.

С. ПЕТЕРБУРТЪ.

Изданіе Книгопродавца *Василья Полкова.*

1841.

15201

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.

С. Петербургъ. 12 Марта 1840 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

145201

ТАКЪ СОБИ ДО ЗЕМЛЯКИВЪ.

Уже я такъ думаю що нема й на свити кращого мисця якъ Полтавська губернія. Господы Боже мнѣ мылостывый що за губернія! И степы и лисы и сады и байракы и щуки и караси и вышни и черешни и усяки напыткы, и волы и добри кони и добри люде, усе е, усего—багацько! А тихъ мовлявъ дивчать та молодыць... не протывъ ночи згадуочы! о бодай ихъ! доси зъ думкы не йдуть. Одну зпысавъ покійничекъ Котляревскій Наталку Пилтавку, та увесь свить звесельвъ; уси и наши и москали и нимци и туркы не нахва-

лютця, спасибо, говориють, *хоть хахоль,*
а выкинуль штуку знатную! що жъ
бы було, якъ бы вснхъ зписать!... Та
годи зъ нимы! у мене така кумедна на-
тура; якъ тильки заговоривъ про див-
чатъ то й до завтріого непреставъ бы.
А я таки свое: до вику не забуду якъ
я жывъ у Полтавскій губерніи, недалеко
видъ Пырятына. Може вамъ колы пе-
реиздомъ траплялось бувать у Пыряты-
ни? городъ путяцій: усяки тамъ е кра-
мари и бублейныци, е и церковь Божа,
якъ сидъ, зъ дзвоньцею, и пошта е
и поштари ходють, мовъ ти москали зъ
чорнымы комирамы, и письма розда-
ють чесно не розпечатувавши. Гарный
городъ! а краще усього у іому бублыки:

ни въ Прилуци, ни въ Лубняхъ, ни въ самому Нижени нема такихъ бублыкивъ. Зъ Кіева произжаючи купують, да не нахваляються. Отъ що! Жывъ я соби недалеко одъ сіюго лепського города у сели. Кожный тоби день було що небудь тамъ веселить сердце: Ждешь було весны якъ бозна чого. Отъ після Стретьня и стане подувать генъ видтиля зъ запорожья тепленькій витерець; сонечко выбравшись у гору уже геть припи-кае, а сиромы волькы, стоя бия тыну знай выгривають свои боки. Не забаромъ снижокъ понявся водою; скризь вода! степь сынїе якъ море, а по нему одъ сонця якъ жаръ грають искры. Де неберется у Господа тіен птыци: скризь летять гусы, журавли, лебеди, мовъ

яке летуче військо кудысь поспинае. Жайворошки щебечуть пидъ небесамы, ласточки вьются, бугай гуде у болоти а биля його знай, разъ у разъ, свыстыть овчарикъ. Усе живе, усе дыше! Дали трохи просохне, стануть палыть степы: Выйде чоловикъ у поле выкреше огню, положить його у соломьяный вихоть, розмаха гарненько да й кине на доливку; затрещить кругомъ сухой комышь и пошло пожарище гулять степомъ!... Геть покотыть и дымъ и поломья, гуля якъ той запорожець. А въ ночи, батечкы мои! якъ воно горыть хороше прехороше! кругомъ гоготыть та сямовь орда пидступае, та розыклала огныща — и страшно и весело!... Черезъ тыждень и не пизнаешь паленого

степу — якъ рута зеленіє. Тильки то тамъ то тамъ синіє сонъ та жовтіє горьцвितъ — по садамъ цвितуть голу-беньки пролискы, и вышенькы и черешенькы и груши и яблунн окынутся пахучимъ биленькимъ цвитомъ; тамъ що ранокъ куде зозуля, цилисенькій день высвыстуде иволга: *покинь сани визмы визь*, що вечиръ спива соловейко, а на выгонн дивчата затынають веснян-ки, ажъ округи луна иде.

Такъ тобі легко дыхать, такъ ве-село.... Прийдешь у хату, шапку объ-землю, а самъ мерщій на колнна пе-редъ образамы молышься и плачешь, плачешь и молышься! За що то Богъ святой такъ любить свое созданіє? Чи достойни жъ мы сіого!...

А якъ настане косовиця, та вийдуть наши хлопци у степь! Попереду Атамань, заломить брыль на бакирь, шаркне по коси разивъ зо два лопаткою, и пошовъ косить! за нимъ другій, третій, уси вытягнутя, мовъ, стричка, по степу, идутъ мовчки тилько косы блискають, тилько травиця да квичочки лягають передъ ними; у долини недалечко пидпидіомка перепельця, а одъ покосивъ такъ и пахне материнкою та чебрецемъ; пидъ ногами, мовъ розсыпане добре намысто червоніють половныци. Ось уже вечоріе; Кашоваръ почепывшы на выла свытку зыйшовъ на могылу та знай маха щобъ ишлы вечерять. Биля куреня уже стоять ваганкы повнисиньки

галушокъ зъ саломъ, або колы въ писть то зъ таранею. Прышлы хлопци, выпымы по корячку, силы, идять соби галушкы настромлюючы на спычкы. И пышлы розказувать—Семень каже пидкосывъ деркача, Мыкита божитья що накрывъ було шапкою на яйцяхъ перепельцю, та якось то выскочыла, Хто доятъ трохи не наступывъ на зайця. Смихъ, реготъ, гудуть якъ ти бджолы! А святий вечиръ сходять на землю, и ничь маты засвичуе зирочки на сынему неби.

Або у жнива. Жарко о полудни, сонечко зъ горы такъ и обльывае тебе тепломъ, пишовъ бы куды такъ и ноги не несуть. Овечята лежать соби у холодку, волы тожь полягалы билия став-

ка, кони зыбравшысь до купы стоять по-
нурывшы головы, тильки хвостамы об-
ганяють оводивъ. Шпаки, годи вже
гулять по степену хмарою, силы одно-
чивать била ричкы; такъ и вкрылы
прездоровенну тополю, ажъ гилля чор-
не; нащо дыке утя сторожка птыця,
да и те забылось соби межъ сытнягъ,
завернуло нидъ крыльце головку тай
куняе на озерци; кача его вода мовъ
той цурупалокъ. Усе одночива. Пидешь
соби у садъ, ляжешь доли догорыче-
рева нидъ грушею, и рука тоби лежыть,
и нога лежыть, и голова лежыть, у весь
лежышь, хоть не спышь а очи закры-
ешь. Такъ и умерь бы лежучы. Тыхо
тыхо травця не шелестыть тилько ко-
лы ни колы задзежчить летячы мимо

тебе роботяща бджола. Создавъ же Господь такую трудящу тварь!... Луннешь очима въ гору, а тамъ надъ тобою межъ темнымъ гильямъ якъ золоти капельки висятъ спили груши; дрыгнешь нехотя ногою, объ дерево; такъ на тебе мовъ той дощ и брызнуть груши. Отъ не встаючи полапцемъ намацаешь котру била себе тай йсы. Та що то за груши пахучи та солодки! якъ визмешь у ротъ такъ и ротають, изъисы ажъ губы злыпаются ажъ у грудяхъ полегнае, таке спиле, та свиже, та гарне! Щобъ я трычи Нимцемъ ставъ колы отъ тутъ у Петербурси хто й нюхавъ таки груши!...

Уберуть добри люде зъ поля хлибъ. Обтрусють у саду зимныци. Уже ураг-

стрилка зосталась ззаду, обнюхуе дурна якый-сь кущикъ, а тю його стрилка! вона сердешна туды сюды, блысь блысь очницямы, якъ уздрила, якъ уляже! и пишла и пишла моя ластивочка!... стриже сиренькій степемъ тильки хвостикомъ кывае, а вона за нимъ такъ и уляга, такъ здається оть-отъ ухопыть— а ты летышь за нею на бурому чи стерня, чи рилля, чи толока, ничего не бачишь, тильки витерь свыстыть мимо ушей, ажъ духъ тоби захвачуе.... то то весело. У село вертаешся уже повагомъ, а заецъ мовъ порося годаване телипається увязаный у торокахъ (бо небуло зайця щобъ утикъ одъ стрилки). «Глянь глянь кулыно! Якій заецъ! Ходи сюда присько отце кумедія,» балакають у сели

на вулиці дівчата — «Та що тобі зайця видьнего и лысыця никола невтिकाе!» каже видвя тай за регочуться вражидиты. А ты мовь не дочуваешь, идишь соби ходою, тильки люлечьку потягуешь. А що на души не пытай!... Мовь тебе комысаромь выбрали!... Пидьизжаешь до дому а туть исты ажь за живить бере... Мерщій убигь у хату нагайку на колочокъ а самь за столъ исы соби добрый борщъ зь уткою, каша ищоняна такъ и розсыпается, печене порося ажь прысмагло, та ще що не будь; выпьешь съ пивкварты тернивкы а бо що; тай видпочывай добродію. Самь соби пань и знать никого не хочешь!

Зимою було якъ доживешь Роздвяныхъ святъ, туть тобі и одна и

друга кутя, тутъ и новыи годъ., тутъ и
водохрище! Гуляй душа безъ кунтуша
лыха прыкупывшы! мовлялы запорожци!
Ни, я вамъ кажу що нема насвити
кращого мисця якъ Полтавська губернія!
Якъ згадаешъ про неї тильки здвинешъ
плечима, цмокнешъ, тай замовчишь!...
Отъ же послушайте: Жывъ я тамъ довго,
веселывсь дуже, а скучавъ, чи вы по-
вирите сіому? скучавъ часомъ ище ду-
жче! Бувало зимою якъ пиднимется заве-
рюха! Батечки мои, свита божого не
видно!... замуруе тоби вигна засыпле
снігомъ двери хотъ не выходи, та сутокъ
трое, четверо гуля, а дали хотъ стихне то
все тоби не лехше: снігъ завалить по
степу уси шляхи, ни выйты, ни выи-
хатъ, сыдышь соби, то спышь то исы—

нема другой работы. бо зна якъ обра-
довавсябъ колыбъ хто прїихавъ. Та ни,
хиба кому души не треба, або исты ни-
чого, щобъ кынувь хату. Було загавкають
собаки завалують якъ на вовка — про-
хукаешъ окно глянешъ на двирь, ажъ
лизе якась рогожана халабуда, здоровен-
ный коняка насылу тырыть ии по снї-
гу, а въ халабуди москаль сидить;
борода йому забузована снїгомъ, патлы
тожъ, а шыя гола; якъ глянуть на його
собаки — мовъ у котли закиплять. Но-
сыть же, подумаешъ, чоловіка нечы-
ста сыла, десь у його своєї хаты не
ма!... Хлонче а зовы лышь сюды мо-
скаля, здається воно купецъ чи що!
Увійде москаль у хату, мотне патла-
мы, перехрыстится та й пыта: не завгод-

но ль тавару. А щожь тамъ у тебе е?
Туть винъ тоби й тыче у ружы бумагу
пысану чысто по московски, такъ що
нашъ братъ простый чоловікъ то де
чого й не розбере; воны уся на одынь
шталть, ось якъ воны починаются:

Ргьсть купца Ивана Иванова.

Узюмъ

Картины разніе

Узори по канве

Апойки хлебавскія

Чай мясинъ-цветочнай

Купарось жѣлезнай

Андре, ладилаванъ,

Шоточки зубніе

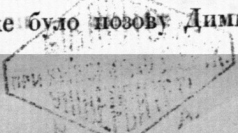
Трупки всякія

Ладиколонъ

Шоточки для зубофъ

Подсвѣшники и шипцы обликѣ.
Книжки московскія
Та оттакъ цилый листъ зпыше! що
тільки е на свити, усе у іого у діяволо-
вій халабуди е! було читаешь, читаешь,
розбираешь, розбираешь, що тамъ до
чого прыходыться, та якъ дойшовъ до
книжки московскія; той гукнешь: а давай
ихъ сюды. Принесе тобі коробку кны-
жокъ и велькихъ и маленькихъ и жов-
тихъ и червонихъ, выбирай яку хочь.
Дасы москалеви рубливъ пять грошей,
мирокъ зо дви овса, та печеного хлиба,
та масла, то меду то ще чого, а соби
оставышь пивъ—десятка книжокъ. При-
шовъ вечерь, стало скушно, отъ и виз-
мешь кныжку, прочытавъ листочокъ, ни

175201.
не бере! другій, ще гирше, третій, аж у голови закрутиться! таки ничогисинького не розберешь. Щось такъ чудне матери його лыхо! почне зъ одного, при-миромъ одъ воздухивъ одъ планеты, а переведе на шыло або на гвиздокъ; думаешъ и такъ, и сякъ, и зъ того боку зайдешъ, и зъ другого — шкода! невторонаешъ ничего! мовъ тобі що небудь розказуе отъ той цесарець, що въ козубеньци лікарство носыть. Визмешъ другу — тежъ, третю, четверту, пьятую — усе тежъ! А здається знаешъ московскую мову, и изъ крамарямы изъ щетынныкамы и зъ животынныкамы балакаешъ якъ слидъ и торгуесшя и гроши розщитаешъ, а дойшло дило до кныжкы — якъ одризано. Уже було позову Димида,

винь чоловік грамотный, покличу и
Куця, тай прочитаю имь листкивь зо
два «а що хлопци понялы?» — «ни до-
бродію хоть бы тоби слово!» — а вони
и выросли по ярмаркамъ! — Ничого
робить, положишь на полицю новеньки
книжечки, хай полежать поки порозум-
нишаю — тай станешь у сто десятый
разь читать Котляревского Энея, або
повисти Грыцька Основьяненка. и чита-
ешь и смієшся и плачешь.

Усе отце я згадавъ колысь — здает-
ся позавчора — тай задумався. Добре
що мене привела доля у столицю, що й
поскучать николы, що незнаешь гараздь
колы середа колы п'ятниця, коли свято
колы будень, крутышся якъ той медве-
дыкъ у млыни — не самъ винь кру-

тыться вода його крутыть. Що жь то роблять землякы отсимы довгимы темными зимними вечорами? Давай зыбью имъ книжку. Позбиравъ що було у мене пысано по нашоуму и свое и добрихъ людей, що спасиби имъ напрысымалы, однисъ у друкарню — отъ вамъ и книжка! Чытайте хлопци колы уподобаєте — а ни, якъ зволите, усе таки папиръ у хозяйстви здасться, колы часомъ кабаку завернете або люльку запальте, — и то добре.

Е. Гребенка.

7 Генваря.
С. П. Б.

ЧОРНОМОРЕЦЬ.

То не сирый тумань

Съ Черноморья пиднявь

Пиднимаются гусы то сиріи; ..

То не хмару снигивь ...

Буйный витерь навивь ...

Пиднимаются лебеди биліи. ..

Крычать гусы: гель гель...

А за нмы орель

Испускается съ хмары высокои;

«Не тикайте вгори,

Гусы сиріи мои!

Пидождите орла, мои любіи!

Я не быты лечу,

Роспытаты хочу:

Чы не бачылы ясного сокола?

Чы не стрытылы вы.

Богатырь — головы

Съ Чорноморіи доброго молодця?»

«Коло моря убыть

Чорноморець лежить;

Его ручки лежать на тры штученькы,

Его нижки на зглядъ

Краи дороги лежать;

Кризь реберця — трава пробывається.

Середь степену того

Нихто къ тилу ёго

Изъ живой души не ласкается:

Тильки ластивкы тры,

Зь-пидь сидои горы,

Прыгортаются: першая ластивка

Маты ридна рыда;

А другая-сестра;

Третя ластивка — жинка покойного.

Де матуся рыда

Тамъ кровава рика
Протикає до моря глыбокого;
Де ридненька сестра
То вже ричка пройшла
И просохла, не влившыся до моря;
А де жинка була
И росыци нема
И завьяла трава край покійнаго.

Л. Боровиковскій.

ВИТРЕ БУЙНЫЙ.

Витре буйный, витре буйный

Ты зъ моремъ говоришь,

Збуды его, заграй ты зъ нимъ,

Спытай сыне море.

Воно знае де мій мылий,

Бо его носыло;

Воно скаже, сыне море,

Де его подило.

Колы мылого втопыло,

Розбий сыне море,

Пиду шукать миленького.

Втоплю свое горе,

Втоплю свою недоленьку

.

Найду его прыгорнуса

На серци зомлію.
Тогда хвиле неси зъ мылымъ
Куды витерь віє!
Колыжъ мыльй на тимъ боци,
Буйнесенькій знаешь
Де винъ ходыть; що винъ робыть,
Ты зъ нимъ размовляешь!
Колы плаче, той я плачу,
Колы ни, спиваю,
Колыжъ сгинувъ чорнобривый
Той я погибаю.
Тогда неси мою душу,
Туды де мій мыльй,
Червоною калыною
Постовъ на могыли,
Буде легше въ чужимъ поли
Сыроты лежаты,
Буде надъ нимъ его мыла
Квиткою стояты;

И квиткою й калыною
Цвисты надъ нимъ буду,
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.
Я въ вечери посумую
А въ ранци поплачу,
Зыйде сонце утру слёзы,
Нихто й ни побачить!
Витре буйный, витре буйный
Ты зъ моремъ говоришь,
Збуди его, за грайты зъ нимъ,
Спытай сыне море?...

Т. Шевченко.

— 22 —

ВЫВИДКА.

I.

Въ чистимъ поли
Дви тополи
Пидь топольмы крыныченька,
Въ ній холодна водыченька.
Тамъ дивчына
Чорнобрыва
Съ крыныченькы воду брала,
Съ козаченькомъ размовляла:
«Козаченьку
Бурлаченьку
Зелепенькій барвиноньку!
Сватай мене дивчыноньку!»
«Дивчынонько,

Рыбчынонько!

Ой радъ бы я тебе сватать

Та боюся твоего брата.

Ой Галочко,

Коханочко!

Отруй сердце своего брата

Тоди буду тебе сватать.»

«Дежь отруты

Роздобуты ?

Умерь батько, вмерла маты

Не навчили чаруваты.»

Ой дивчыно,

Сыроtyно!

Стоять въ поли дvi ялыни,

На ялыни дvi гадыны.

Выйды Ганно,

Въ поле рано:

Тамъ ялыну сонце пече,

А зъ гадыны ропа тече:

Прыгни спыну

Пидь ялыну.

Пидставь, дивко коновочку

Пидь гадючу головочку.

Братъ твій Марко

На ярмарку:

Навары ты ёму пыва

Щобъ имъ брата отрупла.»

Въ недиленьку

Веселеньку

Братъ зъ ярмарку пріізжае

Сестра брата прывитае.

Брату пыва

Выносыла:

«Напыйсь брате, того пыва

Що я вчора наварыла.»

Не пье Марко

Тыи чаркы:

Напыйсь сестро, впередь сама,

Щобъ не звела мене зъ ума.»

Сестра-змія

Поблиднула:

«Пыла брате, вже я сама»

Се для тебе зоставыла.»

Братикъ пивця

Якъ напився

За серденько ухватывся

И съ конька повалывся

«Яке диво

Твое пиво

За серденько ухватило,

Зъ вороного повалило? ...»

II.

Въ чистимъ поли

Дви тополи:

Пидь топольмы крыныченька,
Вь ній холодна водыченька.

Тамъ дивчына

Чорнобрыва

Сь крыныченькы воду брала,

Сь козаченькомъ размовляла:

«Козаченьку

Бурлаченьку

Зелененькій барвиноньку!

Сватай мене дивчыноньку!»

«Дивчынонько,

Рыбчынонько.

Твое пиво, пиво — дыво

Брата за серце схватило

И схватило

И звало.

Сь коныченька вороного.

Струишь мене молодого!

За науку

Зміе-суко

Теперь иды — хоть за ката
Отруила своего брата!» —

А. Боровиковскій.

— 13 —

УКУСИ АБ
ОКУО ЗІКБ
БІМІ ЯА ЯОХ — ІМІА ЯРІНІТ
— СІТІВІ ОІОТІ ВІІІ (ТІО

СЕРДЕШНА ОКСАНА.

(Любий мой жинци Анни Григорієвни Квитка)

Нема́ на свити ничо́го луччого и Богу мылишого, якъ сердце матери до своихъ диточо́кь! — Скилки бѣ ихъ у неи ни було, чы, десяткомъ Богъ благословывѣ, чы тилки однимъ-одно; для неи ривни, жѣдного любить, усихъ ривно пестуе, за усякимъ ривно вбываетця. Девять здоровеньки край неи, потишають іи, а одно морщытця, кысне, не дуже; вже вона за нимъ вбываетця, тужыть, вже и боитця, що бѣ ще дужче

не занедужало, або щобъ — нехай Богъ борóнить! — що бь ще и не вмерло!— Вона ихъ обмывá, обпатрюе, обшывá, зодягá — и никóлыжъ то не втóмытця, никóлы не поскуча зь ными и усяка робота на диточóкъ ий не важкá. Колы зь дитей ё якé шаливлыве, не слухняне, то батько — якъ батько — гримне на такого, скубнé, щыпкы дасть, по-пибье; а маты -- якъ маты! Вона почнé ёго уговорюваты, пестоваты: «Не робы такъ, сыночку! не ходы туды, голубчыку! Такъ не гараздъ. Ты мыни досаждаешь. Я глядючы на тебе, частисенько плачу, та думаю : колыбъ-то винъ зхаменувся, та покынувъ такé робыты, та слухавъ бы батькового вченьня, та пожалковáвъ бы моихъ слизочóкъ; то щé зь нёго бувъ

бы чоловікъ; ще бь я дождала на старосты радоватыся глядучы на нёго.»

Нехай же теперь усякь про себе згада — бо хто не бувь зь молоду шаловливый? — видь чо́го билшь жаль визьме? Чы видь батьковихъ скúбокъ, або хочь и пúжки — чы видь материного голубленья? — А ще, якъ яка, часомъ заплаче? такъ — Господы мылостывый! Уси пакосты покынешь, и на вечерныци зь мисяць не навидаешся, и зробишь за трёхъ. — Що то маты! Святе дило! — Господь мылосердный, якъ ё Винь на небесахъ, такъ за мисця себе, давъ намъ на земли родителивъ: батько що бь навчавъ, та до розуму доводывъ — а що бь чоловікъ молодой зь дуру не затужывъ, та не

збывся зъ панталыку, такъ тутъ маты зъ такою любовыю, якъ ё Самъ, Господь, мылосерднѣй, до насъ грѣшнѣхъ.

Ось протывъ чо́го я трошкы закинувъ про матерынське сердце и душу.

Була удова, Векла Ведмедыха, — и що́ то жинка на усе село! розумна, розсудлива, Богобоязна и чесного роду. Було и самъ голова частисинько до неи за порадою и вона такы́й совить добрый дасть, що не тилки голова, та и уси старыкы такъ не прыдумають, якъ вона скаже, и усе гараздъ буде по ий. Сама жъ було не ходыть до волосты́ и никобы не розпытуе, чо́го и за чимъ зыбралася громада? ий и нужды мало ни до чо́го. Прыды жъ до неи за порадою

объ якимъ хочешъ дили, такъ - такъ!
Вже добре навчыть. Тяжко розумна
була!

Була собі и замóжненька. Була въ
неи земелька, скотынка, бувъ и витря-
чóкъ, та якъ зосталася удовою, та и по
роздавала усе: землю на скипчыну, ви-
трякъ зъ миркы, та усе чеснымъ, Бого-
боязнымъ людямъ, що бь не зобиждали
и и шобъ у зрокъ знóсылы що треба.
Скотынку попрóдала и стала собі зъ
копійкы жыты.

Вже и Охримъ вмеръ, а тутъ ста-
ла ревызія. Отъ, після Сéмена, пишла
вона до волосты, почувшы що громада
зыбралася. Отъ увишедшы, вона помо-
лылась Богу, поклоньлась голови, и
усимъ якъ довгъ вельить и стала каза-

ты: — «А що, пане голова и вы пано-
ве громада! Отъ вже и Семена прійшло,
покровы святой швидко диждемся, а де-
сятныкъ до мене ни разу не заходывъ
и не загáдовавъ объ подушнимъ.»

— Та дже твій Охримъ вже вмеръ?
казавъ голова.

«И состоитъ исключеннымъ изъ
ревизскихъ сказокъ и зъ общественныхъ
видомостей.» Пидхопивъ пысарь, мотнув-
шы патламы и покынувъ пысаты.

— Та знаю що вмеръ — казала
Векла — и стоитъ заключеннымъ у ви-
домости, якъ панъ пысарь по письмен-
ному каже. Та я такы усе хочу за мого
Охрима платыты, ажъ покы жыва буду.
Спасыби Богу, мыни ё зъ чого зносы-
ты и буде веселишь, що я за душу

Охрима, нехай царствуе — буду платыты, та й сама буду бодрытыся, що и я мовь чоловікь на свити, туды-жъ за добримы людьмы, зношу цареви и свою копійчыну на вйско, що насъ оберига. Та й зъ общественного не вышысуйте, нехай и я буду зносыты, почóму тамъ зъ души.)

«Та якъ можно — казавъ голова:— що бь женська душа, та платыла подати?»

— Казуснее дило! — обизвався такы пысарь, штрыкаючы себе пальцемъ у лобъ. — Не иміетця прымиру. Треба надобно испросыть у гóсподына исправныка розришенія. —

«Та ничогисинько сёго не треба. — Сказала удова. — «Ты такы нане пыса-

рю, и не розришайся и не казыся, а ось що, панове громада, зробить: вы пышить, лышень, якого калику, або бидного сыроту, а зь мене справляйте. Нехай такы я не даромъ жытому на-свити.

— Хыба такъ — хыба такъ! Загу-ла громада и зробылы по Веклыному, и пишла по селу слава, що Векла стоить у ревызїи и подушне платыть. — «Такъ и треба — Векла було у водвить каже: — лучче жь мыни видь достатку пла-тыты, чымъ зь сыроты, та зь бидности требоваты. Адже и я у Царя нашего чоловикъ; зможу за людьми знóсыты! Дочку видамъ, прыньмыть буде, за двоухъ буду платыты.»

Вже тужь-тужь Векла дожыдала зя-

тя. Отъ-отъ після зачатыя, у пыльшивку, почнуть старосты швандяты до неи, бо вже іи дочка, Оксана, якъ диждемо риздвянныхъ мясьницъ, то буде ій шиснадцатый годъ. А щб то за дивка була? Билявенька, моторненька, швыдка, прудка, на ричахъ бойка, протывъ усякого звычайненька. Де вона, тамъ зъ неи и реготъ, и смихъ, и играшкы и выгадки. Якъ тб въ матери не було ни якого хазяйства, а усе жыла зъ копійкы, то Оксани ничего и робыты було. Чы вчыньма хлибця, чы зпекла, мерщій до подругъ: тамъ іи ждуть, дожыдають якъ обь весни ластивкы; бо якъ защебече, якъ за балянтрасыть, такъ усімъ весело, хочь цилый день слухавъ бы іи; а вже розсмишыты, такъ подавай! Колыбъ мерт-

вѣй чувъ якъ вона балясы точить, то и той бы розреготався, не то вже живый, що такъ и лягають, видъ смиху, де вона у беседи. На вульци, на вечерницяхъ, у колядци наша Оксана перѣдъ ведѣ, безъ неи не знали бъ що и робыты.

Маты було почне ии зопыняты: — Сыды, доню, дома; чого такы бигаешъ? Чомъ не робышъ? Озьмы, лышень, або пряды, або шый, ничого невміешъ.»

Кынетця було до матери на шью, обнима ии, цилуе, прымовляты стане: — «Матусенько, риднисенька, рыбочко, голубочко, перепилочко! Не зопыняй же мене. Яжъ соби ще молода, нехай же я погуляю, якъ тая птычка на воли пидъ небесамы литае. Буду згадуваты свое дивованья, що я въ

тебе якъ рыбонька у рѣчечци гуляла, куды хотила, туды плавала, та тебе дяковала, що ты въ мене матусенька, жалистыва, добра, пестувала мене. Отъ вже якъ пиду за-мижъ, надину очипокъ, тогда вже никуды гуляты, тогда вже зопынюся, тогда вже прыньмусь робыты; рукъ непокладатему и мужыка и диточокъ буду обшываты и тебе мамочко, що ты въ мене була така добра, жаловала мене, пускала усюды гуляты.»

— Колы-то ще буде! — стане старá казаты:—звыкла бигаты та гуляты, такъ хто тебе прысадыть за роботу. Та чы вміешъ що робыти? Ныткы не выведешъ. . . . —

«И вже сѣго, мамо, не кажы. Я ды-

влячыся якъ ты робышъ, усёго навчылася. Ке, лышень, гребень сюды.)—Заразь выхопыла у матери гребень и почала прясты—ажъ хурчыть веретено, а вона нытку выводить тонку, та довгу, а тутъ писенькы весняночки спива. Стара дывытця, та дывуетця.

«А що, мамо, не вмю скажешъ прясты?» та покыне гребинь, та за рушныкъ, що маты вышыва ій же на прыдане; и почне таки-жъ цвиткы ставыты, якъ и маты, и заведе весильныхъ писенёкъ. То маты ажъ сплесне рукамы, и рада бь то що таке добро росте, и весело бь то ій зь нею, и жалкуе іи зоставыты бияя себе, щобъ не сумовала, и боитця іи пустыты, що бь часомъ. . . . дивча молоде, щобъ не загубыла славы. . . .

Дали, скризь зубы, ще тилки намирытця казаты:—«Та, ійды жъ, ійды.»... вже та и зхопылась, вже и на шыи у матери, вже и выциловала, вже и побигла.... и дверей не зачыныла.... вже тилки чуте по вульци ійде и выспивуе.....

Нехай же колы маты хочъ трохы змóрщытця, що або недужа чимъ, або що таке; вже Оксаны зъ хаты и не выженешъ, вже усé забула и вже хочъ у дружкы сама перна прыятелка клькатеме, не пиде ни за що. Вже видъ матери ни на пьядъ; усє ій у вичи дывытыметця, усє пытатеме: «що въ васъ, мамо, больть? Чого вы бажаєте? Чы не поклькаты знахуркы? Чы не розсердыла я васъ чимъ, та се вы не кажете, та стогне,

та жалкуете, на мене.» Тамъ уже якъ прыстане, та й видведе видь матери усяку журбу, усяку тугу, та хочъ бы й справды недужа була, то Оксана ии розвадыть, розговорыть и лыхо забуде.

А хочъ бы яка весела була, та побачить старця, калику, або погорилого, вже вона усе покыне, заразь до нёго, розпытуе, розспрошуе, озьме за руку, поведе до себе, нагодуе, обдѣлитъ чимъ Богъ пославъ, на дорогу дасть и выпровадыть за село; тилки и выдко ии, якъ вона коло бидности вѣтця, та знай слизонькы утыра́. Обдѣлыла, выпроводыла, слизонькы втерла, бижыть... вже впьять у беседи, вже и верховодить впьять якъ була.

От-сежь тилки що весна настае, и

сонечко позлызуе снигъ дѣ зъ якыхъ горбыкивъ на писку, вже Оксана и зыбрала свою команду: шатнулась, мотнулась зъ кинця въ кинець, веде нызку дивчатъ и прыговорюе: «та чога вы будете сидиты по хатамъ? Богъ дае весну, сонечко прыгривá, витерець тепленькый, годи вамъ по за-пичкамъ тультыся. Не обрыдла вамъ зима? Не докучыло кыснуты у хаты? Будете стари, тогда ще належытеся по печамъ, нагрымаетеся зъ мужыкамы, налаетеся зъ дитворою. А чимъ будете згадувать свои молодыи лита? А бодай вамъ весело було! (се вже въ неи усимъ и завсегда така лайка була) А нуте, лышень, побижымо!.... а беритеся; у хрещыка, у ворона, поведемъ кривого танця, коро-

вода, кострубонька, у жоны.» Заразь и попаровала усихъ. Вже уси дивчата гарни, уси прыбрани, уси повыряжовани... та ба! ии знате видъ усихъ. Така баева юпка зъ рукавами, така и плахотка, и запасочка, и косы такъ убрани, и бачетця й рушныкомъ также пиднерезана, и усе-усе такъ, и въ неи, якъ на усихъ дивчатахъ... Эге! та щось усе не такъ. Усе на ній такъ штененько, чепурненько, общыпано, такъ усимъ дивкамъ краса; тилки бь на неи одну и дывывся.

Тилки почувють дивчачый гоминь на вульци, то й повзуть зъ хать и диды и бабы, и жинкы, и молодщи новыбигають, та що то : и дитвора уся высыпле зъ хать, и уси кажутъ : «а

ходимъ, лышень, на вдирья, вже Оксана розгулялася.» И посадають удовищ по вульци на завалынахъ, на колодкахъ и дѣ можно по пидь тынамы. А парубоцтво-жь; вырядившыся по своему, шапки набакыръ, люлькы позатыгають, та купамы ходють кругомъ дивчатъ, та ажъ облизуютця дывлячысь на Оксану. И воны, и увесь народъ що по вульци дывытця, одну и бачуть, на одну дывлятця, про одну Оксану говорятъ....

Отъ и попарувалысь дивчата у хрещыка; отъ и гробы стали..... да й чкурнулы..... фить-фить! Не родывся той чоловикъ, хтобъ Оксану шимавъ! Хтобъ гробамы ни ставъ, хоть бы зъ парубкывъ, хто прудко бига — и не

кажы щобъ іі уловыты! Хто іі зна!
Усі бигають — то пидъ нымы ажъ
земля стугоныть, засапаютця, задыхают-
ця, спотыкаютця, инша сторчака дасть
такого, що... тилки друга бижить
швыдче закрываты іі... Побижыть же
Оксана! такъ на удывовыжу! Бижить,
ныначе муха летыть, до земли недотор-
каетця, тилки, знай, нижкамы дрибнень-
ко перебира, а рученькамы не мота, а
тилки — буцимъ и протягне, щобъ-то
пиддатыся, та тилки що пидпустыть до
себе блызенько... дрыбъ — дрыбъ —
дрыбъ... вже тилки й бачивъ. Сама жъ
то ни зогнѣтця, ни згорбытця; якъ стру-
ночка!

Набигалысь у хрещыка, выморыла
усихъ, давай короводы водыты. Повела

крывого танця, такъ що други дивчата ! Ихъ и не выдно за нею. Якъ зирочка вечирня, межъ усимы зирками ; якъ утинка по води плыве, та выхыляецця, та головкою поводитьъ, та веселенько на усихъ погляда. . . . а якъ заведе писеніюкъ, знаете, що пры короводахъ треба спиваты, такъ якъ та сопилочка, або тыхесенькій дзвоникъ. . . . Уси прочи спивають на увесь ритъ, а вона и губонекъ не роззива, та ии голосочокъ чуть видъ усихъ, що такъ за сердце и бере. . . ., . . . усебъ ии й слухавъ. . . .

Яково-жь то було Векли, матери ии, дывытысь на свою доненьку, що, хочъ вона була ии дытя, и що божній матери своя дытына мыла, а тутъ сама бачыть, що ии Оксана краса усему селу

и що уси люде, зыбралысь за тимъ, щобъ подывытысь на Оксану и що уси, у водынь голось, не перестаючы похваляють ии мылу Оксану. Якъ прыйде вже до дому зовсимъ у вечери, тутъ вже маты цилуе-цилуе свою доню, выцилуе, ии усю, прыговорюючы: «Ты моя донечко... ты моя ластивочко... ты моя краса ты моя слава... черезъ тебе я й весела, и здорова, и видъ людей у почоти!... Ты мою старисть весельшь, ты мене на свити держышь!»... и усякыми такими прыговорками довго-долго пестуе свою дытыну.

А Оксана жъ то й мовчить? — Ну-ну! — Та соби цилуе матери и руки, и щокы, и голову, и соби у водвить: — «Мамочко, голубочко, моя риднисенька

Та яжъ вся у тебе; . . . у мене твоя натура. . . . А бы бѣ ты була здорова, весела, та не переставала любыты мене, такъ я земли пидь собою не чую, мыни такъ легко, полетила бѣ мовъ тая птычка. Що ты любишь мене та жалуешь, видь того и я така веселенька, и ни обь чимъ не думаю, тилки бѣ тоби вгодыты, розвеселыты тебе. Тыжъ въ мене сама матусенька! Нема въ мене ни батенька, ни братика, ни сестрыци, ты мыни и сонечко, и мисяць, и здоровьячко, и щастьячко. . . . Яжъ знаю, що и я въ тебе одна, якъ тая порошынка у воци; то я себе такъ и держу, щобъ ты весельмасыя черезъ мене до кинця вику свого, що бѣ радоваласыя глядючы на мене и чуючы добру обь мыни славу. —

Матиночко риднисенька! Не видавай мене за-мижъ. Мужыка треба любыты, а я не хочу никого любыты тилки тебе матусеньку мою, зирочку мою!...

Векла и слуха іи и не на слухаетця!—Дывытця ій у тїи оченькы, що якъ небо сыне блестять, дывытця; любуетця, поцилае ихъ, перехрыстыть дитя свое, здыхне, пидведе свои очи до Бога мылосердного, подума: кому таке добро достанетця?) зпакне, та й стане Богу мольтысь.

Така дивка, якъ наша Оксана, не вже-жъ то не вподобалась парубкамъ? Не знаю! Чы бувъ же то хочъ одынь зъ ныхъ, щобъ не гостривъ зубивъ на неи? Жодень бы заславъ людей до неи по передъ усихъ; такъ боялысь-бо гарбу-

живъ Не одынъ запытовався заньматы
їи, такъ, знаете, на женихивське дило...
такъ куды-жъ ни прыступу! У беседи
зо всима и говорить, и регочытця, и
пидсмїюе, и що хочъ кажы, буде слу-
хаты. Запытайся жъ заняты їи, або
пхнуты, або ногу пидставыты що бь
спиткнулась, якъ водытця у парубкивъ,
що зальщяетця до дивкы... не знаю!
Вона такъ видриже, такъ обсоромыть
усякого, що не знатеме на яку ступыты!

Де яки смилыши, такъ ти такъ, на
простець стануть казаты: «Оксано! Я
тебе полюбивъ; щыро, кричко полю-
бывъ. Отъ така и така у мене худоба,
от-то и то е. Пидешъ за мене? ... Пры-
сылаты людей?»—Вона заразъ у вод-
вить:—«Спасыби тоби, чоловиче добрый,

що ты мене полюбывъ. Мыни весело, якъ мене люблять. А людей не турбуй. Не те, що за тебе ыменно не хочу, я й ни закого не хочу.»

Такъ було и матери скаже, що не хоче за-мижъ, якъ до неи, до старон прыйдуть сами батькы, або матери, що бь свататы Оксану за сына. Стара Векла було людей розвадыть, почастуе, та зь тимъ и видпустыть, а сама прыньметця за дивку.

«Скажы ты мыни, сдилай мьлюсть, Оксано! Де твй розумъ, де голова? Чомъ такы ты не пидешь ось за сего? Такъ видризала й тому, й тому (туть усихъ згада, що сваталы ии) отъ и туть тежъ. Колыбъ сказаты люде яки — небудь, а

а тожъ люде на усе село. Що ты зъ собою думаешь, моя дытыно?

— А те я зъ собою думаю, мамочко, що не хочу за-мижъ за мужыка.

«Що се ты здумала, доню? — ажъ зкрыкнула Векла, сплеснувши руками.— Чы не здурила ты? — За кого-жъ ты думаешь питы?»

— Охъ, мамочко риднисенька! Я й сама часто про себе думаю, що, троха, чы не обожеволила я! А вже що хочъ лай мене, хочъ бый, а якъ здумаю йты за мужыка, такъ мыни и свить не милый! Ось бачъ що. Якъ и стала я на-ногы зхвачуватця и росла, и выросла, то усе, и видъ тебе, и видъ людей чую и сама бачу, що я хороша та красыва, що й у сели у насъ такои нема. Та якъ

ще й натура прыдалась у мене така весела, що мене уси люблять, такъ у мене и зароилось у голови: не хочу за мужыка, та й не хочу. Пишовшы за мужыка, треба покынуты объ соби думаты, що якъ бы нарядытысь, якъ бы убраться, а пиды лышень на вгородъ, у поле, и дома возысь и зъ дитворою товчысь, и тилки и знай, що дома порайся, мужыкови годы и слухай его и поважай, а колы ще и попибье, такъ ты и терпы. Не хочу за мужыка?

«Кого-жь тобі треба? За кого ты думаешь пійты?»

— А ось, мамо, що. Колюбъ мы жымы у городи, то я бь зъ своею красою, швыдко бь знайшла соби якого паныча. А якъ мы живемо тутъ, у сели, то я бь

пійшла за купця, або за поповыча. — Охъ матусенько моя! — та сее кажучы и кынулась до матери на шыю. — Якъ бы мыни таке щастья! — Що то люблю що бь у роскоши жыты! Не поратысь ничого, а тилки хороше жыты, щобъ пыты й исты, и хороше ходыты було що. Та якъ згадаю, що якъ я тебе тогди шаповатему на старосты, такъ и себе не тямлю видъ радосты! Буду тобі годыты, буду тебе нижыты, чого забажашь, усе поставлятому. Сама не зымь ни зипью, а усе обь тобі убыватемуся....

Довго и пылно на ней дывылась стара Векла, дали якъ заплаче: — Господы мьлостывый! — каже: — Та справди Оксано, чы обь своему ты уми? Видкиля таки думкы тобі прыйшлы? Се

я вынна, що натолковала тобі обь твоїй краси; матери усяка дьтына хороша здається. Та хочь бы й такь; хьба жь уси хороши йдуть за панычивь, або за купцивь? Потурай. Буде хороша якь тая квитка, а такы йде за хлибороба; и у поли зь нымь робить и дома пораетця, и браса ии не пропала; вона породыла диточокь и дякуе Богу! а дивчата ии тежь красыви якь и вона була. Та оть ия: и я була на усе село дивка. Не то що по селу славылася, та и произжающи паны, якь уздрять мене, та ажь зь колясы оть-поты вылизе, та дывытця, та хвалыть, а иншьый ажь шапку зниме, та скаже: «зрастуй красавыця! Та ажь не дуже що подумала и не загордылася, а такы, якь лучывся чоловікь

зъ нашихъ , пишла за твого батька, за Охрима, хочъ и удовецъ бувъ , та чесна душа була; и жыла за нымъ дякуючы Бога мылосердного. — Эй , доню ! кынь таки горди думкы. Се тоби смущенье видъ нечыстого — Господы насъ бороны видъ него ! — Гляды тилки, що бь тебе си думкы не завелы у погыбель — нехай тебе сохраниць Маты Божа ! — Та й обняла дочку , стала и цюловаты и хрестыты.

Оксана й каже : — «Якъ хочъ , мамо а покы така думка е въ мене. Буду слухаты , що мыни казатемень , буду й сама розбираты.»

От-такъ часто вони соби мырковалы; и стара , то просючы , то плачучы , довела такы дочку до того , що сказала:

«Що жь мамо! пиду и за мужыка, а бы бь чесный, та добрый бувь протывь тебе. . . .»

Ажь ось и лучывся швыдко парень важный. Одынь соби, ни батька, ни матери, никому буде орудоваты. Самь соби хозяинь, а добра усякого, хочь скотыны, хочь поля, чы мало; парень молодой, друзяка, роботящый, смырный, не пьющый и вже ни съ кимь ни залаетця, ни заведетця, та чорнявый, та красывый. Стара Векла обома руки ухопылась за сего, Петромь его звалы, и сама Оксана и сюды й туды, и вже не дроачысь сказала: «пиду, тилки нехай обь осены.»—Дарма й пидождемо.—Сказала Векла зрадовавшыся.

Якъ туть. . . . и розказуваты не хо-

четця!... От-то у ту слободу, де жыла
Бекла зь Оксаною, та прыйшлы салда-
ты на постой. Що жь тогда сталося зь
дивчатамы!... Самы себе не тямлють зь
радощивь!.... Ой згадаймо лышень
братця, свои молодьи лита, якъ ще мы
парубковалы: чы втямки вамъ, якъ було
прыйдемо на чужи вечерныци, то див-
чата якъ ясочки коло насъ и вже на
своихъ не хочуть и дывытысь. Звисно
ихъ дивоча натура: сегодня уподобала
червону скиндячку, завтра зелену, а чер-
вону пидь ногамы топче и байдуже.
Сегодня бажа молошной каши, а завтра
уже и не треба, давай ий коржа зь са-
ломь. Сегодня мылый ий Стецько, зь
нымъ жартуе, зь нымъ женихаетця;
колы жь побачыла завтра Хведька, та

ще зъ чужого села, то вже Стецькови й цуръ и пекъ, и не заньмай їи и не рушь їи, вона тебе й знать не зна и видаты не вида; їй тилки и мылишый усихъ Хведько.... та й то на сегодня тилки, а завтра зновъ кого уподоба. А вже найпаче якъ вздрять служывихъ!... У! до сего торгу воны пишкы. Якъ имъ мундъръ, а ще пуще усы и тилки побачить доведетця, то вже усе забула, и ничого не чуе, и никого не бачыть, опричь усивъ.... От-така натура у сихъ дивтатъ. Уси воны однимъ мыромъ мазани....

Такъ було и теперычкы. На тутешнихъ парубкивъ ништо зъ дивчатъ и не дывытця; усе бь имъ салдаты, та салдаты; подавай ихъ и на вулицю и на ве-

черныци и усюды. Такъ бо Царськи службыи не те думаютъ: ему треба муныцю справыты, мундъръ на лагодыты, зпочыты; николы имъ за дивчатамы. Чы мало воны свиту прійшлы и усюды жъ то дивчата имъ на шыю вишалысь, и вже стали ни по-чому.... Дивчата, бачачы, що ихъ постояльци не заньмають, прынялысь за свои хытрощи: порозряжуютця, повбираютця такъ що ну, и саме у таку пору, якъ салдаты на муштру сбираютця, отъ Мелашка ухопыть видра и йде по воду. Якъ разъ протывъ салдатывъ. Зострилась зъ Наталкою, що йде за-чимсь до дядька. Отъ якъ зострилыся, та й давай базикаты, то объ скиндячкахъ, то объ черевычкахъ, то ни знать объ чимъ; якъ

туть гулькѣ!—видтыля Домаха, видсися
Ивга, а тамъ Хвеська, та Педора; та ся,
та та, та й назбираетця ихъ до сына.
Балакають, балакають про межъ собою,
та й посадають на колодкахъ, усе бала-
каючы, а на салдатовъ, буцимъ то, и не
дывлятця; а въ самихъ, ажъ жыжкы
трусуютця, думаючы: колы бѣ от-той вы-
сокій, та чорнявій, занявъ мене. Та
такъ усяка сыдыть и дожыда ажъ до
пизного вечера. А матери сами: ждуть
дочокъ — нема; ничего робыты; сама
воды наносить, сама розведе, пичъ зато-
пытъ, вечераты варыть; нехай, каже,
дивка погуля. . . .

«Де то ты, доню; такъ довго була?»
Але вже й не рано. Де то такъ запиз-
нылась? — пытала маты нашу Оксану,

що прыйшла до дому прытьмомъ у вечери.

— Де була? — одвить дала Оксана знимаючы свою билу, нову свыту, зкыдаючы баеву, червону юпку, а зь головы ленты та скиндячкы и покладаючы усе гарненько що на пилъ, пидъ головы соби, а ленты заворочуючы у бумажку и ховаючы, зь хрестамы и намыстомъ, у свою скрыню. «Де була? Дывылась зь дивчатамы на москаливъ. Що то якъ гарно муштру выкыдають, якъ одынь. То все ихъ вчыть ихъ старшый. Кажуть нема и у всимъ сели старше видъ него. Та якый же то, мамо, розумный! Та якъ его уси слухають! Що скаже! такъ уси мерщій и роблять. Колы крыкне на нихъ, що бь пиднялы руш-

ныщи, такъ якъ разъ и пиднимуть, ажъ забрызкотыть усюды.... Такъ весело що не можно!... И куды имъ скаже йты, чы на право, чы на ливо, тилки крикне, такъ ни хто й не спорыть, уси стиноу такъ и йдуть. Що-то, десь, розумный. А що вже красывый, такъ и мкры.... Чы ты.... мамо, сольма дрова?)

— Що ты, що ты, що ты? Богъ зъ тобою! — крикнула Векла на дочку, що вхопыла пшона у жменю; та й почала по прыщичку посыпаты, мовъ солять страву. — Чы ты одурила, чы обожеволила? Що се ты робышь? —

«Бачь!... тьфу! — зхаменулась Оксана и покынула пшено, та ухопыла виныкъ, та давай хату месты.... Тутъ впьять маты гукнула на неи, попры-

каючы што не знать што робыць. — Чы о
своему ты уми? Чы то вже надывылася
на салдатовъ, такъ воны у тебе у голо-
ви.»

— Та ни, мамо; цуръ имъ! Будто
усе на нихъ и дывытысь; якъ ихъ той
старшый вчпть... А якъ дуже кры-
чить! Его далеко чутъ; вже такъ що го-
лось! Якъ стане передъ ными, то якъ
орель. «Высоченькый, та пряменькый
якъ стрилочка, и усы е певельчки;
чорнявый соби на выду...»

— Хто тамъ такый чорнявый? —
пытала маты засмажуючы борць у Ок-
саны, що позкладовавши ручки сыдыть
на полу, та усе свое дума и про те тил-
ки й розказуе.

«Та то я, мамо, такъ соби; то я

про старшого...» та й задумаетця.... а дали вп'ять прыньметця розказуваты: почне про Явдоху, а зведе на старшого; розказуе про Хиврю, а зведе на старшого.... А маты, знавшы про свою билоручку, що вже не прыньметця ни завищо, и байдуже; усе сама пораетця и не прыслушаетця що тамъ дочка розказуе.

И за вечерею, Оксана закидыла про старшого, а маты й не слуха... та десь и усю ничь нашій Оксани снымысь салдаты.... а не такъ салдаты, якъ ихъ старшый....

У ранци, чы зробыла що, чы ни, по своїй натури, побигла до подругъ, що бь вп'ять зыбратысь имь дывытысь на муштру. Пидмовыла и веселенька. Не гараздъ зь матирью пообидала, вже

й чуркнула, вже й на колодкахъ, вже й дывытця. . . .

Ажъ вбигла смеркомъ наша Оксана у хату до матери. . . . Раденька, веселенька, сміетця, щечече, бигае; сяде, вп'ять скочыть, кыдаетця матери на шыю, розказуе и де була, й що бачыла, и зъ якою дивкою говорыла, и якъ саідаты муштровалысь, а про старшого ни чычыркъ. Кругомъ коло него що було, усе розказуе и тилки бъ про него що сказаты, то й замовчить, задумаецця, и такъ якъ разъ якъ поломья зпыхне, зачервоніетця, засоромытця, рученькамы закрыетця, перемовчить, та вп'ять за свое: поратысь кынетця, то й гляды, те розылье, те переверне, те розибье. . . Маты стане на неи гриматы, а вона жар-

туе, регочетця..... та й розвадыть матирь.

Сежъ така була сегодня. Завтра жъ то якъ увійшла у хату, такъ ныначе и не вона. Смутна, не весела, очи понурить, сыдыть, ни зъ мисьця и мовчыть якъ стина. Чого маты ни спыта: «Не знаю. Не бачыла. Не чула. Не доглядалась.» Отъ и уся розмова. Маты коло неи убываецця: «може хочешъ сего-того?» розважа усимъ, а Оксана й не слуха ии. Вечеряты не зхотила, и лежучы усе тяжко здыхала.

Що жъ се сталося зъ нашою Оксаною? Ма-буць що не даромъ? Эге!—такъ такы й е не даромъ. Отъ бачыте: прыйшлы у ту слободу де вона жыла салдаты на постій; а надъ нымы бувъ копы-

тань, и збиравъ ихъ на муштру надъ вечерь, а дивчата зходьлыся дывытыся на салдатовъ, та розглядаты бѣ то, зъ якимъ бы то описля пожартоваты. Отъ межъ ными и наша Оксана. Вона на салдатовъ не дуже й доглядалася, а усе дывылася на копитана: якый-то винъ бравый, якый молодой, якый красивый, якый проворный и усе его розглядувала, такъ що, опричь его, никого й ничего не бачыла. От-то у першый вечерь, такъ и хочетця, такъ и кортыть ии, усе про него матери й щебетала.

На другый день выйшла зарани, а тутъ и ахвыщеры выйшлы и копитанъ зъ ными, та якъ ще не уси салдаты позбиралысь, такъ ахвыщеры и давай зъ дивчатамы розговорюваты, та сміятыся,

та де що выгадувати. А копытанъ нахы-
нувъ окомъ Оксану, та й почавъ їи хва-
лыты: яка-то вона, каже, красавыця!
Скилки, каже, ни походывъ по-свиту,
скилки чого ни выдавъ, та не выдавъ
такои красавыци и межъ панянкамы.
Се, каже, чудо! Се все Оксана чула и
якъ на вогни горила. Дали якъ пидій-
шовъ до самои їи, такъ вона бѣ скризъ
землю провалылась, зчезла бѣ, забигла
на край свита. Винъ почавъ їи розпы-
товаты... такъ що жъ бо! Пыта «де
ты жывешь? А вона каже: «Окса—на.»—
Е вѣ тебе маты? — А вона каже: — «по-
завчора.» — И сама не тямить що каже:
Дали поглядывъ їи по щоци, та й каже:
«Не стыдысь душынька! Мы познакомы-
мось зъ тобою.» — Тутъ вона трохы —

трохы не сказала : — Та я вже й такъ васъ люблю! — Такъ бо языкъ въ неи не повернувся, засоромылась и свита не побачыла. А дивчата-жь то, подругы ии, ажъ регочутця зъ своимы ахвыщерамы, не такъ якъ Оксана, що й слова не пидбере, що ёму й сказаты. Покры салдаты муштровалысь, то копытанъ частисинько поглядавъ на Оксану, а та зъ него очей не зводила, такъ и пылновала на него, и вже въ неи серденько такъ и бьетця, якъ тая рыбонька на удочки; а на души жъ то такъ весело, превесело, що й розказаты не можно! Описля усихъ дивчатъ, пишла до дому Оксана, якъ розйшлысь салдаты и якъ копытанъ йдучы била неи, знявъ шапочку, та сказавъ : «прощай красавыця!» такъ

вона й не з'явилась, и оть-то така весела прыбігла до матери.

На другый день, побігла Оксана попередь усихъ на муштру дывытысь. Щожъ?... дывытця, ажъ ии копытанъ вже зъ другою дивчиною стоить, жартуе, заньма ии.... а вона жъ то и прылюдяхъ, и посередь вулицы, и ще куды ще до вечера, а вона сміетця, та регочетця, що вже радисинька, що ии копытанъ занявъ. Такъ-то думала Оксана дывлячысь на се; та ий чы досадно стало на копытана, що винъ, де вздривъ дивку, та й почавъ ии заньматы — и стыда ему нема! чы стыдно за дивку, що не втика видъ него, та й сама стоить зъ нымъ и розговорюе; та видъ сего ажъ поблидла, затрусилась, та мер-

щій и вернулась до дому.... А колы правду сказаты, Оксана и сама себе не тямыла: вона думала такъ, а се їй було досадно, що копытанъ занявъ другу, а не їи.... Знаете, серденько въ неи молоденьке, сама себе не розбере; полюбыла копытана, зацемьла серденько, та якъ зъ роду въ перше, такъ вона й сама не зна, що зъ нею е....

Отъ у такимъ гори вернулася до дому, ледве-ледве дійшла.... и усе у їи на думци от-та дивка, що не постыдылася зъ копытаномъ розговорюваты, та й той копытанъ.... бачъ якый! нехай бы возывся зъ своими салдатамы, яке ему дило до дивчатъ? Хыба мы ему ривня? Жартуй соби зъ панянкамы!.... Такъ бо ничого бъ и не було, якъ бы

вона втекла, а то й стоить; и регочет-
ця... у! безстыдныця! Побачыла бь іи
маты, що бь тогди ій було? ... От-такь
то усе сердылась и на неи и на копы-
тана увесь вечерь, и якь спяты лягла,
то усе у неи одни таки думкы та 'гад-
кы... ажь заплакне, сердешна, якь іи
допече до сердца, що дивка себе не по-
берегла и що копытань описля посміет-
ця зь неи...

Чы спала, чы не спала, а вьранци
ухопыла видра и пишла по воду — и
троха чы не перше зь роду! — Бо й
правда: де крыныця, а вона потягнула
ажь геть вулицею до базарю... думаю-
чы, тамь близько кватера копытанова,
то мабуць вже учорашня дивка снуе коло
неи; щобь тилки зь нымь побачытысь...

Та вже не я буду — ажъ крикнула Оксана: — колы тилки вздрю іи зъ нымъ, то далєби, що матери іи скажу; нехай зопыныть іи; нехай вона не ро-быть славы на насъ усихъ!»

Ажъ — гулькѣ!.... копытанъ изъ за-хаты... и пизнавъ Оксану, та до неи. — «Здрастуй, Оксано!»

А у Оксаны и руки и ноги затрусылысь, стала якъ укопана, якъ пры-росла до земли, ни зъ мисьця, ни пары зъ усть....

Копытанъ и ставъ до неи казаты по нашому, бо хочъ и зъ Москаливъ бувъ, та, ма-буть, розумный бувъ, що й по нашому вмивъ. — Што ты не вы-ходыла учора на салдацьке ученья смо-трить, га?»

Оксана мовчить.

«Мыни безъ тебе скучно було.»

Оксана тутъ бы ему й сказала, що ему и безъ неи було весело зъ другою дивкою, такъ позабувала жъ усе те що думала зъ вечора и у ночи. А якъ позабувала, такъ и мовчить, оченькы попурыла у землю, ныначе личить стебынкы що пидъ ногамы.

«Скучно було безъ тебе. Я кращон дивкы и не выдавъ нигде... и полюбывъ тебе... крипко полюбывъ...» та узявъ ии за руку и каже тыхенько: — «Тилки полюбы мене, я тебе щасливою сдилаю!»

Оксана якъ у раю! Вона, що не хотила ни за якого мужыка йты, та усе думала объ панстви, объ роёкоши, чуе

роч

теперь що їи любить панъ, молодой, хороший, богатый — бо по мундъру усе у него золото; и ма-буть спражній панъ, що усн-жь то салдаты его слушають и боятьця, и такый панъ каже, що винъ їи любить и щасливою зробить; вирно винъ дума їи узаты за себе, от-отъ вона панею стане, що жъ їй тутъ казаты? Вона видь щырого сердца, тутъ и каже: — Якъ же васъ ще полюбиты?...

«Полюби одъ щырого сердца... обь мыни думай... выходи до мене... полюбы якъ я тебе люблю!»

— Та яжь такъ и... люблю... та ще й дужче!...

Оксано, Оксано! якъ бы ты билше панивъ знала, ты бь сего николы не

сказала; ты бѣ зъ першого слова выдбигла бѣ видѣ него, якѣ видѣ лыхон годины! Ты не знала панивѣ, чы ще лучче панычивѣ! Не дыво имѣ одуриты селянку, що зъ роду ихѣ не бачыла, не чула якѣ воны брешуть, якѣ заприсягаютця, якѣ описля гублять тихѣ, що имѣ пиддастця! Панычи звыклыся на тихѣ бидныхѣ, що озьмутъ видѣ батька, видѣ матери у двирѣ за панночкамы ходыты, заразь обстрыжуть имѣ косы и пиднимуть на грибишокѣ, що такѣ и тырчыть на голови, мовѣ на пивневи; зъ православної плахты, та нарядять ии у той проклятый компоть; зъ Явдохы, перевернуть на Дуняшку, изъ Ивгы на Евгенью, зъ Приськы на Афроську... отъ вона й подума, що й вона стала панноч-

кою и чипляетця до панычивъ; и якъ тилки побачить цилкового, то й бижить и вишаецця имъ на шыю.... Такъ на такихъ, панычи звыкшы, кыдаютця и по селянкамъ и обдурюють ихъ дуже, а описля хочъ плачь, хочъ пропадай, винъ и байдуже, сміетця, та другу пидмовля....

Не знала сего наша Оксана! Вона бо зъ малу начулася, що вона красыва, миры нема! Вона усе бажала выйты за пана, а теперь панъ и полюбовивъ.... Вона и въ головахъ не покладала, що бъ панъ мусывъ збрехаты.... отъ и призналася копытанови що любить его.... тилки се вымовыла на-лыхо соби, тутъ вже копытанъ самъ не свій, кынувся до неи, обнявъ, поцеловавъ.... ему жъ не вдывожу, дивчатъ

ціловаты; мовъ горихы лускаты; яково-
жъ то було нашій, бидній Оксани?....
земля пидъ нею запалала, небо надъ
нею загорилося, сонечко, якъ макъ, по-
червонило, вона, мовъ птыченька, під-
нялася видъ земли, що бь полетиты....
швыденько вхопылася за свого копыта-
на, обвылася коло него рученьками, що
бь не розлучытыся зь нымъ, що бь
винь не зостався самъ безъ неи.... об-
няла его и що бь ще ій такъ гарно
було, вона вже его поціловала.... та
туть и зомлила и не видырветця видъ
него....

Згадайте, лышень, братця, якъ вамъ
тогда було, якъ вы зь роду въ перше
поціловали ту дивчыну, котру вы шы-
ро любылы! Чы можно жь то розказа-

ты, або зписаты, яково вамъ тогда було? Не розпытуйтежъ и мене, яково було нащій Оксани: хыба бѣ жаромъ на поломъи писаты, та искрамы засыпаты, такъ тогда бѣ потрапывѣ якъ зписаты... А копытанови що? — Ничогинько. Згадаймо-жъ, тагы, впять, якъ мы, хочъ и въ перше цюловалы ту дивчыну, котру не люблячы, тилки пиддуриовалы. Тилки що смачно, мовъ писля трехъ день безъ люлькы, роменьского тютюну смоктнешь.

И того, такы, не буду розказуваты, що воны, описля, промежъ собою розговорювалы, бо се вамъ и самимъ втямбы. Якъ вона обнимаючы его пестовала и копытаныку мій, и соколыку, и голубчыку, и лебедыку — и усякимы

словамы прыговорювала ему; и якъ винъ — по нашому, якъ колысь бувало, казавъ, що винъ мае ій де чого багацько розказаты, такъ теперь никола, а просывъ іи яко мога, що колы, каже, вирно любыть, такъ що бь выйшла вчоркомъ до вербы, що протывъ ихъ двора. Тамъ то винъ вже усе добре мавъ ій розказаты. Звисно що Оксана обіщалась выйты, бо ще не наговорылася зь своимъ мылымъ.

Націловавшысь, наговорывшысь, побожившысь ще, що будуть щиро любытыся до смерты, пішлы по своимъ мисьцямъ: копытанъ до салдатывъ, а Оксана по воду.... ійде й земли пидъ собою не чуе.... згадуе усяке слово, яке то ій копытанъ казавъ, якъ іи любыть,

якъ циловавъ, якъ прыгортавъ до себе... та у сихъ думкахъ, зайшла ажъ геть-геть, зовсимъ на край села... «Охъ мыни лыхо! — ажъ крикнула Оксана оглядившысь: — «куды жъ я от-се йду? Та бачытця я жъ по воду пишла... де жъ мои видра? — Що се зо мною сталося? Де крыныця, а де я зопынылася? Чы я зъ ума зйшла, чы-що? Охъ, моя годынонько! — ажъ закрылася рученькамы, якъ згадала, що вона середудня зъ копытаномъ стояла, и розговорювала и обнималася... та й стояла якъ укупана. — «Ще то добре — дума соби — що не середь вульци, а у куточку, пидъ тыномъ, на вугли, що никто тамъ не побачить... тамъ же я й видра покыдала... буде мыни, якъ хто

знайде! — Бачъ, корыла Катрю, що учора зъ копытаномъ гралася, а теперь сама чого наробыла? — От-такъ-пакъ! — Такъ винь бо розказувавъ, що винь Катри овси не любить, що винь їи занявъ такъ, шуткы рады и що вже билшь не буде їи заньматы, бо любить мене одну.... та якъ же крипко любить! Якъ-то божывся, що, каже, усю ничъ не спыть, усе про мене дума.... Що-жь-то у вечери скаже? — Може домовытця, колы за рушныкамы прысылаты. Пожалуй, хочъ сегодня.... Тото якъ стану панею!.... ажъ духъ захвачуе видъ радости!.... И матирь одягну якъ паню и буду їи нижыты й пестоваты... поклычу до себе своихъ подругъ, покажу имъ яке въ мене добро буде: яки

юпки, шовкови спидныци, плахоть вже не носытому; сорочечкы будуть усе зъ иванивського полотна, скрызъ повымережовани шовкамы. . . .

«Чы се не твой видра, Оксано? Я ажъ генъ тамъ знайшовъ, лежалы порожни и коромисло край ныхъ.» Се обизвався до неи парубокъ Петро, йдучы зустричъ ей.

и Стоить Оксана противъ него, якъ деревьянна и не второпа що винъ йй каже. Та й якъ же уторопаты? Вона тилки що була у своихъ паньскихъ будынкахъ, видчыняла свои скрыни, показувала подругамъ свое добро, прымиряла иванивськи сорочечкы шовкамы повымережовани. . . . а тутъ де узявсь Петро,

де узялысь видра, що треба, покынувши панство, та йты по воду!

Стоить, мовчыть... а дали зхаме- нулася, та такы й видбрехалася кажучы: — «Ось бачь, де вони! Спасыби тобі що знайшовъ. Я се пишла по воду, такъ якъ напалы жъ на мене Трохымови собаки, такъ я якъ побигла видъ ныхъ, та й сама не тямыла зъ ляку, куды забигла. А дали вже й собакъ нема, я зхаме нулася, та й шукаю видерець. Ажъ ось вони де!

— Провожу жъ я тебе, Оксано! Однаково жъ мыни по-биля крыныци йты. —

«Проведить, спасыби вамъ. — Отъ и пишлы.

— А що, Оксано! — ставь казаты Петро, поспишаючы за нею, що мовь ластивка летыть и до земли видь радощивь не доторкаеця: — «Чы вже ты хочь трохы надумалася? Казала що пидешь за мене, то не моры мене: пехай я прышлю людей, поберимося вже соби. —

Яково жь то було Оксани се впять слухаты? Вона тилки що слухала копытана, якь винь божывся заприсягався, що дуже-дуже любыть и безь неи вмре, такь вже певно озьме ин за себе; оть якь не выдно людей видь себе прышле; а туть Петро зь своимы старостамы. Чы можно жь сему статися? Ще вона не одурила! Вона бь усе розказала Петрови, що бь вже покынувь

объ ній думаты, що вона вже піде за копытана; усе бь ему розказала, такъ бо копытанъ не веливъ и самій матери ни слова казаты. Я, каже, самъ описля усе розкажу.» Отъ Оксана мовчала-мовчала, дали й каже: — «Вы бь вже покынули объ сему й думаты.»

— Ни, Оксано, не такъ я тебе полюбивъ, що бь выкынувъ сюю думку. Подумай ще, Оксано! — Сказавъ се Петро, та й пишовъ своею дорогою.

Тилки що Оксана зь водою у двериматы на неи и напалася: и де вона була, и чого такъ довго ходыла, що вже у друге у пичь дровецъ накладала, а ии нема, що вже й дижа зійшла, и усе-усе ий вычитовала. Такъ не натакивську — бо напала! Попереду поставыла поты-

хеньку видра зъ водою, дали якъ кынетця до матери, якъ стане їи прыголюбюваты, прыговорюваты: «не сердыся жь, моя мамочко, рыбочко, перепилочко, зозулечко! Просты жь мене. Якъ пишла по воду, а тамъ подруженькы зострилыся, та й почалы мыни сміятися, що я й билоручка, якъ вы мене, мамо, зовете, та й я пишла по воду, та невмію видерь несты, коромисло не такъ держу; зовсимъ обсміялы, а тутъ Трохымови собаки якъ нападуть на мене, а я якъ побижу, якъ злякаюсь! Та вже, спасыби, Петро оборонивъ, и видра позбиравъ, що я зъ ляку покыдала, та проводивъ мене зновъ до крыныци. . . .»

Мати вже й забула, що й сердылась на неї. Вже й сама злякалась по-

чувшы про собакъ и стала кругомъ оглядаты, чы ни покусалы де, чы ни порвалы де... Выпый, каже, доню, воды трошкы... або ляжъ на печи... або чы не хочъ, онде молошна каша, учорашня, зыжъ трошкы, то й мынетця... або пиду я до Куцайкы, нехай прыйде, та тоби переполохъ вылье... та якъ же и тебе саму покынуты? ... Бигае, мотаецця стара Векла по хати и не зна за-що ухопытысь; трусытця, боитця думаючы, отъ що бь дытына до вечера не вмерла видь переляку! ... А дытына якъ тая ясочка: — Та ни, мамочко, ни ридни-сенька! мыни й ничего. Я й не перелякалась; мыни николы такъ весело на души не було, якъ теперичкы. Я въ тебе, мамо, щаслыва дочка; що ты мене

такъ жалуешъ и нижыма мене зъ малу. Благословы мене, що бь я була щаслыва, шо бь... усе те збулося, чого ты мыни хочешъ, то я тебе не покыну до вику. буду тебе поконты, нижыты, чого душа забажа, усе тоби поставлятому...

Та такъ одна другу пестуючы, одна обь другій жалкуючы, забулы було й обь обидови. И пичь погасла и дижа перейшла... Насылу описля сякъ-такъ зправылыся.

Не бижить наша Оксана никуды зъ дому. Не мыли йь и подругы, и пи-сенькы на умъ нейдутъ и щебетаты перестала. Ухопыла рукавъ видь сорочки, узяла голку, протягла нитку, та й забула улыка завьязаты, та сила край виконця и давай бы то шыты. Знай выводить,

та виводить... и спиху нема; не зхватитця, моя голубочка, що улыка нема, та й недогадаетця стибаяючи, бо знай у виконце погляда, чы высоко сонечко? — «Чого воно такъ тихенько котытця? — дума соби: — «Колы бь я здужала, я бь его швыдче приволокла ажъ геть туды до лиску!... Що сегодня такый довгий день!.... И кинця ему не видно!.... Вербочко густенька! розпусты свое листьтячко ще густись; покрий насъ, якъ зь мылимъ зйдемося пидъ тобою розмовляты, що бь не побачывъ насъ ни хто!.... Вже я у вечери спытаюсь, якъ мій мыленькый копытаныкъ дума, колы мае по мене старостивъ прысылаты?....» Та й почала думаты, якъ вона выйде за него, якъ стане панею, якъ у

добри та у роскоши жытеме... та се,
то се, та се, то те... Отъ диждала и
вечора... Не жды мене, мамо! Я пиду
до Домахи, та й посыжу тамъ довгень-
ко... Та зъ симъ словомъ шастъ изъ
хаты... двичы трычи стрыбонула...
вже й пидъ вербою!...

Копытана не було. Вона розглядила
усюды... нема никого, ничъ темна,
нихто не побачыть... Не забаромъ би-
жыть и копытанъ... «Чы ты тутъ,
Оксано?»

— Тутъ, край твого серденька! —
и прыпала до него... зыбралысь що бь
поговорыты, та ничего и не кажутъ,
знай цилуютця... Дали вже й не иг-
рашкы!... Оксана ажъ злякалася...
Ничого ий робыты, треба вырыватыся,

та выпручуватысь. . . . Не бере ни цил-
ковыхъ, ни бумажокъ, плачучы каже: —
«Зарижъ мене по-переду, та й робы зо
мною що хочъ.

Не выпросылась, а выпручалась
наша Оксана и якъ муха видъ него по-
летила и ускочыла у хату. . . . Господы!
блидна, трусытця, мовъ лихоманка и
бье. . . . «Чого ты, чого ты?» — Векла
пытаетця, а Оксана и слова не промо-
вить. . . . Дали вже якъ-то зыбралася зъ
сылою, та й давай матери брехаты, бу-
цимъ-то Домахы не застала, та ийдучы
назадъ, побачыла видьму, що клубомъ
котылася («такъ я—каже—такъ злякалася,
що не можно!») Маты й повирыла. А чы
довго матирь, та ще й добру, довесты
до того, що повирыть усему, що ий

стань розказуваты? Стара вже ни
объ чимъ и не дума, а боитця що бь
дытына зь переляку не занедужала и
стала їи на пичь покладаты, и кожухомъ
укриваты и водою напуваты. . . . Оксани
й добре, що їи на печи маты положи-
ла, що бь не дывытыся їй у вичи, бо
соромъ, бо стыдъ, що тихенько видь
матери почала зь копытаномъ любыты-
ся и зь нымъ тихенько зыходытысь. . . .
Якъ бы маты тогди до неи прыстала,
вона бь усю правду, видь щырого серд-
ця, усебъ їй розказала.

Сумуючы чы вечераля, чы не ве-
черяла, троха чы й брала ложку у руки
звальмлася на подушкы, та й стала ты-
хенько плакаты. . . . та й дума соби: —
«Такъ-такъ-то винъ мене любыть?

Такъ-то винь объ мыни жалкуе, що хотивъ посміятысь надо мною? Хыба жъ я тоби не казала, що я тебе дуже-дуже люблю! Не-треба мыни ни панства, ни богатства, будь хочъ простый мужыкъ лычмань, я тебе усе ривно любитьому! Не-треба мыни ни золота, ни перстнивъ, ни намыста; нехай сонечко на мене не свитыть, нехай мисяць для мене потускне, нехай зирочки видь мене поховаютця, квиточки передо мною завьянуть, пташечкы не щебечуть, ричечка высохне, свить зминытця. . . . мыни до сѣго усѣго нужды мало, абы бь я бачыла тебе по усякъ часъ, дывымася у твои каріи очыци, слухала якъ ты мене зовешь душкою Оксаною, якъ ты розсказуешь що якъ мене любишь. . . .

отъ мое й щастья, мое панство, мое царство у тимъ у воднимъ! Я жь думала, що й ты такъ любишь свою Оксану? Ажъ, бачу, ты раднисиный згубыты ии, свить завязаты... Богъ же зъ тобою! Сказала бь я, що пился сего, не буду я тебе любыты: ни; щыро, вирно тебе любытому до смерти моеи; бо разъ чоловикъ родытця й душу прыньме, такъ разъ и любить. Казала бь я що не хочу тебе любыты: ни; чы скаже чоловикъ, що не хоче на-свити жыты, не хоче соби здоровья, щастья? такъ и я: ты моя радисть, втиха, щастья, увесь свить... якъ же мыни тебе перестаты любыты? — А що правда, що не хочу до тебе выхóдыты, не хочу говорыты зъ тобою... и такы не пиду,

не пиду й не пиду; и не выйду до тебе, хочь ты мыни Богъ зна що робы, давай; слова тоби не скажу, помы не поберешь за мене рушныкивь по закону...» Та зь симь словомъ устала, вдарила тры поклоны, та впять и лягла, вже зь думкою спокійнишою.

Уранци пораетця зь матирью, ажь ось изь волости десятныкъ рынь у хату. — Помолывшысь Богу, сказавшы: «Дай Боже вамъ день добрый! Нехай вамъ Богъ помага» — Дали й каже: — «Звилтеса, тётушка, до себе постій прыняты.»

— Якый тамъ постій? — ажь зкрыкнула Векла: — Черезъ вищо сё? Сказала жь громада, якъ я просыла, що бь у самихъ жинокъ, де чоловіка нема,

що бь тамь никого не ставыты? — Я жь ще плачу постоялне у помичь биднимь. Хто жь сѣ зь вась выдумавь? Який тамь постій.

«Я Улѣсивно, не знаю, тилки пославь Голова, нехай, каже, прыньмае до себе копытана. Бачь, твоя хата, каже, брашча, чимь де винь стоить.»

Подумала Векла, подумала й каже: «Що жь мыни зь тобою говорыты, ты посланный. Я сама пиду до Головы и розскажу усе.»

— Дѣбре, тѣтушка; ходить Голова у волости.

Швиденько зыбралася Векла, узяла палянычку, звычайно якь передь Голову йты, и каже Оксани: — «Сыды жь,

дочко, не ходы зъ хаты, та запры сины, покы я прыйду. Я заразъ вернуся.» — И пишла зъ десятныкомъ.

Оксана покачала-покачала головою, здыхнула, утерла слизку... позасовувала усюды двери.

Векла прышедшы до Головы, поклолася, и стала розпытуваты зъ чо́го се узялося, що до неи постій становлять, та ще й копытана?

— Эге! — казавъ Голова повагомъ: Мы бь тебе, Уласивно Векло, и не зачиплялы, такъ бо сёгодня прыходывь самъ копытанъ и требувавъ, що бь ёму дали квартырю въ тебе. Мы такы — правди — и казалы ему, що не можно по такій и такій прычыни, та якъ грымне на насъ, якъ затупотыть нога-

мы — «давай — кричить не своимъ голосомъ: — «давай мыни сей часъ! Справныкъ васъ усихъ мыни у команду виддавъ. Той часъ пошлы очищать кватырю. Я заразъ самъ туды переберусь. Мы, Уласивно, такъ зъ пысаремъ перелякалысь, що не знали на яку и ступыты, та от-то и послалы до тебе.»

— Гай, гай! — стала казаты Векла: — вы жъ въ насъ Голова, вы жъ намъ, безпóмошнымъ, защита! Якъ же се можно? Въ мене однимъ одна дочка, якъ тая порошына у воци! У неи однимъ одна честь наше богатство, наше здоровья, наше усе! Погубымо его, куды мы на свити годытемьмося? Чы можно сино зъ огнемъ до купы зкладáты? Хочь я дуже добре свою дочку знаю и не

сподиваюсь видѣ неи ничего не доброго, такъ люды жь! такъ языкы жь! Такого набрешуть; такого наплетуть, що хочь зъ свита втикай! Лучче мыни руку утѣть, лучче мыни очей ришытыся, чимъ выддаты славу моеи дочечкы на поругательство! — Брехатемуть люде, звисно брехатемуть, бо не буде тамъ правды ничогисинько, та усе жь не добре и видѣ одной славы. — Не давайте, пане Голова, насъ у абеду....

— Потурай, Уласивно! — Мы отсе усе казали ему, такъ ничого й не слуха. —

«Добрежь — подумавшы сказала Векла: пидите жь до него и скажыть ему, нехай трошкы згодыть, покы я зъ дочкою выберемося до сусидь.»

— От-такъ бы й давно. — Сказавъ Голова йдучы зъ хаты. — Вже звисно, що протывъ копытана не можно спорыть. —

Отъ вернувся голова, и каже, що ажъ засумовавъ копытанъ, якъ почувъ, що ты, Уласивно, хочешъ выбираться у сусиды и каже: Чы не можно ии какъ небудь зопыныть? А я кажу: — Ни жодною мирою не можно; баба дуже завзята. — «Такъ чортъ зъ нею! — Непрогнивайтесь, Уласивно, що винъ такъ сказавъ: — не падать и ей и хватыри ии. Такъ я узявъ, та й пишовъ.

Смихнулася Векла и пишла радисинька до дому, що видвоювалася видъ копытана, а дали йдучы й засумовала,

що чы не пидбираетця копытанъ до ін дочки? И стала прымичаты.

Що жъ вона прымитыть? За копытаномъ бы й такъ, звисно молодецьке дило; такъ бо моя Оксана — такъ дума соби — дарма що й шутлыва, и жартлыва, та вона не загубыть себе, вона зна що е грихъ и погыбель; вона не напустыть на себе славы.

Та й правда жъ бо. Перестала Оксана жартуваты и до подругъ бигаты; усе сыдыть дома, то шье, то пряде. По переду сыдила зъ роботою пидъ виконцемъ, та якъ забачыла, що копытанъ почавъ, що у Бога день, мимо викна ходыты, та шапочку знявшы, поклонятыся, колы вона гляне на него; вона се бачучы не разъ и не два, стала казаты ма-

тери: — «Сыдять, мамо, вы бия викна. Вы стареньки, не дуже бачыте, а мыни усюды выдко.

— От-такъ-накъ! — каже маты: —

Чы годытця жь мыни на старосты сыдаты у викна, та усимь показуваты свою старисть? Ты молодь чоловікъ, ты дивка; тоби подоба у виконця сыдаты; йтyme добрый чоловікъ, побачыть, полюбыть, буде зальщатысь за тебе. —

«И вже, мамо, сего не кажить.»

Сказала Оксана, та й пересила до полу. Маты втишаецця, що дочка не пиддаецця ни на яке дурачество и знай копырса слипуючы, то очипкы, то рушныкы на прыдане дочки, а того й не бачыть, якъ та, роблючы, знай слизонькамы вмываетця!.... Вона добре розыбрала,

зъ якою думкою копытанъ збирався до нихъ на кватырю!... Се жъ вишь мене любить?.... прыговорювала соби лежучы на подушци, що хочъ вѣкруты видь слизочокъ ии....

Не поживывься нашъ копытанъ кватырою. Не забаремъ — рышь у хату до Веклы старосты; одынь — такы — сусидь ии, а другый, пидтáкачка салдаты. Почалы говорыты законни речи; Векла слуха, а Оксана зъ кимнáты и не показуетця, прислухаетця, щó зъ того буде. Якъ договорылы до кинця, такъ за кого жъ сѣ воны прыйшылы свататы? — Эге!.... за копытанового денщыка!.... «Виддай — кажутъ старосты — паниматко! Дочци твоий добре буде и у хóроши походить и у добри поживеть»

и се й те йй приставлялы... Сердешна Оксана такъ и вдарылась у груди, та впала въ подушкы, що бь маты не почувла ии голосинья, що такъ и рыдá! А стара Векла выслулавшы ихъ, та ще пидь веселый часъ, не стала имъ выговорюваты, бо дуже добре розыбрала, до чого воно ё, та дывытця на нихъ веселенько и каже: — А що? Чы не зь брехунивкы вы, люде добри?»

— Що бь то якъ? — зпытався першый староста.

«Та такъ каже маты. — Я бачу що воно ё. Нема у вашому дили ни словечка правды. Бачу, для чого воно робытця. Такъ слухайте, люде добри! Е на неби Богъ мылосердный! Винъ не повелива гнушатыся надь сырѣтствомъ! Тяж.

кый грихъ зобиждаты и усякого чоловіка, не то що сироту. Якъ сонце на небі, такъ у усякого чоловіка слава. Лыхо тому, хто загубить ии; лучче тогди на свѣти не жыты. Що жъ за чоловікъ, що пидкопуецця пидъ чужу славу, та ще пидъ дивѳчу, пидъ сырїтьску. Не хочу я ни золота ни срибла, колы за него погубыты славу моеи дочечкы, моеи утробы, моего нарожденя! Лучче я маю, своимы рукамы навязаты ий каминь на шыю, та утопыты у ричци, чимъ виддаты на согришенье, на поругательство! Господы мьлостывый! Чимъ я тебе прогнивила, що чуо таке мыни посміянье? . . . Тутъ ажъ сплакнула; дали й каже: — «Ийдить, люде добри, туды, видкнля

прыйшы и до тóго видъ кого прысла-
ни. Грѣхъ, стыдъ, соромъ тому копыта-
нови! Винъ благородный, винъ пись-
менный, винъ зна за що грѣхъ и чого
не можно робыты... другихъ бы нав-
чавъ, а не такъ робыты...»

Отъ у таки слыvky ускóчылы на-
ши старосты! Піймалы óблызня; не
знаю! — Поточылыся зъ хаты не озы-
раючыся. Кажуть, якъ розказалы копы-
танови, що имъ було у Веклы, такъ,
кажуть, ажъ зубамы заскреготáвъ.

Оксано, Оксано! де твои шуткы та
жарты? де твои танци та скокы? де
твои игры та щѣбетанья?... Усе мы-
нулося!... Гай, гай! Тажъ дивка, та
уже не та! Нигде ии у бесѣди не вѣдко,
у розговорахъ не чуте. Сыдыть усе дома

та дома, ни словечка не промовыть, ни пары зъ усть не пустыть! Держыть у рукахъ або рукавъ видь сорочки, а гóлочка застромлена спочыва... або хочъ за гребнемъ, то веретено доли лежыть и мычка на гребни цилисинька. Руки зпустыть, голову похылыть, дывытця—и ничого не бачыть; а часомъ слизочки тилки капъ капъ! — Була червона якъ макъ, теперь що день усе блидниша, усе блидниша. Щокы булы повненьки, теперычкы позападалы. Очыци, що гралы якъ зирочки, теперь прытухлы и мовъ чимъ заволочени, що, мовъ, и не бачуть ничо́го. Хочъ цилый день зъ матирью сыдитеме, то колы та до дочкы не заговорыть, то не почувешъ видь ненни пив-словечка. Колы що маты испы-

тае — «Не знаю, мамо!» — одинъ у неи одвить. А часомъ и такъ буває, що маты пытае про ложки, а вона їй каже про теля. . . .

«Що зъ тобою, моя доненько, сталося? Чы въ тебе що болыть? пытае маты.

— Не знаю, мамо! Бачытця ничо́го. —

«Чы журышся обь чимъ?»

— Ни, мамо! —

«Такъ бо я знаю що ты журышся и знаю обь чимъ. Ты обь тимъ сокрушаешся, що копытанъ думавъ про насъ, що мы пустымося на грихъ и що я продамъ твою славу, а черезъ неи и мою душу? — Бо-дай винъ сёго не диждавь! И бо-дай ёму такъ тяжко и важ-

ко було, якъ моему сердцю, бачучы, що мое мыее дытя, моя порошына у воци, мій квиточокъ завьядае, сохне якъ былыночка. . . . Та й прыгёрне їи до сердця. . . . и плачуть укупи.

Писля такого пестованья, та бачучы матерыны слёзы, тужь-тужь Оксана не признаетця, що се вона плаче, сумуе и вбываетця объ тимъ, що любившы дуже крпико копытана, чула видь него и винь їй заприсягався, що любить и їи видь щырого сердця и що не покинє їи до вику, и що вона ему и краще и мылише усихъ. . . . та й чы мало чого винь їй не наговорывъ! . . . Та писля-се-го, щó задумавъ? Якъ вона видь него пидь вербою насылу вырвалась; якъ винь хотивъ у ныхъ на кватери статы,

що бь швидче згубити їи славу; якъ хотивъ узяты за свого денщыка, що бь описля орудоваты ею якъ бы захотивъ.... та збираючысь обь симъ пожалитысь, стыда рады не зможе вымовиты ни словечка, та тилки що заплакне, та впьять за свою думку, що якъ-то копытань звивъ їи.

Якъ не вьдко було на вульци и нигде Оксаны, то подругы їи часомъ було прыходють до неи або шыты, або прясты, що бь розважыты їи то писенькамы, то усякимы розказамаы, такъ усе ничого! И дывытця и слуха, та й невсмихнетця якъ тїи регочутця. Бидна Векла, глядючи на неи, журытця, накупыть їй и горішкывъ, и медянычкывъ, и тарани, и гороху їй спряже.... по-

куштуе, бачыць що други дивчата идять, а вона й байдуже!... Не хочу, мамо; у душу мыни ни щó не йде». . . . та худа соби на лыхо, що зовсимъ тилки що не звáлытця. Безъ знахуроць, та безъ ворожокъ не обійшлося: выльвалы переполохъ, вмывалы видъ урокивъ, шепталы видъ очей и що не робылы, усе ничóго, та й ничóго. . . .

Опричь дивчатъ, прыходылы провидуваты Оксану и жинкы й молодыци, бо Оксану усе селомъ любылы. Промежь ными була Мелашка, молодыця проворна; не було того весилья, дебъ вона не була свашкою, на масныци волочыты колодку, вона перша приводныця, видколядують дивчата, вона зыбрала свй ватажокъ молодыць, пишла по пе-

редь уеихъ; зпароваты парубка зъ дивчиною, ии подавай: вона звездé. Отъ якъ стала вона ходыты до Оксаны, якъ стала зъ нею шупу-шупу, ажъ-гулькь! — наша Оксана стала потрошку виддыхаты. Вже й борщыку поисть, капусткы зъ свыныною забажа, и вже часомъ и всмихнетця, якъ чому́. Дали та дали, вже й каже: «пиду я, мамо, прохожуся; або на вдвирьи посы́жу, або до Мелашкы схожу.»

Маты радисинька, ще сама ии выпровожа. И що пиде Оксана до мелашкы, то вернетця усе веселенька, усе нибы здоровиша, дали мынулося усе лыхо, стала наша Оксана и здорова, и повновыда, и румьяна якъ була: и наряжаетця и чепуритця що дня, и впять узя-

ла свою натуру, и щебече, й сміетця, и выгадуе, и регочетця, и до матери ластытця, ще троха не веселишь стала чимь по-переду була.

Що жь то й такъ Мелашка почи-
ныла? Ма-буть ворожыла надъ нею, або
що не будь такé зробыла, що якъ зъ
воды вытягла нашу Оксану? Эге!
Вона добре поворожыла; вона пидлизла
до Оксаны, та й стала й розказуваты,
якъ то копытанъ ии любить, якъ вбы-
ваетця за нею, чуючы, що вона недужа,
и що й самъ, хочъ вмираты, що не ба-
чыть ии.

«Такъ же то й люблять, якъ винь»
Стала скрызъ слезы казаты Оксана, а
самій ажъ повеселишало трохи, що ё
кому свое горе розказаты и про копы-

тана поговорыты. — «Якъ бы любывъ справди, такъ винъ бы не хотивъ мене погубыты, винъ бы не топывъ мои славы! . . . Тутъ и розказала усе, до чого копытанъ мавъ їи пидвесты; а сама такъ и залываетця слизьмы.

Мелашка тутъ и пустылась зъ своимы лясамы! Тилки її того й треба було, що бь Оксана стала жалитця на копытана. . . тутъ вже вона и почала, и почала. . . вже така щебетуха невыбреше, якъ кого захоче! . . . И почала шепчучы казаты, якъ и самъ копытанъ теперь жалкуе, що такъ робывъ, що, вже теперь не буде и що вже въ него вже й думкы такой нема; що колыбъ тилки ему побачытысь зъ Оксаною, то винъ їи розкаже, що дума робыты. . .

«Що ему зо мною робыты? — Сказала Оксана. — Покынуты мене бидну; нехай пропадаю!.... Не слухаты було его по переду, непризнаватись що и я полюбыла его.... А теперь що? Винь мене не озьме, а на безчестья я не пиду, хочь нехай мене й пече й риже.»

— Та тилки послухай его, що винь скаже. — Усе свое товкла Мелашка и що день усе обь симь товковала.

Першь Оксана и рукамы й ногамы: — не хочу й не хочу. Я бачу що я швыдко вмру; за для чоґожь винь мыни? Нехай здоровь живе, та другихь пиддурюе.» — Дали, слухаючы Мелашкы, стала вже казаты: «Не хочу его бачыты, бо й мыни жалко.» — Дали каже: «Я бь и пишла, а якь же винь

впьять прійметця за свое?» — Тутъ же, якъ забожылася и запрысяглася Мелашка, що винъ и не дума ни чимъ досаждаты, а тилки хочъ бы побачытысь хочъ на часынку, то Оксана й сказала: «спиду, колы маты пустыть.» Отъ и пішла.

Не зъ биса жъ лукавый и копытань! — Ажъ заплакавъ, якъ вздривъ Оксану и тилки що голубывъ їи, та кричко пылно просывъ, що бъ вона ни объ чимъ не журылася, одужувалабъ швидче и що винъ мае, таке гарне щось сказаты, що ихъ щастья усихъ буде.

Оксана, якъ дуже кричко любыла копытана, то й повирыла ему и бачунысь зъ нымъ частисницько, не думала

про него, що бь винь ійшовь на погыбель іи. Знай прыходыть до Мелашкы, що въ Бога день, бачытця зь копытаномь; а дали винь іи довивь до того, що, чимь до Мелашкы ходыты далеко, стали вони жодень вечорь зыходытысь пидь вербою, била Веклыной хаты.

Ма-буть що пидглядивь Петро про си ихь сходьбыща, а вже не чувь ни видь кого, бо нихто іи никола не бачывь пидь вербою, якь вони зыходылысь. Хыба, може, тилки Петро, якь небудь пидуздривь ихь, бо пылно слидывь за Оксаною и колы й бачывь, то вже нікому ни словечка не сказавь, бо бувь парень чесный, душу добру мавь и беригся що бь кого заняты, або словомь осудыты. Якь-то тамь було, мы

не знаемо, а тилки разъ надъ вечирь, прыйшовъ винь до Веклы, впять за тимъ же словомъ.

«Якъ дочка хоче — видвить дала Векла: — такъ нехай и буде. Якъ бы по мыни, такъ я бь ии сегодня виддала. Та я не така маты, сыловаты не буду. Кажы, доню, якъ знаешь.»

Думала Оксана, думала; щыпала той рукавъ у сорочки давненько, ажъ ниткы повыдергувала и черезъ сылу намирлялась сказаты: — «Семеновичу! Бачу я, що вы мене дуже любите... дякую вамъ за те, що вы маєте мене щасливою зробыты... ни зь кимъ не буде мыни такого щастья, якъ зь вами... та подождить ще...» — Дали зглянула на Бога, перехрестылась и каже: — Отъ

вамъ хрестъ святый! Колы до Покровы... не вмру, або що не будь... тогди, мамо, якъ знаете, такъ и робить.»

Здвыгнувъ Петро плечыма, покывавъ головою, та сказавшы: «Глядитъ, що бь тогди вже не пизно було!» —

Махнувъ рукою, та й пишовъ зъ хаты.

«Що се за ричь така? — думавшы довго Векла и дивлячысь на дочку, зпытала ин.

— А хто его зна, мамо що се винь сказавъ. Може що не будь до себе: або у дорогу пиде; або другу дивку знайде, такъ мы що бь не жалковалы... —

«Оксано, Оксано! гляды!...»

Вже Оксана и на шыи у матери, вже й обняла и выциловуе ин. «Чы можно, що бь твоя Оксана, та довела тебе

хочь слезынку обь свой доли зпустыты? Я тебе радоватему, я щастья и тоби прынесу... Николы не заплачешь через мене, не здыхнешь обь мыни... бо й мыни лучче от-туть заразь передь тобою на симь столи лягты, чимь погубыты себе, та не тилки погубыты, и славу пустыты на себе.» — Та се сказавшы, стрыбь-стрыбь зь хаты до копытана що вже дожыдавъ ии пидь вербою.

«Що жь, мій орлыку! що зь сего нашего жєныханья буде? — До мене Петро прыстає, маты швыдко прысылує; а дивчата чулы видь салдатовь, що вы швыдко пидете видь насъ у походь...» Такъ казала Оксана сыдючы у копытана на колинкахъ, обнявшы его одною

рукою, а другу винъ державъ. — «Колы ты пидешъ, а мене тутъ покинешъ.... почувешъ.... про мене....»

— А отъ що буде: — сказавъ копытанъ. — Мы збираемося у походъ, я зъ тобою звинчаюся и тебе озьму съ собою.

И стали вони любытыся, и скилки разъ ни зыходымыся, у перше ще копытанъ сказавъ, що озьме ии за себе.

Що жъ Оксана? Рукамы зплеснула, затрусьмасы уся.... и ледве промовыла: «И сему жъ правда?.... Скажы жъ мыни, якъ передъ Богомъ!»

— Якъ передъ Богомъ кажу тобі, моя Оксаночко, що такъ воно е. Я давно узявъ бы тебе, та бумага на наше винчанья не прыйшла ще зъ полку.

Я думавъ, якъ вона прыйде, не кажучи
ничого, узяты тебе за руку, та й пове-
сты до церкви. . . .

«Такъ я жъ матери объ симъ ска-
жу. . . .»

— Ни, моя Оксаночко, ще не часъ
йъ объ симъ казаты. Я думаю ось якъ.
Ни словечка йъ не кажучи, мы звинчае-
мося и прыйдемо по матери, и прыне-
семо йъ и шовковихъ плативъ, и плат-
бивъ, и хустокъ, и золотихъ очипкивъ,
и усего що звычайно для паней, бо й
вона стане панею, якъ буде копытанська
теща. А що тебе вже выряжу, такъ. . . —

«Мыни ничого не треба — кынув-
шысь ему на шыю стала его выци-
ловуваты, та прыговорюваты : — тилки
бъ мыни у сіи чорніи оченькы дывы-

тыся́ та ихъ ццловаты, и сцн щочечкы,
и сц губочкы....

Такъ довго женихавшысь и пора-
дывшысь зовсимъ, що бъ у недцлю имъ
винчатись, и тогда вже матери объявы-
ты, розцйщлысь собц. Оксана бцжыть
до дому и земли пцдъ собою не чует....
Копытанъ, котрого вона такъ любыть,
озьме цн, вона буде панею, маты буде
у роскоши, у богатствц жыты.... Чы ё
така щаслыва якъ я? — думае Оксана
убцгшы у хату.... и досадно цй, що
маты вже лягла спаты, якъ се цй ча-
стенъко бувало, що не дцждетця дочкы,
та цй ляже; а теперь Оксани досадно,
що никого цй пестоваты, та нцжыты;
бо сама себе не тямыть зъ радосты.

Недильня не далёко, треба-бъ Оксани збиратысь за-мижъ. та чого їй збиратыся? Хоть одежа, хоть сорочкы, вже їй сего не треба, вже въ неи усе панське буде... и рушныкы жъ, и подаркы, въ ныхъ усé не по нашому... такъ дума наша сердешна Оксана и ни обь чимъ не дума, колыбъ тилки швыдче недильня прыйшла.

У суботоньку у вечери, тилки зійщлысь нидъ вербою, копытанъ и каже Оксани: — «Знаешъ що душко? Завтра у ранци мы їдемо у походъ...»

— А якъ-же се? — ажъ зкрыкнула Оксана злякавшысь.

«Але! не бійся ничо́го. Моя бумага у полковныка. Я завтра видведу сада-

тивъ до нѣго, озьму бумагу, та й явлюсь тутъ и къ вечеру. Гляды, дожыдай мене, не заходя дѣ далеко. И матери ни пивсловечка не кажы.... Що за гарну спидныцю я ій зправывъ! люстрынову; и юпку парчеву.... Що вже на усю губу пани буде!....»

Вже колы Оксана чула, що матѣри ии буде гараздъ, тутъ вже вона ни обьчимъ билшь не думала и хочъ що ии скажы, усе зробыть и увсимъ послуха. Тутъ стала зпомынаты, якъ маты здывуетця, якъ зрадуетця.... Колюбъ у нашій церкви винчатысь, що бь и дивчата подывылысь, якъ я панею наряжуся!....»

Чого то вже тутъ копытанъ не брехавъ? Чого не выгáдувавъ, що бь тилки одурыты нашу Оксану! А вона, сердеш-

на, якъ рыбонька на удочку, такъ сама й кыдаецця и чипляецця...!

Хочъ тилки и до завтрёго розхóдылысь вонны, та Оксани щось дуже на сердци жалко було!... Усе бь вона плакала и сама не зна чого!.... Та се, мабуть, видь того, що я за-мижь ийду? що маю покынуты и свое село, и свою хату, и скрыню?.... Не хай хто хоче забира: я вже панею буду, пиду у походь.... Яково-то ще мыни на панстви буде?.... Та й заплакнула.

Ранкомъ у недилю проводымы салдатовъ зь села якъ довгъ вельить. Копытанъ верхы, кланявся и прощався зь старыкамы и туды поклонывся, де жинкы и дивчата стоялы и Оксана зь нымы; поклонывся, та й покрывся конемъ,

ажъ сѣилки выдно! Тутъ чогось пидійшовъ Петро до тїи купы, де Оксана стояла, та розговорюючы зъ подругамы, реготалась. . . . Петро подывывсь на неи, здвыгнувъ плечыма, та й пишовъ соби.

«От-такъ-ты, мамо, зробы, якъ наша Явдоха Горшковóзивна! сказала веселенько Оксана, вернувшыся до матери.

— А що тамъ таке вона зробыла?—
пытала маты крѣшачы локшыну.

«Помандровала за салдатамы.»

— Ю? —

«Далеби. Та ще середу-дня. Уси бачымы, а вона у вобози ховаецця. Демко *уб* ий сміався, такъ ще й языкъ ему вы-
солопыла.»

— Що жъ маты?

«Голосыть не що.»

— И не вмерла видь тугы, та видь сорому людського? —

«Ажъ жалко на ней дывытысь, якъ то плаче. Зосталася на старосты якъ персть! У! якъ бы я піймала от-ту бузвирку, я бь ий голову видтяла, що бь не кыдала матери, та не робыла стыда на усе село.»

Такъ имъ сее чудно було, що увес-денычкы усе говорылы объ Явдоси и объ ий бидній матери. Оксана никуды зь хаты не выходыть, хочь маты и посылла ий до подругь. — «Не хочу, мамо. Мыни и зь тобою весело.» Тилки сонечко повернуло вже вона й выгляда копытана, а его нема. Уже й надь вечирь, нема. Сонечко зайшло, копытана нема,

Оксана у слезы.... «Що жъ? — каже— хочь и обманувъ, та не посміявся..... Колы не вмру зъ журбы, то зможу забуты его. На соби усе лыхо перетерплю, а вже нікому, нікому не скажу.»

Такъ сыдыть на завалыни и свитомъ нудыть, а вже й смеркло. Якъ ось копытанъ, хапъ ии за руку.... Пойдемъ, Оксано, винчатысь.)

У Оксаны такъ сердце й захолонуло..... «Пиду жъ я..... до матери.» каже.

«Не можно, Оксано. Описля прыйдемо.

— А благословытысь? —

«Вона описля насъ поблагословыть. Ходимъ, душко, швидче, пипъ дожыда.»

Не пішла Оксана, а винь їи по-
вивь....

«Куды жь вы йдете? Ад-же онде
цёрква, а се вже зь села...»

— Не можно, душко; я полковый,
такь треба що бь нась винчавь полко-
вый пипь....

«Такь де се?....»

— Гень у тимь сели, де полкъ но-
чуеть, пьятнадцять верстовь видсиля. —

«Такь що жь от-се?.... вже не
йде, а копытань тащыть їи; и вь неи
и руки й ноги одубилы!»

— От-то що треба швыдче поспи-
шаты. И пипь дожыда, и госьци на ве-
силья зыбралыся.... Скоришь йды,
ось-де й брычка моя. Поидемо. —

«А маты? Охъ, вернуся я, та скажу. . . .»

— Та куды ты будешь вертатысь? Вона вже далеко, а ось де й брычка. Швыденько сидай, мы заразъ до неї вернемося. . . .

«А не обманюешь ты мене?»

Туть копытань и почавъ божытыся й заприсягатыся, що усею правда, и що тилки полковый пипъ ихъ звища, такъ и вернутця до матери и озьмутъ ии зъ собою. . . . Та сее кажучы, зовсимъ нечувственну Оксану упхнувъ у брычку, сивъ самъ, крикнувъ: «Пашоль!» и помчалысь кони якъ стрила!

Оксана на взрыдъ плаче, а копытань ии уговорюе и усе ий приставля,

якъ от-отъ приидуть, звинчаютця и вернутця до матери....

Не забаремъ и добиглы. Копытанъ увивъ Оксану у свою кватырю, ни жыву, ни мертву.... такъ и впала на постиль, та слизьмы облываецця!....

Копытанъ заразъ и крькнувъ: — «Горбуновъ! Бижы, скажы батюшци, щобъ йшовъ винчатъ скорише.»

— Слушаю, ваше благородые! — крькнувъ салдаты, и побигъ.

«Дайте намъ чаю. — Гукнувъ Копытанъ — «Нашыйсь, душко, чаю; ты зовсимъ зомлила, впадешъ пидъ виццемъ.»

— Я его зъ роду не пыла и не хочу. Видвезить мене до матери. —

«Треба выпыты хочь трошкы, пры-
выкай. Теперь будешь панею, треба
усякый день пыты. На, хочь ложечку,
колы любышь мене.

Ничого Оксани робыть, узяла ло-
жечку, солодке, горло промочыла, що
дуже запеклось у неи... «На, ще ло-
жечку!» — ще ложечку прыняла. —
«Хлысны зь чашкы хочь трошкы.»
хлыснула, и у друге, и у третье, и у
пяте... и выпыла усю чашку.

Трошкы полежавшы, пиднялась,
вже й веселенька; не видмагаетця видь
другои... очыци посоловилы... заще-
бетала наша Оксана! Знай росказуе, якъ
вона нарядытця пидь винець, якъ пры-
иде до матери, якъ та здывуетця, зра-
дуетця... а тутъ сама третю чашку

сама узяла и выпившы, вже сыдыть у
копытана на колінкахъ и сама соби
весильныхъ писенёкъ прыспивуе, дали
щось забормотала и голову похылыла...

Напылась Оксана панського чаю!
Будешъ, сердешна тямыты и по викъ
оскомы не збудешъ!
.
.

и «Пропала я теперь на свити!....
крыкнула сердешна Оксана якъ, про-
кынулась у ранци, дывлячысь дѣ вона
и що зъ нею сталося.... Господы мы-
лостывый!.... стоять и на мисьци не
устоить, блицна якъ смерть, трусытця
усимъ тиломъ, якъ зчепыла руки, такъ
воны въ ней и закостенилы; розплетени
косы повыслы по плечамъ, очи й ды-

влятця, та не бачуть, що тутъ лежить коньтанъ погубитель іи и спить не чувствує що винъ наробивъ!...

Прокынувся винъ скоро и бачучы таку Оксану, що зовсимъ якъ смерть, кынувся до неї, що бь уговорюваты іи; зхопывъ іи за руки, рукъ не розведе; посадивъ іи на постиль, вона й сила... хылытця... хылытця, и впала зь постели до долу... и не жыва зовсимъ.

То водою видылы, то натыралы ій выскы, то уксусу давалы нюхаты, сякъ-такъ зивнула Сердешна... звела очыци до Бога... и ледве-ледве промовыла:—«Зарижте... мене... зовсимъ...» Тутъ коньтанъ кынувся до неї, ставъ іи розважаты, ставъ прохаты, ставъ умоляты, що бь не вбывалася такъ,

що бь не журылася, що се ничего, що
оть же прыньмутъ законъ, звинчаютця
и усе винь покрые, якъ довгъ велыть...

Оксана хочь и дыше сыдючи на
лижку, куды посадылы ии, и не бачыть
якъ винь коло неи вбываетця и що
винь ий говорыть; зырнула очыцямы...
«Мамочко!.... де ты?....» промовыла...
та якъ зарыда!....

Горбуновъ, денщыкъ, и той ставъ
плакаты, дывлячысь на неи.

А копытанъ усе вьетця коло неи,
та просыть що бь не журылася, що се
ничого, та щобъ убиралась швыдче,
що вже пора ихаты....

Не слухаючы его ничего; такъ сер-
дешна и повалылася ему у ноги. Охва-
тыла ихъ рукамы, цилуе, облыва слизь-

мы гиркмы, не зъ очей вже, а видъ
самого сердца, и стала его мольты: —
«Копытаночку мій! Ваше благородые!
Не знаю якъ васъ ще вышче возвелы-
чаты? Будьте мьни братикомъ, ще пуш-
че: батенькомъ риднымъ!... Послушайте
мене, бидную, погыбшую зовсимъ...
озьмите нязь, вырижте моею рукою
сердце мое, рижте мою душу, заколеть
мене!... Я недостойна жыты на свити
Божому; мьни не можно буты зъ людь-
мы!... Я вбыла матинку мою ридне-
сеньку! Що вона теперь безъ мене?...
Вона не пережыве такого сорому!... Я
згубыла свою славу... Я запропастыла
душу свою!... Рижьте, колеть мене не
боячысь гриха... Я й сей грихъ озь-
му на свою душу... На що мьни

жызнѣ безъ славы, зъ безчестыямъ!
Колы жь, мій копытаныку, прямо у
сердце! Не бійтесь гриха. . . . вы вже ме-
не гиршъ вбылы, вы погубылы мене
на вѣкы вишніи; вы, шутячы, смію-
чысь, виднялы въ мене що було у мене
дорогошого, святогошого. . . . доріжте мене;
се вже вамъ буде за-мисць играшкы! . . .
Я погыбшая на симъ свити! Якъ
згадаю про матиночку мою, жыва бъ у
землю пишла. . . . Матинко моя, риднень-
кая! Що я тобі наробыла! Чы
се жь твоя Оксана? Чы се жь ра-
дисть твоя?

Тяжко жалибно прыговорювала Ок-
сана, а сама першъ плакала-плакала,
ажь сльизмы пидпыла. . . . волюсья на

собн рве, у груды бьетця, а дали впяты зомлила й покотылась....

Салдаты убигы до копытана и кркнувуть: — «Пожалуйте ваше благородые; усе готово, васъ ждуть.»

Копытань обтершы слезы, бо й самъ, хочъ и запекла душа, а заплакнувъ такы трохы, ухватывъ безчувственну Оксану, завернувъ у салдацьку шынелю и вынишь ии на рукахъ и уложывъ у брычку.... Поихалы далшь!

Ни жыва, ни мертва лежыть наша Оксана у брычци; оцувуетця, трохы, бачыть, везуть ии, денщыкъ быля неи... Згляне до Бога.... «Господы мылосердныи!.... Чы се я? И от-се зо мною зробылося? Матиночко моя! Не прокля-

най же тїей, що була твоею донькою. . . .)»

Сталы на кватерю на другу ничь. Оксана злягла зовсїмь. Ни исты, ни питы ничого не хоче, и не згадуї ії.

«Чы не хочь душко, чаю?» Зпытавь копытань, хлебчучы его зь люлькою.

— Будь проклять винь видь мене! Ажь брыкнула, затрусывшысь Оксана:— то не напытокъ, то пекелный вогонь. . . и якъ замовкла — замовкла, и вже що копытань ни говорывь до неи, якъ то вже не розважавь іи, такъ ни якого одвиту не дала, а усе здыхала тяжко, а часомь и перехрыстытця. . . Ма-буть що не-будь замышляла.

Якъ ось у ночи, причуваецця Оксана, усе добре сплять.... вона тихесенько устала, чы обулася, чы ни, чы вдягла що, чы не вдягла, та тихою ступою ійде.... ійде.... ажъ духъ прытаила.... ійде.... та до дверей... рыпъ! и выишла. Тутъ ій вже легше стало дыхаты и вже смилишъ пишла до дверей надвирныхъ.... Налапала поночи засувъ и що то вже довго его двыгала, потыхесеньку, та по малесеньку, що бъ не стукнуты, та не розбудыты денцыкивъ, що у хаты сплять. И двыга засувъ и боитця, и уся трусытця, и дума соби, якъ-то якъ выскочыть на двиръ, якъ побижыть куды очи, зховаецця де не-будъ помы свить стане, а тамъ пиде прямисенько до матери... Видсунула....

и двери тихенько видчыняютця, спасы-
би й не рыпцять... отъ и зовсимъ
видчыныла... «Хто ійде?» крыкнувъ
часовый, що тутъ бия двери стоявъ...
Оксана такъ и змертвила! — Престра-
шенный салдаты, зъ предовгымъ оруж-
жомъ, якъ зхопить Оксану за руку, якъ
потаска́ ии у хату, та видчынывши две-
ри, такъ и вихнувъ ии, крыкнувши: —
«Вы спытэ, а дэвка ваша уйшла було...»
Тутъ денщыкы прокынулысь, пиднялы
Оксану, що впала було, якъ ии салдаты
ихнувъ. А тутъ и копытанъ прокынувся
и ставъ выговорюваты Оксани, за чимъ
вона дума втикаты? Сего вже не можно
й подуматы.

У ранци не поихалы ни-куды, тре-
ба було салдатамъ перестояты. Отъ и

прийшовъ ахвыщерь до копытана ; розглядавъ Оксану и ставъ ему завидоваты, що таку красыву дивку добувъ собі. Дали, буцимъ то й добрый, и каже, що ходывъ, каже, винъ до попа, що бь Оксану зь копытаномъ винчать, такъ зовсимъ бы дило, заразъ бы повинчалы, такъ нема видъ ин матери бамагы, а безъ того не можно винчаты. Послалы, каже, яко мога швидче, що бь поспила бумага, колы не сегодня, такъ завтра чуть свить.

Оксана сыдыть похымывши голову и ничего имъ не каже.

Дали той ахвыщерь и ставъ казаты, що копытанови не можно у походи дивкы зь собою возыты, такъ треба ин нарядыты мовъ денщыкъ. Треба, каже,

ій сіи косы выдрізаты и голову об-
стрыгты.

Коштанъ гукнувъ на денщыка,
що бь обстрыгъ Оксану. Тилки що той
прыступывъ, та намирився, вона якъ
выхопить ножницы, якъ зскочыла и
каже: — «Не дамъ никому орудоваты
надъ моею косою! Не вмила я зберегты
своеи славы, не достойна носыты и
дивочои красы!» — Та зь симъ сло-
вомъ — чыркъ! — Якъ не було, слав-
ной, русои, довгой, густои та пышнои
косы! Оксана зхопыла ии у руку, пры-
горнула до сердца, поцеловала... та
гирко-гирко заплакала... дали и по
голови себе ножницами чыркъ, чыркъ...
и пострыгла мисьцями усю голову...
зыбрала волосья и тежъ оплакала ихъ и

каже: — Такъ тобі, Оксано й треба. Згубыла свою славу, ходы жъ обстрижена! Я й забула, що мене треба було ще вчора обстригты! — Чесна дивка красуетця косою, а така якъ я, завжди обстрижена бува. . . . Збрала свою косу и волосьсячко усе, завернула у хусточку и прыгорнула до сердца.

Ахвыцеры думалы, що имъ велька морока буде одягаючы и по хлопьячій, и стали заговорюваты. . . . вона имъ и каже: — «Робить що хочете зъ стриженою Оксаною. . . . вона усе погубыла: и славу свою и косу, и розумъ; ий вже не можно ничего дивочого носыты!»

Якъ и одягали, якъ пострыгали по хлопьячій, вона не пручалася, ничего не казала, тилки що плакала. . . .

Сердце болить розказуючы, якъ-то страждала наша сердешна Оксана и що терпила видь копытана, злого чоловіка!... Усего й пересказаты не можно, Якъ винъ ии по походамъ возывъ зъ собою, якъ ии стерегли и ничъ и день, що бъ не втекла. А зберутця до него ахвыщеры, то вона що бъ стояла передъ ными, люльки имъ подавала и хочъ уси зналы, що вона дивка, та переряжена по хлопьячи, та вzywалы ии: «Иванькою» и жартовалы зъ нею и выгадовалы де що. Вона жъ якъ стина мовчыть передъ ными и ни пары зъ усть не пустыть, тилки здыхне и подума: — «Слухай, Оксано, якъ заробыла!»

Ще такы безсовистный копытанъ не перестававъ ии обдурюваты. Ще та-

кы, якъ часомъ Оксана дуже розплачетця, та стане его поприкаты, та стане ему приставляты, якый-то винъ грихъ надъ нею зробивъ, то буцимъ-то й жалкуе и почне впьять божитысь и клястысь, що винъ зъ нею звинчаецця, тилки отъ не прыйшла бумага видъ матери; и почне ий усяки теревени правыты розважаючы ии; то, сердешна, хочъ и не зовсимъ, а часомъ було трошкы стане вирыты, може, дума соби, и зправды колы-небудъ винъ зхаменецця и покрые свій грихъ? Пидожду до случного часу!

Вже й хлопчыкъ въ неи явився!... Тутъ-то копытанъ, пры тій жинци, куды ще за здалегидъ завизъ ии для такого случаю, тутъ-то вже божився, и

образъ съ стины знимавъ и заприсягнувъ, що тилки Оксана не зробіть надъ собою ничего и благополучно рипшитця, такъ заразъ и звинчаецця зъ нею, що бѣ и грихъ покрыты и рабѣнка у законъ увесты. Ще не дуже писля родынь выходылась, а винъ вже и привизъ їи впять до себе, боячысь, що бѣ вона не втекла, бо усе у неи на думци се було и часомъ, якъ донече їи журба, то вона й проговоритця.

Писля родынь не винчаецця копытанъ. Стане Оксана плакаты, стане копытана выпытоваты, що винъ дума зъ нею? Супостать засміетця, та й тилки. Треба Оксани на хытрощи пидниматися.

Стала веееленька, перестала тужить

стала говорлива хочь зь копытаномь, хочь зь ахвыщерамы якь зійдутця. Проматирь не згадуе и про винчанья не зпомына... Агу! ій стало билше воли. Стала прымичаты, вже за нею не такь доглядають, а дали вже й не каравулять. Дали-дали, вже ій можно, по переду зь салдатомь, а дали й самій, свою дытыну, свого Мытрыка одвидаты, що годувавсь у другимь сели, не далечко. Вже ій можно, колы захотила, и по базарю самій походыты, хочь до пив-дня. Ходыть вона по базарю и колы лучатця яки люде що знають, оть вона и розпытуе, на яки и на яки миста, дорога у такій Губернии до такого села? Хто зна, то й розказують ій. Вже вона сама не разь чула, якь зійдутця ахвы-

церы до копытана, та стануть той проклятенный чай пыть, зъ якоюсь пидльвою, видь чого и вона на викъ пропала, и копытанъ имъ розсказуе, що винъ и не думавъ николы винчатися зъ нею, а тилки обдурювавъ; а теперь що бъ усе покриты, думаю, каже, звинчаты ии зъ своимъ денщыкомъ, або вамъ кому, панове, програты у карты, бо вже вона мыни надокуча.

Чула се Оксана и не одинъ разъ и свою думку усе гадала.

Разъ, у вечери, зійшлыся ахвыцеры, и богатенько ихъ, до копытана. У карты грають, люльки смокчуть, пуншь пьютъ и по чарци не забувають; гомонять соби одинъ-одного не слухаючи; а денщыкы, одинъ кушанья готовить,

а другый побигъ у трахтырь за напыт-
камы, Оксана знаючы, що за нею не
буде ни якого дила и що вона було со-
би, пры такимъ банкети, що до-свиту
будуть гуляты, завсегда ляговылася спа-
ты, вона, узявши, шынелю свою звер-
нула и положила на свою постиль, мовъ
чоловикъ лежить и якъ уложила, та зъ
хаты, та зъ двора и вульцями усе биг-
ла, ажъ покы выбигла зъ того города,
та у село, де годовався ин Мытрыкъ.

Убигшы у хату, такъ и брызнулась
жинци у ноги, що доглядала ин Мы-
трыка и розказала, що вона задумала.
Ся молодьця знала усе що зъ Оксаною
поводьлось и не разъ вона плакала зъ
нею объ такій ин годыни, подумяла,
що вже, дума соби, мыни заплачено

упередъ гараздъ, а якъ Оксана зробіть такъ якъ дума, такъ на мене й пени не буде. Узавшы, нарядыла Оксану у свое жиноче, и голову їй покрыла; дала їй и кожушокъ старенькый дытыны рады, закутала Мытрыка, що вже трохи не году бувъ, и положила їй на руки. А тамъ зыбравшы усю хлопьячу одежку, що Оксана зкынула, та старенькыхъ пелюшокъ дитскихъ и пишла зъ нею... та до ставка... Ничь; нихто ихъ не бачывъ; положила на берези усю тую хлопьячу одежку дитськи пелюшкы, будимъ-то Оксана зъ дытыною втопылась, дала Оксани гривню на дорогу и выпроводыла їи ажъ геть по вульци.

Зосталася Оксана сама собі у саму, темну, глупу ничь, якъ палець! И їйты

бъ, и боитця; и куды йты и не зна добре: зна тилки города розпытуваты, на яки й йты. Подумала-подумала соби Оксана, дали й каже: — «Умила ты, Оксано, матирь покынуты, умй же й знайты и! Не боялась мандруваты, не бйся жь и вертатысь! Мала у роскоши жыты, терны жь теперь и голодь, и холодь, и усяку биду!.... Що жь робыты! Що ступлю, то далше видь гриха, а бльжче до матери.... Господы благословы!» Перехрестылась и пишла.

Хочь и темна ничь, а прыглядаючысь, дорогу выдко. И видь страху, що бь и тамь не зопынывь хто и видь радощивь, що вырвалася зь пекла, Оксана якь зь холоду, такь дрыжала, а туть и пустылась йты швыдче, що бь зо-

гритысь. Чы видыйшла скилки, чы ще й не дуже, а вже й зогрилась. А тутъ ще й кожушокъ, и въ узли пелюшкы для дытыны, и паляныця и пив-хлиба дала хозяйка, спасыби їи! — Такъ вже Оксана такъ зогрилась що не можно! Вже їйде, їйде, та й спочыне, и дума соби: — От-се їйду я до матиночкы моеи ридненькои! — Чы жыва-то вона ще? Може зъ журбы, та зъ тугы и померла, що бь не бачыты сорому, якый я нанесла на їи стареньку голову? — Коны не застану їи жывои, то вже звисно, що вона и вмираючы прокляла!.... У! страшно!.... Я проклята видь матери!.... Не устану зъ їи гроба, тамъ лежатеу ни ившы, ни пывшы, покы сама не вмру!.... Проклятїй видь мате-

ри, не треба жыты межъ людьмы....
земля не здёржыть!.... Колы жъ ще
жывенька?.... О Господы! Якъ я яв-
люсь до ней?.... Се та Оксана, що
була ій радисть, и втиха, и що ею ма-
ты потишалась и вельчалась!.... Се
Оксана, що сміялася зъ Горшковозивны,
що помандрувала зъ салдатамы: чула,
якъ маты дывовалася, що Явдошына
маты не вмерла видъ тугы, що дочка
їи покынула, а сама черезъ годину ту-
ды жъ помандрувала!.... Явдоха жъ
може у вечери и вернулася, а Оксана
гордая, та пышная, що и за мужыка
не думала ійты, и що вельчалася надъ
усимá, ся повисылась на шыю копы-
танови, захотила разомъ панею буты; та-
скалась зъ нымъ по усѣму свиту, и ды-

тыну добула!.... От-тоби, мамо, Мыт-рыкъ. Няньчысь зь нымъ, тишь ёго; се твоеи Оксаны заробитокъ, що за ах-выщерамы бигала. Прыдбала тоби и че-сты и радости и поваженья. Беры ёго, мамо, на-руки! выходи на вулицю, похваляйся добримъ людямъ, отъ моя Оксана якъ наробыла! Ни сама послед-ня дивка у нашому сели такъ бы не зробыла, якъ моя дочка, що поважала-ся за саму першу!.... Розступыся сыра земля, прыймы мене, що бь я не бачы-ла матерыныхъ слізочокъ, тяжкого сты-да ии, що я ий наробыла!»

Такъ прыговорювала и дуже гирко плачучы лежала на земли Оксана край своего Мытрыка, що спавъ закутанный у пелюшкы, та у кожухъ. Плакала, пла-

кала дывлячысь на сына, и каже соби:—
«На-що винь родывся на свить? На
стыдъ, на лыхо, на горе. Просвитку
ёму не буде видъ посмишыща; зъ бай-
стриюка не выходытеме. Моя маты
ёго бачыты не захоче, проклене уку-
пи зо мною; я буду ховатця зъ пымъ
видъ людей!.... Прыберы ёго Господы!
покы ще я не дйшла до матери! Колы
бъ звирь, або що.... А я що? хыба я
чоловикъ? — ажъ закрычала Оксана
зскочывшы зъ земли и стала выпрямыв-
шысь и озыраючысь быстро по усёму
полю. У вочахъ у неи искры загралы, ^{уб}
волосья дыбомъ стало, руки якъ про-
тягла, та й не зведе ихъ. — «Я люти-
ша усякого звиря!.... Я вбыла свою
матирь ридну.... Я выпыла кровь ии

по капельци!.... Такъ пожалкую своего дитяты? — Воно не дитя мыни, воно урагъ мій!.... Якъ я зъ нымъ покажуся до матери, у свое село? Воно мыни стыдъ, страмъ, посмишище!.... Не треба его.... Пропадай воно нечестывого роду, урага мого, губытеля мого!.... О — о — о! якъ бы мыни попалась камынюка! Тутъ бы ёму и аминь! По головци гарненько-бъ.... и не пыснуло бъ. — Ни; не такъ. Отъ тутъ у канави, выкопаю ёму гарненьку ямку, положу ёго любенько.... та разомъ землею и засыплю и гробыкъ выведу; воно и не зчуецця, мовъ засне.... Нехай копытань съкае своего сына!.... Та сее кажучы и прынялась обома рукамы у канави, на рушеній земли копаты ямку,

а сама ажъ регочетця, що якъ-то гарно выдумала: и прыйде у село и безчестья не прынесе зъ собою и ни хто обь ии стыди и не знатеме. Звисно, що тогди сердешна Оксана видъ велькои журбы не обь своимъ уми була.

Отъ выкопала ямку и якъ вже добре розсвило, вычекурыла ии гарненько — зовсимъ готово. Уставшы на ногы, глянула на ямку, здрыгнула крипко усимъ тиломъ... дали зкрепылася на сердци... и худко пишла за дытыною, прыговорюючи: «ступай Мытрыку, годи тобі спаты на голій земли копытанськый сыну! От-тоби вична кватеря готова!...») Пидбигцемъ пидійшла до дытыны, протягнула руки щобъ узяти ёго... а воно, сердешныньке! выславшысь про-

кынулось и собі протягнуло рученяточкы, та сміетця такъ веселенько, звисно якъ годовычокъ, та й кыкнуло: «мамо!.... мамо!....» та такъ жалибно, словнисинько нынече просытця, що бь мама ёго не губыла. Здрыгнула Оксана дуже.... дали перемоглась, якъ кынетця, якъ ухопыть дыгышу.... а дыгына рученятамы и обняло ии и цилуе и белькоче: — «мамо!... Бозя!....» Оксана такъ и зомлила, и не зчулася якъ и впала на землю!....

Утренья роса, та витерець дмухнувъ на неи, отъ вона отямылася.... дывытця и не зна дё вона. А дыгынятко лазыть по нии, та усе що вмие, те й белькоче: — «мамо.... Бозя....» Тутъ Оксана згадала, що вона мала зро-

быты. Згадала и морозъ по ній такъ и пройшовъ! . . . уздрила ямку, що було для своен дытыны выкопала, разомъ зскочыла, ухопыла дытыну на руки и якъ стрила побигла видъ того мисця, и видбигшы, кынулася на вколишкы, положила дытыну и стала Богу молытысь щыро, и поклоны быты, и обещоватысь, що ни за-що вже не зробыть ни якого худа дытыни, донесе ёго до дому и колы й маты ёго не благословыть и видкыне видъ себе, и хочъ усе село гнушатеметця ёго, и байстриюкомъ дражнытемуть, хочъ щобъ то ни було йй за дытыну, вона ёго не покыне, выгодуеть его и до розуму доведеть; а дали й каже: — «Колы я не вмила буты дочкою, такъ буду вже матирью!» — и

стала вп'ять мольтыся и Бога прохаты щобъ простывъ їй сей тяжкый, смертєлный грїхъ, що вона хотїла зробыты надъ дытыною. Тїлки що помолячысь стала уставаты, тутъ якъ разъ сонечко зїйшло, та такъ ясно и такъ пречысто. . . . Оксани стало на души трошкы веселише, утерла слезы, поснїдала трошкы, дала їй дытыни папкы, завернула ёго, прыгорнула ёго до сердца, де у неи лежала у платочку дивоча їи коса — и пишла зъ своею думкою, часто здыхаючы и усе зъ дытыною розмовляла: «Бозя! — мамо!» а Мытрыкъ щебетавъ за нею, смїявсь ловлячы їи слёзы, що такъ на нёго капалы, та їй заснувъ соби.

Довго того розказуваты, якъ наша

сердешна Оксана зъ своимъ Мытрыкомъ пробиралась черезъ уси миста до свого села. Часомъ добрый чоловікъ лучався и пидвозывъ ии, а бильшь того що ійшла. Рукъ не чула несучы дытыну, ноги дуже болилы видъ ходьбы, де выпросить чого зысты, а де й ничого не дадутъ, то й голодовала часто зоставляючы дытыни и послидню крыхту. Отъ-вже доходить, вже усе бльжче, усе бльжче до свого села... а сердце тильки тѣхъ-тѣхъ! а на сердци, такъ Богъ зна яки думкы! — Якъ вона явытця матери?.... що мати скаже ій? — Ще то чы жыва маты?.... Горечко ій тяжке! Скилки вона тамъ ійшла и якъ вже ійшла, а такы дйшла. Осъ верстовъ

зъ десятокъ зосталосѣ до своего села. Дума соби: хочъ и не рано вже, а якъ поспишу у останньѣ, то хочъ смеркомъ, а такы добреду до дому.... Якъ же въ неи одна думка, що якъ-то вона побачытця зъ матерью.... або знайде вже їи на кладбыщи, такъ їйде й ноги нейдутъ, и спотыкаетця, и становытця, впьять пиде, дрыжыть усимъ тиломъ, у горли засыха, де найде водыцю, промочыть смажни уста, впьять пиде.... духъ їй захвачуе, не здужа, сяде, чы виддохне хочъ трохы, чы ни, впьять скочыть, впьять пиде и впьять не на довго.... та такъ и опизнылась. Полуношна зирка зійшла, а вона ще далеко видъ села. Дыбала-дыбала, знемоглась зовсимъ, стало сириты, забачыла що

маячыть ихъ церква, вона такъ и впала на колишкы... «Церква свята! Я уви-ходьла у неи чыста й непорочна. Чы достойна жъ буду статы у ній зъ свои-мы грихамы!» — И що то вже плакала стоячы тамъ та молячысь!.... Глянула що землю змочыла слізъмы, отъ и ка-же: «отъ якый ралець прынесла я на родыму землю!.... Не довго буду я те-бе зкверныты ступаючы по тоби!... Не зступляйся передо мною, прыймы гриш-нее тило въ себе посмерты, хочъ за те, що буду тебе рано й вечирь слізъмы польваты!...»

Посылкувалась щобъ устаты, не змогла, тутъ на дорози и прыпала стог-нучы й плачучы.

Обвыднило. Иде чоловікъ дорогою

у село. Бачыть, щось лежыть на доро-
зи... пидыйшовъ блыжче, жинка зъ
дытыною, ма-буть недужа; лежыть, пла-
че, стогне и руки ламá. — «Чого ты
туть, молодыце, на шляху лягла?» Пы-
таеця чоловікъ.

Зырнула Оксана на голосъ, прыды-
вылась пыльно.... Охъ, Господы! крык-
нула, обернулась и къ земли, заплакала
навзрыдъ и каже: «покрый мене сыра
земле, нехай я небачу!...»

— Та шо ты таке? Чы недужа,
чы-шо?

Оксана не каже ничего, тилки гир-
ко плаче.

«Та ну бо; колы недужа, то я тебе
пидвезу.» Сказавъ чоловікъ и ставъ ім

поворочуваты, що бь знаты, що се
таке е.

— Убий мене, Петре! — Крикну-
ла Оксана. — Убий на симь мисьци:
я за тебе буду Бога молыты! —

«Та хто се такый? Щось я тебе не
пизнаю.

— Убий Оксану! роздавы ии пьят-
тою. . . . —

«Оксано! се ты?» — Крикнувъ Пе-
тро, и видступывся видь неи, зчепывъ
рукы, и, дывуючысь, дывытця на неи. . .

И якъ ёму було пизнаты Оксану?
Винь знавь ии дивкою здоровою, пов-
новыдою, румьяною, веселою, жартовлы-
вою, сёгодня розрядытця, а завтра ище
лучче. А теперь, бачыть, лежыть передь
нымь щось худе та прехуде, сухе, блидэ,

замліле, ажъ почорнила на выду! Не одежа на ній, а старцеве лохмотья на ній, и голова покрыта чорнимъ, пречорнимъ диявнимъ очіпочкомъ; лежить, не здужае устаты, и гирко плаче.

Добра Петрова душа! Кынувся до неї, піднявъ їн, посадывъ и самъ сивъ быля неї, розважавъ їн, самъ поплакавъ зъ нею, и якъ вона дуже выпытувала про матирь, чы жыва вона и якъ живе, то винъ и розсказавъ:

«Маты твоя, Оксано, жыва, та що зъ то́го? Лучче бѣ їй Богъ смерть пославъ? Осъ що я тобі розскажу. У той вечирь, якъ ты... тее-то... якъ вже тебе не було, вона и не хопылася, лягла спаты, думаючы, що ты не рано прыйдешь. Якъ же вздрила у ранци,

що тебе нема и що ты не ночувала дома, отъ тутъ вона вже не знала що й робыты! Побигла до сусиды на пораду, на провидкы... черезъ годыну усе село загуло, що Оксаны нема! Бидна твоя маты, и сказаты не можно, якъ журылася, та усе ништо недогадуецця, де ты дивалася. Ништо не знавъ, що бѣ ты зъ кимъ изъ служавыхъ любылася, а объ копытанови й байдуже, ништо й не думавъ. Колы жъ вона не за москалямы побигла — казалы люде — такъ або втопылася, або що. Шукалы и у ставку. Ажъ ось и вернувсь нашъ Киндратъ такы; ёго пидводу бралы пидъ салдатовъ, а винь ночувавъ у тимъ двори у дядька, де й копытанъ на кватери стоявъ. Чуе Киндратъ, що люды розказують,

що копытанъ привизъ зъ нашого села якусь дивку. Винъ щобъ подивытысь, хто тамъ така, чы не зъ дочокъ ёго хто; зыркъ у викно... ажъ Оксана сыдыть у копытана на колінкахъ, и обнима ёго, и цилуе, и веселенька, и веселни писенькы соби жъ прыспивуе... Правда жъ сёму, Оксано? було се?»

Оксана похылыла голову и втерла слізочки... Петро ій каже:

«Ну, дарма, се винъ такъ розказувавъ. Винъ здывовався, та якъ не ёго дило, то й видыйшовъ. На другый, каже, день, копытанъ поставывъ водкы щось багато и для своихъ людей и хазяинамъ. И Киандрать, каже, пывъ... Не плачь, Оксано, и не соромся; я розказую, якъ винъ казавъ. От-то Киандрать вернув-

шысь до Веклы, та прямо їй и каже: «не шукайте Оксаны своєї, вона от-такъ и такъ; тамъ и тамъ. . . . Тутъ вже не знали що зъ твоею матирью и робыты? Вона не заплакала, а тилки уся поде-ревьянила. . . . Сталы їи розважаты, вона мовчыть, та все у кутокъ пылно ды-вытця. Я тамъ бувъ и не видходывъ видъ неи.

Оксана хотила щось сказаты дякую-чы ёму, та за слизьмы не змогла.

«Отъ мовчала-мовчала и усé дывыт-ця такъ страшно на усихъ, дали и за-говорила таке що ї сказаты не можно! То крычала, що бъ ловылы салдатовъ, що вкралы въ неи душу, що вже въ неи нема души, що вже вона не чоло-викъ, що вона колода, ни на-що не по-

требна. То помовчить, та й стане людей прохаты до себе на весилья, що вона йде за копытана и почне повязуваты соби на голову що небудь, замисць скиндячокъ, та й заведе весильныхъ писенёкъ..... а якъ — каже — приведу соби доцю Оксаночку, гарну та перегарну).... та разомъ зъ сердцемъ и крыкне: — «то я їи за нижкы, та обь лавку. Убью гадюку, убью змію!.... Вона зъ мене кровь высала, вона...» та тутъ вже таке понесё, що не хочу тоби й розказуваты, бо й такъ дуже плачешь!....

«Годи-жъ, годи, перестань — казавъ Петро: — слухай, що дали тоби буду розказуваты. Страждала твоя маты такъ довго. Мы думалы що вона тронулась

зъ ума; одначе сякъ-такъ то молодыци, то знахури видволодалы їи, прыйшла вона до памьяты. . . . такъ що-жь? Тутъ-то, яке їи лыхо постыгло, тутъ и напалы на неї наши пьявкы! Заразь началство зъ громадою прысудылы, якъ Векла ё бездушная и сына и прыньмыта нема й не буде, то землю їи узялы у общественну и подилылы началныкы межъ собою. Тутъ пысарь по книгамъ знайшовъ, що бъ то твій дідусь, та ёго дїдови, та выненъ бувъ пьятдесятъ рубливъ, и объ тимъ и бумагу чытавъ передъ громадою. . . . а щó громада зна? — Отъ и прысудылы вашъ двирь виддаты пысаревн. . . . отъ твоя маты и пишла у сусиды. . . .»

— Моя маты у сусидахъ? — брык-

нула Оксана руки ламаючы. — Се я й такъ наробыла! — Та ажъ прыпала до земли плачучы. . . .

«Та якъ выйшла? Обибрана зовсимъ! То на ликы пишло, то бралы добри люды, за якусь, колысь-то пбзычку, а то й пидкрадалы, такъ що Векла, зъ богатои на усе село, у чимъ стояла, у тимъ и перейшла до Мыколы Штыри. Я ходывъ у дорогу, се безъ мене воны такъ упбралысь! — Вернувсь, дывлюсь, зовсимъ занастымы и звелы ии ни на-що! . . . Хотивъ уступытысь за неи. . . «Не рушь! — сказала мыни Векла: — Богъ зъ нымы! Се мыни ничогисинько! Коны Оксана такъ зробыла, а вже люды! . . . И на-що воно мыни безъ неи? Помру и безъ худобы. Вона

пойздыть зь копытаномъ, заробыть багато грошей, у роскоши поживе́ а я на смитьти помру! . . . »

Що вже плакала, та былась сердешна Оксана, такъ и миры нема! Якъ бы що́, сама бь на себе рúкы пидняла, слухаючы, до якои биды довела вона матирь! — Петро сякъ-такъ розважавъ и́н и ставъ совитоваться, сякъ и́ до матери явытысь; Оксана ничего того не слухала, пиду, каже, просто до неи, якъ и помандрувала просто. Умру билия нигь и́н! Нехай, що́ хоче, те и́ робить зомною.)

Петро довго сидивъ та усе думавъ, дали и́ каже: — «Якъ тоби, Оксано, и́ у наше село явытысь? Тебе засміють, зақыркають, про-свитку тоби не буде.

Послухай мене. Сидай на мій визь, я тебе проведу до мого двора, такъ, що ни хто й не побачить. Тамъ знайду материну плахту и свытыну и очипокъ, та й приїдемо по за вулицями до панотця, нехай насъ звинча, та тогди вже явимось и до матери. Вона побачившы що ты вже у законъ уведена, не такъ буде на тебе жалковаты; а и у сели, ни хто не посміе зъ тебе сміятысь, бо ты вже будешъ мужняя жона....

Ще Петро гараздъ и не договоривъ, а вже Оксана и бѣля нигъ ёго! Хвата ихъ, ци луе, слизьмы обмыва, ажъ задыхаеця и не зможе слова сказаты: — «Петре!.... Петре!.... ты не чоловикъ, ты Янголь Божый!.... Братикъ ридный сёго бь не прыдумавъ, що бь такъ

мене утишыты!.... Що се ты здумавъ?... Чы достойна жъ я, того, щобъ ты й думавъ такъ? — Якъ у твій чесный домъ, що була Богобоязлива симья зъ батька, зъ дида, та увесты мене, потаскуху, що соромъ на неи дывытысь, що земля не держыть? ...

— Ты знаешь, Оксано, що я тебе любывъ щыро и теперь ще тебе люблю. Я знаю твою душу, ты зпиткнулась тришкы. Хочъ що хочъ про копытана розкажуй, а й ты вынна.... ну, та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадувати не буду, мовъ дивкою тебе беру...

«Ни, Семеновичу, не остыжу нико-лы твоеи славы, не запáкощу твоеи симьи й роду!.... Я пропаща на ви-

кы! Хыба не бачышъ, он-де й заробитокъ мій. . . .

— Винъ буде моимъ сыномъ риднымъ. Черезъ тебе я и ёго любытому. Послухай мене: покрый свою славу, дай ему батька, а матери сына!

«Ось-дэ моя слава — сказала Оксана и выиняла платочокъ зъ своею косою и показала Петрови: — ось-де вона! Ни хто не може іи прыставыты до мене! Нихто іи не узявъ у мене, я сама, своими руками видрижала, якъ сама себе и погубыла. Прыставыты іи, и вернуты мою славу, ни якъ вже не можно. Хлопця выгодую, якъ здужаю; матери, колы ще допустыть до себе, буду ій и сыномъ, и дочкою, и роботныцею и крепачкою. Буду ничъ и день робыты, що

бъ ии пропытуваты за те добро, що через мене ришылась вона. А чужого вику не хочу заидаты, не хочу щобъ ты за свою добристь, терпивъ через мене.....

Що то вже довго уговорювавъ ии Петро, такъ вона ни за-що не захотила зробыты по его думци, хочъ зовсимъ бачыла, що винъ дуже вельке добро для неи, и для матери робывъ. Не захотила що бъ винъ ии проводывъ через село и видъ смиху оборонывъ, ни за що не захотила. «Якъ заробыла, такъ буду й чуты. Я ще й не сего достойна!»

Пожалковавшы, поїхавъ Петро своєю дорогою, а Оксана подумавшы, погадавшы, узяла сына, перехрестылась, пишла селомъ.....

Першъ усею зострилася зъ Оксаною молодыця, прежняя ии подруга. Прыдывылася — и крыкнула: — Такъ и ё! се Оксана. — Мотре! — дывысь Оксана ийде! — Мотря соби: — «Та Оксана жъ! и зъ заробиткомъ!» — Одна по аднй, и пишлы по усему селу... тилки доходьть сердешна Оксана до якого двора, дывытця, вже уси зъ хаты выйшлы, и дывуютця на неи, и сміютця зъ неи, и крычать: — «А що? погуляла за салдатамы? — Добула славы? — Несы салдатченка матери на втиху. — Чы байстрюкомъ матери хвалытця ийдешъ? — Не дывысь на мене паплюго!» — От-така ий честь була зо всихъ дворивъ. А колы дивчата выйдуть дывытця на неи, то матери заганяють и

лають, що бь и не дывылыся на неи.—
«Вона — кажуть — не достойна того,
за свое мандруваньня за салдатамы.
Остыдыла усе село!» А що пуце дитво-
ра! Такъ ти чувшы усе видъ старшыхъ;
такъ ажъ на вулицю выбиглы, и запо-
лы ии сипають, и крычатъ, и вже й,
прыложылы: — «Салдатка йде, бай-
стря несе. . . кыръ, кыръ, кыръ, кыръ!

Оксано, Оксано! Чы ты се усе чу-
ешъ у тимъ же сели, де колысь тилки
выйдешъ на вулицю, то уси выбигають
протывъ тебе, що бь хоть подывытысь
на тебе, та позавыдуваты на твою кра-
су; а колы було заговорышь зь кимъ,
такъ и той радисинькый и уси збираютъ
ця кругъ тебе, що бь послухаты твоихъ

ричей, шутокъ та выгадокъ. И що то: и самый престаренный дидь и немощный, що вывели ёго на вдирья, та посадылы на завалыни, и той якъ було проходышь мимо него, то такъ пылно дывытця на тебе, та ажъ не втерпыть и скаже: — «Отъ дивка, такъ-такъ! — А теперь яка тоби честь!.... Що то ще буде видъ матери?....

Середь такого вельчанья, йде сердешна Оксана, и куде йде, не зна, бо отъ стыда и свита не бачыть! Плакала бь, такъ вже й слизь нема, такъ вже сердце запеклось, що й слизынкы очи не пустяць....

Сякъ-такъ добрела черезъ сылу до Мыколыной хаты, де, чула, що маты ии живе. Зкрипыла сердце, видчыныла си-

ны, посадила хлопця доли, подумала, перехрестылась, видчыныла хату, глядь! Господы! Хто-то лежыць?.... На полу, на рядни, лежыць старенька, худа-худа, якъ шкелеть, жовта, блида, очи запалы, зъ пидъ старенького очинка свитыць биле, сиде, волосья, вкрыта старенькимъ кожушкомъ и выставыла руку, а рука суха-пресуха якъ скибка, и хочъ спыць, а стогне.... Хто се? дума Оксана. Чы не маты? — Такъ я жъ не таку побынула ии! Хочъ вже й старенька була, та була повновыда и ще не сида.... Та хто се?.... Стоить якъ укопана.... трусытця.... зовсимъ зомлиты.... Тутъ слезы ажъ до сердца пидступылы.... якъ побижать ричкою зъ очей.... не здержалася, проговорила хлыпаючы: —

«Матиночко!—рид-ненька!.... Чы сежы-ты?....

Стара лупнула очыма, быстро подывылась на Оксану, а та ажъ за пиль ухватывлась, не встобить на ногахъ.... стара заплющывлась, впять пидняла очи и дуже пылно прыглядалась, дали струснулась, стало їи дергаты по лыцю, глянула до Бога, пидняла руки.... и тилки крыкнула — охъ!.... вже Оксана кынулася до нигъ, достае ихъ, хвата що бь поциловаты, а сама такъ и залываетця слизьмы.... Векла, се вона й була, выпручала ногы, пиднялась, и сила на полу; трусытця, до Бога руки пидводыть, сылкуетця щось сказаты и не промовыть.... Оксана лежыть доли, ажъ пидпльыла слизьмы, потимъ стала

на вкóлишкы, піймала руку матерыну, и хочъ та виднимала, а вона такы держыть, та выциловуе ии... и соби не зможе слова промовыты!

Довго сего було, стара черезъ сылу и сказала: — «що се ты наробыла зъ собою? — та сказала такъ тыхенько, та любьязно; звисно якъ маты!

Хлыпа Оксана стоячы на вколишкахъ и слова не скаже. Духъ иїй захвачуе.

«Ты, бачу, й сама знаешъ, якъ себе звела! — стала казаты Векла и словъ не збере. Дали сылкуючысь, промовыла: — «йды соби туды, куды видъ мене пишла. На-що я тоби!»

— Охъ, мамочко!.... — Тилки й чуть видъ Оксаны.

«Мыни безъ тебе легче було!... Я не могу на тебе дывытысь!... іды соби... колы здужаю... вкыгну тебе...

Оксана не встаете...

«Мамо! ... Бозя!... Се Мытрыкъ, що покынула его маты у синяхъ, бачучы що двери у хату видчынени, полізъ-полізъ, перелизъ черезъ поригъ, долизъ до середъ хаты, сивъ, розглядавъ, глянувъ на образы, та показуе ручкою и белькоче: «Мамо... Бозя!...»

Векла глянула на него пылно, здрогнула, и пытае дочкы: «Се воно?»

— Воно, мамочко! —

«Подай мыни его.»

Оксана сама себе не тямлючы, ухопыла дытыну, положила на руки матери, и прыпала до нигъ матерыныхъ.

Векла, узявши дытыну, дывылася на неі доўго, перехрестыла яго: «Во імьіа отця, і сына і святаго духа. — Слава тобі Господы, що ты не звела яго; не взыла новаго гріха на душу.»

Мытрыкь сыціючы на рукахъ у Веклы, байдуже що тутъ робытця, усе ручкою показуе на образы, та усе знай: — «Мамо!... Бозя!... бачь...»

«Такъ, мій Янголе Божый! — сказала Векла, прыгорнувшы дытыну до себе: — «такъ, Бозя! Богъ і Самъ проща грішныкывъ і намъ грішнымъ вельіть прощаты ворогамъ нашымъ... устань Оксано іды до сэрца матерынаго, будь моею дытыною впыаты...»

Господы! і сказаты не можна, що тутъ вже было межъ нымы. Скилки

воны плакалы, обнималысь.... Оксана усе выпытуе матирь, чы видь щырого сердца вона ии прощае, бо сама соби неvirыть видь радосты....

И увесь день на тимь пройшовъ, що усе воны пестовалыся.... Стара Векла ажъ нынече здоровиша стала, и усе до Бога, усе до Бога, щобъ и Винь такъ простывъ, якъ вона простыла дочку свою.

Надъ вечирь, бачыла Оксана, що Петро прыходывъ до хазяина и розпытувавъ, що тутъ у нихъ було, а до Веклы й не заходывъ.

Увечери, Оксана розсказала матери усе, якъ спизналася зъ копытаномъ и якъ усе було, ажъ до послиднёго часу. Векла усе пылно слухала, не разъ

зплакнула, слушаючы стражданья Оксаныно, а дали сказала: — «Не було бь сего ничего, якъ бы ты мыни попереду сказала, що полюбила копытана, и зь якою думкою. Я бь тебе видвела видь него. Де такы сему статысь, щобъ пань, та узявъ мужычку? Колы и явытця такый супостать и стане таке казаты, то се на-смихъ, на погыбель. А якъ бы ты не гордылася, та не думала щобъ буты за паномъ, а выйшла бь за мужыка, отъ хочъ и за Петра, що дуже мыни у велькій прыгоди ставъ безъ тебе, то було бь усе не те... Охъ моя годынонька лыхая!... Ну, та вже сказано, Богъ простыть!... Будемо жыты, ныначе ничего и не було; и не зпомьянемо ни чимъ. А за копытана... нехай

я буду молютысь! — Спасыби Господу, мылосердному, що тоби на розумъ по-славъ («уклонытыся отъ зла») що покынула есы свого урага, не подумала за нымъ таскатысь; кынула усее зло, прыйшла до мене, и дытыну сохранила. Черезъ се ты знайшла впять мое сердце. Годи-жъ годи, не плачь вже. Зпочынь писля такого турбованья. Завтра прынемось за дило, якъ и попереду бувало.»

Отъ и справи, почалы жыты собі любенько. Векла чула якъ селомъ осміялы іи Оксану; чула и видъ Мыколы, хазяина де жыла, що не буде держаты («мандрѣхы») якъ уси узывалы Оксану; такъ отъ вона и прызвала и своихъ хазяинивъ и ще де кого зъ розумнишыхъ людей, та й розказала имъ

про Оксаныно стражданья. Отъ уси-
туть и розсудылы, що се билшъ насыл-
ство було, чимъ своя охота.

Дали та дали, хочъ де й побачуть
люде Оксану, то усе меншъ усе меншъ
сміютця Оксани и усе меншъ прыкла-
дають прыкладокъ. Бо насміялысь, такъ
вже й годи. Такъ Оксана бо свое знала.
Никуды видъ матери ни на п'ядь, и
ни зъ кимъ вже нигде не водылась и
не зналась. Одна соби у хати сыдыть
та робыть; и матиръ зодяга и пропы-
туе ии, ничъ и день рукъ не поклада.
Тилки ий и проходкы, що до церкви
Божои, та по-воду, та куды роботу вид-
несты.

Якъ обжылыся трошкы, тогди
ставъ Петро ходыты до ныхъ. помагавъ

имъ де у чимъ, и знай усе свое товко-
вавъ, щобъ Оксана пишла за него. Разъ,
слухавшы его довго, що винъ їй объ-
снмъ казавъ, вона просыла его, щобъ
їйшовъ зе нею. Отъ и пійшлы и прый-
шлы на кладбыще. Отъ Оксана й каже:
— «Петре! я завсегда знала твою доб-
ру душу; знала що ты чесный и ро-
зумный чоловікъ. Мыни тебе жалко бу-
ло, що ты за мною убываешия и я ско-
ришь усихъ пишла бъ за тебе, якъ бы
не явивсь... винъ, погубщыгъ мій!
Писля сего що я зъ собою зробыла, я
недостойна ни тилки тебе, та й послед-
нёго лычмана. Тутъ на батьковому гро-
бови, де й сама колысь лежатеу, зако-
пала я свою славу, що показувала тоби,
якъ ще їйшла у село, свою дивочую

косу, свою волю, до суду, до вику. Закопавшы, поклялася, якъ не можно прывставыты знову моєи косы, такъ не можно мыни стати достойною чесного човика не прынесу нікому безчестья, не завьяжу чужого вику, не остыжу ни якои симьи, не пиду ни за кого. — Петре! Ты вбывавсь за мою матинку, якъ я згубыла було ін, ты не покынувъ ін! Ты мене, якъ я у самій велькій биди була, скрызъ землю пишла бь, ты не покынувъ мене на шляху, розважавъ мене, и якъ уси на мене напали, сміялись зъ мене, поприкалы мыни, плёвалы на мене й цуралысь мене, ты саме тогда хотивъ мене узаты, поккрыты мій стыдъ и соромъ, увесты мене межъ чесныхъ людей... Кто жь такъ зробывъ

бы, якъ не сынъ моеи матери, братъ мій ридный? — Петре! Будь мыни братикомъ ридненькымъ! Не покынь мене, колы мене уси люде покынули! Прыймы тутъ, де моя слава, де моя воля лежить, де й я колысь лежатему, прыймы мою присягу, що не пиду ни за тебе и ни за кого! Буду матери дочкою, якою колысь була; буду сыну матирью, покы... покы его батько... колы-то ще не видцураетця!...»

— Оксано! Жалко мыни тебе ризатись, бо бачыть Богъ! — и теперь тебе такъ люблю, якъ спершу полюбывъ. Хотивъ покрыты твою славу; хотивъ показаты людямъ, що вони не праведно осуждають; хотивъ буты батькомъ твоему сыроты, бо на... него ни-

чого сподиватись. Коли, кажешь, хочешь буты дочкою якою й була, такъ у симъ дили, послухаймо матери: якъ вона скаже, такъ нехай и буде. —

Подумавшы, Оксана сказала: — «Нехай буде, якъ маты скаже.» — Отъ и пишли до дому.

Маты выслухала Петра, потимъ выслухала и Оксану, и сказала:—Петре, велька твоя душа! Богъ тоби нехай тоби видплатить за усе, що робывъ для насъ и що теперь хочешь робыты. Дякы нашои тоби мало! Дуже бъ я сего хотила, щобъ ще на своему вику побачыты моеи Оксаночки славу покрытою, та що-жь робыты? Оксана правду каже: Ты молодъ чоловикъ, ты ще не знаешь, що можуть зробыты людскіи речи?

Хочь по капельци дощыкъ крапа на каминь, а такы происть его; такъ и тутъ. Стануть говорыты, товковаты, судыты; ты сее усе чуешь; попереду тоби ничего; а дали станешь прыслухатысь, думаты, передумоваты; дали й повирьшь, и станешь жалкуваты що узьявъ таку.... зненавыдышь ии.... А яка ии доля тогди вже буде? — Теперь яка есть вона однимъ-одна душею, усе перестражда, усе перетерпыть. Такъ, Петре! Правда бачу Оксанына. Будь же ий братикомъ, не покинь ии зь сыриткою, якъ я вмру, а мыни будь такимъ, якъ я и до сего часу тебе бачу, и благословляю тебе за се.»

— Матинко ридная! — поклонывсь ажъ у ноги Петро и каже: Прыймы жь

мене, сыроту, у свою симью. Благословы мене якъ сына! Не цурайтесь мене и не боронить мыни зодержаты васъ. Сестро! Оксано! — Уручы жъ мыни твого хлопця. Я прыньмаю его замисьць сына. Якъ ты прысягалася своею славою, такъ и я, отъ передъ матирью, запрысягаюсь, що не оженюсь никола. Писля мене, винъ наслидуе и мою худобу. Благословы мамо! —

Векла поблагословила ихъ усихъ и виддала Мытрыка Петрови рукамы, и сказала: «Нехай же винъ буде, Мытро Завьяжысвить, бо винъ намъ усимъ завязавъ свить.»

Такъ и почалы хлопця зваты и у сельски спискы такъ ёго записалы.

Векла зъ дочкою не малы ни чимъ нужды: Петро имъ помогавъ и усимъ подилявся. Сякъ-такъ зибралыся купылы двирь и жылы соби хвалючы Бога мылосердного.

Разъ, такъ вже годивъ черезъ пять, писля того якъ се діялось, убигъ у хату Мытрыкъ и крычыть до Оксаны: — «Мамó — мамó! а въ мене е биленькый шажокъ. Ось-бачъ.» — И показуе грывенныкъ.

«А хто се тоби, сыну, давъ? — пыта Оксана.

— Панъ давъ. — Каже.

«Якый же тамъ панъ?»

— А ось якый — каже вже Петро, що увійшовъ за нымъ у хату. — Копытанъ.

Оксана такъ и поблидла и затрусилась.

«Та не лякайтесь, а слухайте що було. — Казавъ Петро: — Дивлюсь, на станціоннимъ двори, що била мене, стоить брычка и ходить по двору таке мовъ нашъ копытанъ, Я пидійшовъ близьче.... дивлюсь.... винъ и е. Я подумавъ, що зъ него буде? Покликавъ Мытрыка, та и йду у хату, буцимъ до смотрителя, а винъ мене и зопынивъ:— «Се твой малчыкъ?» — Каже.

— Нѣту, ваше благородые! — кажу я: — се копытанськый. — Такъ прямо й видризавъ.

«Какъ копытанськый?» — Ажъ зкрыкнувъ, и пидійшовъ до хлопця.

— Такъ, ваше благородыя! — кажу: — Команда стояла тутъ, такъ копытанъ зманывъ у насъ дивку Оксану. Такъ вона уткла видъ него, и прынесла сего хлопчыка. —

«Такъ это её сынъ? — Да мошенникъ, какой бойкый!» — та узявъ его за чубчыкъ и поскубъ легенько, та й каже: «Такъ она такы дойшла назадъ? — А мыни сказали, што она и зъ сыномъ утопылась.»

— Ни, ваше благородыя! — сказавъ я: — прыйшла сюды и жыветь тутъ у велькій бидности — ...

«Вышь какъ мене обманулы! — Каже. — «О да плуть будетъ малчыкъ! Увесь у меня.»

Туть ще подёргавъ его то за ухо, то за чубчыкъ, а дали вынняявъ гривеннычка, та й давъ хлопцеви, и каже: — «На, отдай матери, штобъ тоби оришковъ купыла.» А самъ сивъ у брычку, и поихавъ.»

Такъ розказовавъ Петро.

Оксана узяла гривенныкъ, звела очи до Бога, и кынула той гривенныкъ у викно, ажъ геть на вулицю, де диты грались; обняла Мытрыка и гирко-гирко заплакала!

Г. Основьяненко.

ГОЛУБЪ.

Ой застогнавъ голубъ

У темній дубрави,

На голяхъ сухенькій;

Ой заплакавъ тяжко

Гиркимы сліозамы

Козакъ молоденькій;

Ой застогнавъ голубъ

У темній дубрави,

Пеначе въ неволи,

Ой заплакавъ тяжко

Козакъ молоденькій

По нещасній доли.

.
.

«Ой чогожь ты голубъ

Да такъ тяжко стогнешь?»

Козакъ попытася.

— Того, козаченьку,

Того кучерявый;

Що я спарувався,

Та непожывъ лита

Зъ сызою своею:

Яструбы убымы!

И дитокъ приѣбамы

Двойко малюсенькихъ,

Згодувать неvspиля;

Погинулы й диткы

За мылою швидко,

Я стогнать остався.

И воля не мыла,

Нема того бильше,

Кимъ я потишався,

Сызои немає!

Лунь зо мною стогне, —

Се моя утиха
У лютому гори,
Въ нещасній годьни —
Стогне хочъ безъ лыха. —
.
«Чогожь ты у лисѣ,
Голубчыку сызый?
Тыбъ леть у поле;
Ты тутъ одынь сыдышь,
Тамъ бы найшовъ стадо,
Можебъ прогнавъ горе.»
. . . :
.
Що стадо поможе
Мыни бидоласи?
— Тамъ усе чужин.
Однялы у мене
Голубку и ридныхъ
Ворогы лыхи.

.
Колы суха витка,
Котра пидо мною,
Зновъ зазеленіе;
Тогди сыза буде
Зь ридными до мене,
И сердце зрадіе. —
Тай застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крыламы,
Ажъ лись стрепенувся,
Полетивъ по пуци....
Бильшь на тую витку
Винь и не вернувся.

.
.
Тогди козакъ сказавъ:
«Треба забуваты,
Котру я кохаю;
И мыни такъ буде,

Що жинку изъ дитьмы
Вмисти поховаю;
Бо я безъ худобы.
Може диткы будуть,
Хтожь ихъ нагодуеть?...»
Козакъ той у свити,
Якъ голубъ въ дубрави,
Стогне та сумуе.

В. Забѣла.

Е. П. Г-КЪ.

Скажи мнѣ правду мій добрый козаче,
Що діяты серцю, якъ серце болить?
Якъ важко застогне, якъ гирко заплаче,
Якъ дуже безъ щастя воно защемить?

Якъ горе, мовъ терень, всю душу поколе,
Колы одцуралось одъ тебе усе —
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Незнаешъ куды тебе витерь несе? —

«Э ни, кажешъ мовчки, — скосывшы былину
Хочъ ранокъ и вечирь водою полый —
Незазеленіе: кохай сыротыну,
А матери й батька небачыты ій.»

Оттакъ и на свити — хто рано почуе
Якъ сердце застогне, якъ сердце здохне —
Той рано й заплаче, а доля шуткуе;
Поманить, поманить и геть польне...»

А можнажъ утерпить якъ яснее сонце
Блысне и засле для мыру всіого,
И гляне до тебе въ убоге виконце? —
Ослипнешъ а дывышся все на іого.

— *А. Чужбинскій.*

**ПАНЬСКЕ СЛОВО,
ВЕЛЫКЕ ДИЛО.**

«Зима прыходьть, треба свыты,
«А въ мене и чобить чортъ-ма!
«Ни хмызу, въ хати протопыты,
«Кожуха жъ и зо-всимъ не ма!
«От-се останья жупанына,
«И носывъ ще дидъ Явтухъ.
«Якъ бы жъ було у калытыни;
«То збывся бъ може на кожухъ.
«Якъ помогты от-сій напасты?
«Чы йты куды прохать, чы красты?
«До пана? — очи заплюе;
«А може такъ, що ще й побъе.
«Та де ты, скаже, вражый сыну,
«Пропывъ, проивъ усе на сласть?»

«Та вже жь: що буде, а не згину,
«Иду до пана; може й дасть»
Такъ розмовлявъ Петро Терпыло,
Де бь винь кожухъ соби прыдбавь.
Ще тилки на двори сирило,
Вже винь до пана прычвалавъ.
«Помылуй, паночку ридненькый!
«Тоби я може й прыгожусь.
«Будь ласкавъ, дай хочь поганенькый
Кожухъ! Ось бачышь, якъ трушусь,
«Морозъ по шкури выстунае,
«Мовъ наче у петривку пить;
«Де хто и въ шлѣньскихъ похожае,
«А я хожу ще й безь чобить»
Пань справди бачыть, що сердека,
Повисивъ голову свою.
А тутъ Риздво вже недалеко —
«Иды — сказавъ — кожухъ прыщлю.»
Петро се чувшы, поклонывся,

Бижыть до дому, ажъ стрѣба...
Де дилася ёго й журба?
Якъ можно жь: на кожухъ винъ збывся,
Кожухъ и спаты не дае.
Винъ дума все про кожушыну,
«Ось бачышь, Петре, вражый сыну!»
«Пишовъ до пана, отъ и е.
Пройшла неделя, винъ не мае
Кожуха, панъ не прысылае.
Прійшла и друга — панъ забувсь,
Що обіцавсь Петрови дати.
Тогда Петро вже зхаменувань
«Що вже видъ пана та не ждати?
А панъ звычайно обіцавъ,
Водывъ его, а все не давъ.
Петро вже ходыть и сумуе;
Зъ петра жь хто вздрыть, усякъ глузуе:
«Але жь! Казавъ мій панъ: кожухъ я дамъ,

«Та й слово тепле. — Такъ бува частенько
намъ ,
Що панъ намъ тилки обищае,
Згадай; не дасть, та ще й полае.

П. Писаревскій.

СОБАКА ТА ЗЛОДІЙ.

К А З К А.

На привязи, біля коморы,
Собака збиззя стерегла;
Бо зъ чорта дуже зла була.
Вона харцызь була на вора.
И хазяинь шанувавъ,
А щобъ людей у день не рвала,
Всякь день на привязи державъ.
Отъ разъ — вже темный вечирь бувъ;
Рябка забувши видвизаты,

Пишовъ хазяинъ — та й заснувъ,
А се й ковинька супостатамъ!
На двори жъ ничъ, морозъ, мете.
Що жъ дальше буде! — Якъ на те
Ось злодій до двора чвалае,
Прыйшовъ, комору одпирае...
Собака жъ тилки скавучить!
Вона-бъ то злодія й зпыныла,
Помъяла бъ трохы, подавила,
Такъ щожъ, ланцюгъ їи держить!
Забравшы злодій все гарненько:
Якъ вамъ сказаты? — до шматка!
Заперъ комору потыхеньку,
Та ще й глузуе изъ рябка.
Рябко вже бачыть що видъ хаты
Ему підмогы та не ма;
Сказавъ: теперь-то й глузоваты,
«Якъ въ мене волонькы чортъ-ма!»

П. Писаревскій.

ДЯДЬКО НА ДЗВОНЬЦІ.

Пзлизь мій дядько на дзвоньцю,
Та знай гука: «Отце кумедія яка!
«Вси люде на земли, мовь ти перепельци:
«Здається більший зь нихь не більше пятака.
«Гай; гай! Якижь вони дрибненьки!
«Такь ось колы я ихь, якь треба, розыбравь»

А мимо йдучи хтось на дядька показавь,
Та, далеби, мене спытавь:
Що то таке, чы щурь, чы горобець маленький?

Е. Гребенка.

ПИСНЯ.

По-узъ двирь де живе мыла

Я проихавъ двичи;

Та не бачывъ голубонькы

Я ни разу ввичи.

Затѣхкало сердце въ мене

Якъ зъ дворомъ зривнявся;

Дуже бачыться хотилось,

И кинь зопынався.

Та не рано було уже

Якъ я мимо ихавъ;

Оглядався назадъ довго,

Неначе хто клыкавъ.

Такъ я самъ собі подумавъ:

Чы-й-ты такъ скучаешъ?

Колы мене вирно любышь

То й бачыць бажаешъ.
Ой якъ вирно мене любышь,
Будемъ жыць зъ тобою
Цилый викъ, мое серденько;
Якъ рыба зъ водою!...

В. Забѣла.

КЛЗКА.

ДУБЪ.

У одного Велького Пана у лиси, рись дубъ. Та-й дубъ-же! такый гарный, що надъ увесь лись краще ёго не було ни одного. Що-то за превысокий, що-то за претовстый, що-то за кучерявый! — Чы летыть яка велька птыця по пиднебесью, та утомывшысь мае оддыхаты, то на той дубъ сида; чы маленьки пташечкы хочуть сховать диточокъ одъ вороння, то мерщій скликають ихъ пидъ шырокий листь того дуба; чы прыпекло сонце чередныка зъ чередою, або зъ ватагою, то винь зъ коровамы, або зъ

овечкамы скорище пидь той дубь; а прохожи и стари, и мали и середови, якъбы добратьця до того дуба; чы въ дощъ, то перестоятъ, мовь пидь стрихою, чы въ витерь, то якъ пидь захыстомъ, чы въ сонце, то якъ у нетопленій свитльци. Да що-то-й казать: кому-то тамъ не гараздъ було? И билочка зъ горешкомъ одь собакъ бижить стрилочкою до того дуба, да скорище въ душло; и дятель зъ комашкамы; и метелькы, и комашкы и де-яка Божа тварь має нужду у тому дуби, то якъ у батька ридного найде, що кому треба. Любуецця тимъ дубомъ Панъ зъ Панею и зъ диткамы; похваля ёго увесь хрещеный мырь; красуетця имъ дубрава, и сами лиснычи боятьця продать его злодіямъ, а де-яки

ще зь дитками ходють оддыхать пидъ нимъ на шовковій трави и слухать, якъ зорямы щебечуть на ёму пташкы на розни голосы.

Отъ-геть, тамъ за межею рись другый дубъ, хочь не такой, та все-таки просторый и великий. Тильки лиснычи тамъ булы дрмакы, або такъ соби зпроста, а мабуть зь хытромамы. Воны дали пидъ нимъ розвестыся черви. А на що се? На те, щобъ, якъ стане одъ неи дубъ сохнуть и опадать гилля, то тутъ и имъ пожива: гилля на топыво, а зь дуба буде човень, або корыто, а трискы жинкамъ на пидпаль. Такъ жидивски сыны й зробылы. Черва якъ розвелась пидъ дубомъ, давай пидриватця пидъ корень. То пливочку у кореня подточить,

то тоненьки коринчыкы, а тамъ и кору и товстый корень: а дубъ усе чахне, сохне и гилля опадають тимъ лиснычимъ на дрова. Остався голый дубъ!.... Да нехай бы тильки тамъ те й діялось, то намъ бы й жалю не було. А то, одъ де-яки лисови запагубывшы свій дубъ, перейшлы до Пана у лисъ, де гарный дубъ; а проклятая черва одъ сухого дуба стала переповзать черезъ межу и до сёго. Догадальсь пташечкы, що и имъ буде негараздъ. Чырыкають зъ ранной зори до пизной: зклькають своихъ и сторожать гуртомъ черву. Чы де яку забачуть, то цапъ и носыкомъ и разносятъ по лису диткамъ до гниздъ; а тамъ на друге лито, давай робыть гнизда и на дуби: то въ дуплахъ, то подъ лыстомъ

на гилькахъ и все черву клюють да но-
сютъ дитямъ—и де якый червякъ, хыба
ночною добою прыповзе пидъ дубъ до
кореня, да-й тихъ коровы, та овечкы,
прыходючы топчуть пидъ дерномъ.
Щожъ? — Бисова черва, плодюща!
Осталось на зиму подъ корнемъ деся-
токъ, мабуть другый, а на лито уже кы-
шыть, и на дуби сами верхни гилечкы
уже стали сохнуть! Панъ каже ли-
совимъ: «чого се дубъ всыха?» А ти, що
перейшлы одъ сухого дуба кажуть: «бачь,
Пане, якихъ багацько гниздъ на ёму за-
велы птахы: одъ того верхъ и сохне, а
знызу овечкы обглодують на кори мохъ,
а коровы и волы достають листь.» А
того не скажуть, що птахы тоди бильшь
и завельсь, якъ черва появилась и уми-

сти зъ коровамы и овечкамы ии плюндрують. Тимъ уременемъ досталась сему жъ Пану и та дубрава, де дубъ уже задохъ. Панъ веливъ розкопать между, а бисова черва сему й рада: то ривъ ии мишавъ, а то прямцемъ видтиль полизла; да все боиться птахъ и скоту. А якъ послухавъ Панъ лиснычихъ, та веливъ спужувать зъ дуба птахъ и не пускать близько его скотину, такъ уже не тильки ничью и днемъ повзе черва до дуба и корень точить. А дубъ? Ще нема и осени, а листь уже жовтїе, а де якый пада! Скотына бидна бачить, що сыплються лысткы, иде до дуба будто за лыстомъ, а тамъ, щобъ подавить черву пидъ дубомъ; да та бѣда: приставлени, щобъ не пускать ии до дуба, бьють по

ребрамъ кіямы и цькують собакамы. Пташки злетятьця, поховаютьця промижъ листь, да промижъ траву добуты червякивъ: такъ тижъ сторожови затрещать, зашугукають, засвыстятъ и пополохають. — И що зъ того дуба буде описля? А буде те, що Богъ дастъ! Тильки жаль того дуба и Пану, и пташкамъ, и коровамъ, и овечкамъ и всему хрещеному мыру: хыба нехрысть якый не жаліе!

Д.

П Р Ы Ч Ы Н Н А .

Рече та стогне Днипръ широкый;
Сердытый витерь завыва,
Додолу вербы гне высоки,
Горамы хвылю пидыйма.
И блидный мисяць на ту пору
Изъ хмары де де выглядавъ,
Пеначе човенъ въ сышимъ морю
То вырынавъ, то потопавъ,
Ще трети пивни не спивалы,
Нихто нигде не гомонивъ,
Сычи въ гаю переклыкались,
Та ясенъ разъ у разъ скрипивъ.

* *
*

Въ таку добу пидъ горою,

Била того гаю,
Що чорніє надъ водою,
Щось биле блукає.
Може вийшла русалонька
Матери шукаты,
А може жде козаченька
Щобъ залоскотаты;
Не русалонька блукає
То дивчына ходыть:
Й сама не зна (бо прычынна)
Що такее робыть.
Такъ ворожка поробыла
Щобъ меньше скучала,
Шобъ, бачъ, ходя о пивночи,
Спала й выглядала
Козаченька молодого
Що торикъ покынувъ;
Обицався вернутыся
Та мабуть и сгынувъ!

Не кытайкою покрылысь отогъ видѣ
Козацкіи очи,
Не вымылы биле личко
Слизонькы дивочи,
Орель вышнявъ кари очи
На чужому поли,
Биле тило вовкы зѣилы,
Така его доля.
Дарма що ничь, дивчынонька
Его выглядае.
Не вернется чорнобрывый
Та й не привытае,
Не расплете довгу косу,
Хустку не завяже,
Не на лижко въ домовыну
Сыротою ляже!

*
*
*

Така ія доля, о Боже мій мылый

За щожъ ты караешъ ии молоду?
За те що такъ щыро вона полюбыла
Козацкiн очи?... прости сыроту!
Когожъ ий любви? ни батька ни нещкы;
Одна, якъ та пташка. въ далекомъ краю!
Пошдыжъ ты ий долю, вона молоденька,
Бо люды чужии ии засмиють.
Чы выннажъ голубка, що голуба любить?
Чы выненъ той голубъ, що сокиль убывъ?
Сумуе, воркуе, билимъ свитомъ нудыть,
Литае, шукае, дума заблудывъ.
Щастмыва голубка, високо летае,
Полыне до Бога мымого пытатъ.
Когожъ сыротына кого запытае,
И хто ий роскаже и хто тее зна?
Де мылий ночуе, чы въ темному гаю,
Чы въ быстримъ Дунаю коня напува,
Чы може зъ другою, другую кохае,
Ии чорнобрыву уже забува

Якъ бы то дамыся орлыныи крыла
За сынимъ бы моремъ мылого знайшла;
Жывогобъ любыла, другубъ задушыла,
А до нежывого у яму бъ лягла,
Не такъ сердце любить щобъ съ кимъ по-
дылыться,

Не такъ воно хоче якъ Богъ намъ дае;
Воно жыть не хоче, не хоче журыться,
Журысь каже думка жало задае.
О Боже мій мылый така Твоя воля;
Таке ии щастья, така ии доля!

Вона все ходыть, зъ усть ни пары.
Шырокий Днипръ не гомонить;
Розбывшы витерь чорни хмары
Лигъ била моря одпочыть,
А зъ неба мисяць такъ и сле;
И надъ водою и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси все мовчыть.

Ажъ: гулькѣ зѣ Днипра новырыналы
Малыи диты сміючысь.

«Ходимо грится» закрычалы,
«Зыйшло вже сонце» голи скризь,
Сь осоки косы (бо дивчата)

.
«Чы вси вы тута? клыче маты!
Ходимъ шукаты вечерять.

Пограемось, погуляймо,
Та писеньку заспиваймо:

Ухъ, Ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!
Мене маты породыла,
Нехрещену положила.

Мисяченьку!

Нашъ голубоньку!

Ходы до насъ вечераты;
У насъ козакъ въ очерети,
Въ очерети, въ осоци,

Срибный перстень на руци;
Молоденькый, чернобровый,
Знайшлы вчора у диброви;
Свиты довше въ чыстимъ поли,
Щобъ нагулятысь до воли,
Поки видьмы ще литають,
Поки пивни не спивають,
Посвиты намъ, онъ щось ходыть!
Онъ пидъ дубомъ щось тамъ робыть.

Ухъ, Ухъ!

Соломяный духъ, духъ!

Мене маты породыла,

Нехрещену положыла.»

Зареготалысь нехрещени....

Гай обызався, галась, зыкъ;

Орда мовъ риже, мовъ скажени

Летать до дуба... ниччиркъ....

Схаменулись нехрещени,

Дывляться мелькае

Щось лизе въ верхъ по стовбуру
До самого краю.
Отожь тая дивчынонька
Що сонна блудыла;
Отаку то ій прычыну
Ворожка зробыла.
На самый верхъ нагильячци
Стала; въ серце коле,
Подывылась на вси боки,
Та й лизе додолу.
Кругомъ дуба русалонькы
Мовчкы дожыдалы
Взяли іи сердешную
Та й залоскоталы.
Довго, довго дывовалысь
На іи уроду....
Третьи пивни кукурику —
Шелеснули въ воду.

Защетава жайворошокъ
У гору летючы;
Закувала зузуленька
На дубу сядячы
Защетава соловейко,
Пишла луна гаемъ,
Червоніе за горою;
Плугатырь спивае;
Чорніе гай надъ водою
Де ляхы ходылы;
Засынили по надъ Днипромъ
Высоки могылы;
Пишовъ шелестъ по диброви;
Шепчуть густы лозы;
А дивчына спыть пидъ дубомъ
При бытій дорози;
Знатъ добре спыть що не чуе
Якъ куе зузуля;
Що не личыть чы довго жыть;

Знать добре заснула.

А тимъ часомъ изъ дибравы
Козакъ выизжае;
Пидь нимъ коныкъ вороненькый
Насылу. ступае
«Изнемигся товаришу!
«Сегодня спочынымъ:
«Близко хата де дивчына
«Ворота одчыныть.
«А може вже одчыныла
«Не мини, другому,
«Швидче коню, швидче коню
«Поспишай до дому —
Утомився вороненькый,
Иде, спотыкнется,
Коло серця козацкого
Якъ гадына вьется.
«Ось и дубъ той кучерявый. . . .

«Вона! Боже мый!»

«Бачь заснула выглядавшы

«Моя сызокрыма!

Кынувъ коня та до неи:

Боже ты мій Боже!

Клыче іи та цилуе...

Ни вже не поможе.

«За щожъ вони розлучымы

«Мене изъ тобою?

Зареготавсь, розогнавсь—

Та въ дубъ головою.

Идутъ дивчата въ поле жаты

Та знай спивають идучы:

Якъ провожала сына маты,

Якъ бувсь татарынь у-ночи;

Идутъ... пидъ дубомъ зелененькимъ

Кинь замурдованый стоять,

А била его молоденькый

Козакъ, та дивчына лежить.
Цикави (нигде правды диты)
Пидкралыся шобъ излякаты;
Колы подывлятця що вбытый
Съ переполоху ну втикаты.

Збиралыся подруженькы
Слизонькы втыраютъ;
Збиралыся товариши
Та ямы копаютъ;
Прышлы попы съ коровгамы,
Задзвенилы дзвоны:
Поховалы громадою
Якъ слидъ по закону.
Насыналы край дороги
Дви могылы въ жыти.
Нема кому запытаты
За що ихъ убыто?
Посадылы надъ козакомъ

Явирь та ялыну,
А въ головахъ у дивчины
Червону калыну.
Прылитае зузуленька
Надъ ними куваты;
Прылитае соловейко
Що ничь щебетаты,
Выспивуе та щобече
Поки мисяць зыйде,
Поки тїи русалонькы
Зъ Днипра гритысь выйдуть.

Т. Шевченко.

* * *

Повпялы витры буйни
Та надъ синимъ моремъ,
Забылося сердце мое
Передъ лютымъ горемъ.
Повпялы витры буйни
Зъ холодного краю:
Розлучылы зъ дивчиною,
Котру я кохаю.
Та не витры, люде злыи,
Мыши се зробылы;
Самы мене звелы зъ нею,
Самы й розлучылы.
Пересталы витры буйни,
Всюды стало тыхо,
А у мене бидолахы

Все на серци лыхо.
Якъ lystочокъ одырваный
Зеленый весною,
Якъ травця покошена
На зори косою,
Поки роса не обсохне,
Поты й зеленіе,
Неростыме вона бильше
Якъ сонце прыгріе;
Нескошенная травця
Сонечка бажала,
А теперъ на тее зыйде
Щобъ скорій зовьяла;
И lystочокъ одырваный
Зсохне пожовтіе,
Такъ и мое серце бидне
Молодимъ змарніе;
И въ мене неначе въ грудяхъ
Та щось одырвалось;

Не легче мыши на сердца,
А ще гирше сталося

.
.

Ой повийте витры буйни,
Застогны дубрава,
Нехай пиде на злихъ людей
Всюды худа слава.

В. Забъла.

ПАЛІЙ.

Люлька въ роти зашкварчала,
Шабля въ нижнахъ забряжчала;
Шабля ризаныну чуе,
Люлька пожари вищуе.

* *
*

Сыдять дома, на покои
Непрыстало козакови:
Склычь, козаче, склычь дружыну,
Иды, Палій, въ Ляхивщыну.

* *
*

Годи, коню, въ стійли спаты,
Идемъ Ляхивъ полякаты:
Швыдче мчы, нижь кремнемъ збыта
Згасне искра видъ копыта....

* *
*

Хто якъ стрілка изъ майдану
Выхремъ мчытся за Украйну?
Яръ, лисъ, ричка, туча сыня
Козакови не запына,

* *
*

Хто въ травѣ — врывни съ травою;
Хто въ водѣ — врывни зъ водою;
Хто у лиси — врывни зъ лисомъ,
Ниччю — перевертнемъ бисомъ?

Палій!

* *
*

Ранни й пивни не спивали,
Въ Польщи замкы запалали:
У пожари жыда шкварыть,
И зъ пожару люльку палыть

Палій.

Де бувъ замокъ, — попелище;
Де цвивъ городъ, тамъ кладбище:

Враже поле кровью мочить,
И обь камень шаблю точить

Палій!

*
*

Ще й не мрило, не свитало,
Польщи край — якъ не бувало...

У Палія на прычилку

Крыкнувъ пивень на засику

«Кукурику!»

Л. Боровиковскій.

ВОЛОХЪ.

За моремъ степь, край моря степь,
Въ стечахъ Волохъ зъ шатрамы ходить;
Крива коса, зубатый серпъ
Волоха въ поле не выводитьъ.

Волохъ нейде въ полкы служить;
Волохъ живе — якъ набижить.

Шырокий степь — его постиль;
Кругомъ стина — изъ небомъ горы;
Не жатый хлибъ; не брана силь;
Пивголый самъ и диты голи:

За тежь Татарынь, Немець, Ляхъ,
Не грилы рукъ въ его шатрахъ.

Паны въ будынкахъ сплять безъ сна;
Купецъ моря переплывае;

Въ води шука рыбалка дна;
Мужыкъ въ судахъ норигъ змитае:
 Волохъ соби въ шатри сыдыть,
 Охоче исть и смашно спить.
Зима—коло огня въ шатрахъ;
Весна—лежить винъ пидъ звиздамы;
А литомъ—ходыть по степахъ
Зъ шырококрылыми шатрамы:
 Безъ хлиба—сыть; безъ хаты—пань;
 Густый туманъ—его жупанъ.

Л. Боровиковскій.

ПАРХИМОВЕ СНИДАНЬНЯ.

Не було и на усій слободи дурнишого, якъ Пархимъ Шеревертень. А й слобода не мала була! Опричъ що по неділямъ зыходылыся бабы зъ слободы, та зъ блыжчыхъ хуторивъ, и прыносялы на продажъ и маслычко, и смытанку, и ячокъ, и буханцивъ, и солы товченои и усякого такого товару; а то ще двичи на годъ булы и ярмаркы у тій слободи: одна обь теплому Олексію, а друга обь першихъ Параскахъ. И чоґо то на тихъ ярмаркахъ не було? — Ажъ зъ самаго города прыизжавъ крамаръ зъ зализнимы гвиздочкамы, кому, знаете,

треба чоботы пидбыты. Та бувавъ и купецъ зъ хорoшимъ товаромъ: зъ хвыгамы, та родзынкамы, и зъ сынимъ каминцемъ. А вже цыганивъ, от-тихъ коноводивъ, мошенныкивъ, що обдурюють народъ, такъ и не розмынешся! Обманувъ, укравъ, обминявъ лычко на реминець, та й далшь!

Такъ черезъ таки ярмаркы, се вже не слобода звалася, а мистечко. И скилки тамъ ни було народу, що тамъ жылы, и на ярмаркы наизжалы, не було дурнишого, якъ, я кажу, Пархима Шеревертня.

Эге! — Дурный соби, та такы оженився, знайшовъ соби жинку. — Пожалуй; богатенькый-бо бувъ; а черезъ таку благодать, дивчата не дуже дывлютця,

чы хорошый, чы поганый; чы розумный чы прыдурковатый; абы у кышени повно було. Ось и тутъ такычкы. Тилки задумаваъ женытыся нашъ Пархимъ, якъ разъ и выскочыла за него дивка бойка: сама й посватала себе за него, сама и весильямъ орудовала и якъ хотила, такъ и вправылась.

Вона була попереду наньмычкою у городи по купцямъ, такъ знала усякіи порядкы и свиту повыдála. А якось-то навернулася у свою слободу, бачыть, що Пархимъ zostавшысь, після батька, самъ соби господарь, не зна ничо́го и невміе кинцивъ ни у чому звесты, а худобыны до гаспыда! — Вона и пидлизла до него зъ своимы теревенямы. . . . а завтра вже

и рушныкы подавала, а у педиленьку и весилья видбулы!

Люде дывовалыся: «Чы не навигенна ся Настуся, такъ ии звалы, що йде прытѣмомъ за дурня, за Пархима Шеревертня?»—А вона соби й байдуже?—«Нехай—каже—що хочуть говорюць, а я свое робытému!»

Та й прынялася жь добре! — Усе попрыбирала до своихъ рукъ. Мужыкови, колы дасть-колы, добре пообидаты, то то ему и праздныкъ; а не те, такъ частисинько окроме сухого хлиба черезъ цилисинькый день ничого не побачыць?

Одежа на нему абы яка, сорочка розхристана, чоботы порвани, а частишь и зовсимь босый. Пыка не вмыта, боро-

да не голена... и такы зъ разу можно було бачыты, що винь ё.

Сама жъ? — такъ ну! — Выряже-на нынече мищанка. Свекрушыни и плахты, и ошкы, и намыста одвичають по усякъ день! — Ласо исть, на мьякому спыть — и така выходылася, що — молодыця хочъ куды! А зубата була! Вже не зандайся зъ нею ништо. Тилки зачепы ии, такъ разомъ якъ залящыть, затрыщыть, загомонить, перекореныть и батька, й матирь и увесь ридъ и такихъ прыкладокъ попрыклада, що й не додумаешся видкля вона усе-го набралася? И вже ии, ни за-що, не переговорышь. Якъ вода, бува греблю прорвавшы, и бижыть, и шумыть, и реве, и клекоче, такъ и Настуся, якъ зъ

кимъ зчепытця. Вже, пакъ, недурно стилки прожыла у городи.

Швыдко стали знаты ии и произжаючи. И купецъ, и панычъ, и крамарь, и ремесный, и школяръ, якъ тилки идуть черезъ слободу, то вже неодминно и зайдуть до Настуси. И хочъ бы якъ ще за раньни було, що можно бь було верстовъ зь десятокъ уихаты—ни, и не кажы; зостанутця почуваты хочъ якъ. Та умила жь усихъ прывадыты до себе. Купцеви, заразъ чайнычокъ настановыть: — а усе мала у себе. Простому народу доброго борщу зь саломъ постановыть; панычеви молошной каши подасть; стареньки паны не заижалы до неи: заразъ скаже: «не прыньмаю ни

кого.) — Та такъ участуе усихъ, що довго згадують Настусю.

А мужыкови ии, Пархиму, то не було добра, а якъ заидуть постояльци такъ ему зовсимъ халепа! — Знай жинка посила его по усій слободи: бижы туды, достань того, прынесы те. Набигаецця лебедаха, утомытця, засапаецця, дума ничью видпочыты. — Такъ куды жь! — Жинка протурить его до постояльцевихъ коней: — «и сина пидкладай, и дывыеь щобъ безперестанно илы, и щобъ хто коней не вкравъ, калавурь и не видыходь, видь ныхъ; а у хату и не думай забиратысь; не смій и носа показаты. — То Пархимъ було и слуха жинкы: ходыть коло постояльцевихъ коней, и тилки чуе якъ у хати

чаркы брязчать, мыскы цокотять, и хазяйка съ постояльцямы щебече, та не у лайку и не у спорь. Въ ныхъ усе ййде до ладу.

А Пархимъ ходыть, та голодный, дрыжакы исть по холодній зори, не маючы у вищо и одягтысь!...

Терпивъ такы багато, сердега, видь такой жинкы!

Якъ дила нема дома, пиде, було, блукаты по селу. Вже й зналы усн, що винь терпыть дома видь жинкы! Кто було закльиче нагодуге его, хто й до дому палянычкы, або грудку каши дасть.... И Пархимъ де було вздрыть, що люде чого не-будь зйшлыся, то и винь тутечка. Слуха соби готового, а вже свого

непытай. Наслухався скилки ему треба, и пишовъ. И то зъ него.

Сыдючи разъ зъ людьмы быля волосного правленья, слухавъ де чого багато, и про те, дали стали розказуваты, якъ жинкы своихъ мужыкивъ обдурюють. А що найпуще, якъ почне жинка вередуваты забажаючи або нового очипка, або яловычины, чы усякою ласоци; або часомъ грошей забажа. И стогне вона, и не дужа; и ни-знять-що говорить, и буцимъ що їй представляетця, и мужыка гонить зъ очей, и лае его на уси заставки. И таку волю, черезъ вередованья, озьме, що бидному мужыкови и пидступыты до неи не можно. Ходыть, сердешный, по синямъ, руки ломыть, та вбываетця за бидною жин-

кою! — Тутъ вже й знахурка поспила. И що-то! чого не робить, чого не діє; и підкурює, и шепче, и вмыва, и злызе: ничего не лехша!

Мужыкъ ажъ до нигъ до знахуркы прыпада, та просыть: «Титусю! ослобонь жинку видъ биды! — Цилый годъ матирью зватему; що хочъ заплачу, тилки порятуй и!»

— Але! — вжебъ я нерада ий помогты! — каже знахурка: — «Такъ щожъ колы дано, та ще й уміючы. Се, чоловіче, дала твоій жинци удова, що може и ты и знаешь....»

— Та якже? — Знаю, знаю. Ще вона и дивкою була, такъ було....»

«Та также-такъ. — Се вона хоче

звѣсты твою жинку, щобъ описля самій за тебе выйты.»

— А щобъ вона не диждала! — Я вже лучче озьму Хвенну, ось-що за Терешкомъ Бульбахомъ, колы овдовіе, а ін не хочу. —

«Такъ, бачъ, не знаю чимъ и ослобоньты твою жинку!»

— Та вже чимъ хочъ, а тилки зведы ін: я кошту не пожалію. Бо якъ вмре, такъ самый похоронъ билшъ буде коштуваты, чимъ лика. —

«Такъ хыба ось-що зробимо: купы, льшень, ій, кавьяру солоного, та булочку; нехай вона поисть. А якъ писля сего захочетця ій пыты, такъ ты ій купы осьмуху пыва; нехай пье, скилки хоче. А дали вже, щобъ не гирко було

писля пыва, такъ купы ій медянычкывъ, родзынкывъ, чорнослыву. Нехай наидаетця добре, покы ажъ зпотіе. Та тогди вже будемо прыслухатыся, чого вона зъ немоци забажа, та швыдче ій и купышь, щобъ лыхо прогнаты.»

Сердега-мужыкъ усега того накупыть; наистыця жинка, напыетця, та й почне крычаты: — «Ой проби! Очипка хочу! Очипка по вышневій земли, зъ зеленимы розводамы!... Проби такого хочу, якъ и на дячыси!...»

— Та купуй, Охриме; купуй мерщій! — Бачъ чого лыхоманка забажала? Поставляй ій усе, а то щобъ до вчора не вмерла. —

Побигъ Охримъ, купывъ, подае жинци.... Тутъ лыхоманка, якъ поба-

чыть очипокъ, та такъ зтрясне болящу, що насылу улежыть; а дали й почне стогнаты, та охаты и ледви каже: «Кольбъ ще мыни... теперь... та пять кнпъ... тобъ я и устала...!»

Тутъ жинка стогне, та бажа; а тутъ знахурка нападаетця щобъ дававъ мерщій, щобъ лыхоманка гроши побачывшы, зовсимъ видійшла видъ неи. Ничого Охримови робыты! Выньма зъ кышени гроши, личыть пять кнпъ, та усе жъ то новимы пятакамы! — Кладе бия жинкы.... Жинка стогнучы бере безъ лыкы.... Загарбала уси и вже и устала, и пишла поратысь, и сюды и туды.... и ще до вечера разивъ трычи зъ мужыкомъ полаялась.

От-таки-то вередлыви жинкы у

бидныхъ, сердешныхъ, простихъ людей!
— Добре панамъ жыты, що въ нихъ
жинкы, и не сміють, и не зъ-уміють
такъ вередуваты! — У нихъ жинкы
передъ мужыкамы якъ по струночки
ходіють и протывъ мужыковой воли, ни
у чимъ ни чычыркѣ!

Про таке жиноче вередуванья, слу-
хавъ нашъ Пархимъ, та й узявъ соби
на розумъ; та ійдучы до дому и каже
самъ соби: «Не я жъ буду, щобъ я не
зробывъ по своему! — Выстачай, жинко,
каты бывъ бы твою матирь! — Выста-
чай усе!»

Якъ прыйшовъ до дому, заразъ и
почавъ стогнаты на усю хату и про-
бираетця, щобъ-то злизты на пичь. . . .

«А якого гаспыда ты тамъ стогнешь? — Пыта его Настуся, дывуючысь що іі дурень, та осмиляецца безъ спросу лизты на пичь.

— Але!... гаспыда!... Колы жь я недужь!... И у груды коле, и въ бикъ штрыка, и у спыну шпыга, и на поперекъ непиднимуся.... —

«Та що се тоби сталося?»

— Але, що!... Не знаешь?.... вередую. —

«Що.... що таке?....»

— Вередую, кажу тоби. Хыба не знаешь вередуванья? Се ваша жиноча натура на мене напала. —

«Ось я тоби дамь!.... Ще й винь вередуваты! — Устань кажу тоби. Колы тебе напала жиноча натура, то я озьму

мужычу натуру, та тутъ тебе такъ вид-
вередую, що ты й гадкы не матынешь!»

— Я такы й то гадкы немаю, та
лежу соби, та усе вередую соби. —

«О щобъ тебе зъ твоимы выгадка-
мы! — И смихъ и лыхо зъ дурнемъ! —
Скажы-жь мыни на мылость: чого такы
ты вередуешь?»

— Такъ. Вередую, та й вередую.
Ласощивъ хочу! Ой, хочу ласощивъ!
и поты усе вередуватыму, ажъ покы
купышь ласощивъ. —

«А рожна не хочь? — А трясьци,
та болячкы?»

— Не хочу сѣго ничего. Мыни дай
ласощивъ, то я й перестану вередуваты.
А не дасы, то я и вмру, справи
вмру. —

«Та пропадай, вража лычыно! —
Колыбъ вже й давно зчезь!»

— Такъ не пропаду бо, покы не
довередуюсь до свого! — Ой вередую! —
Ой лышечко, ласощивъ хочу!...

«Та якихъ тоби ласощивъ? — Зди-
лай мылость некрычы; Сусиды почувють
ще билшь сміятымутця; скажуть, що
ты зовсимъ одуривъ.»

— Та й крычатему, и одурию, и
вмру тоби, покы ласощивъ не купышь.

«Та якыхъ же, кажы мерщій.
Запхну тоби пельку, щобъ не крычавъ.»

— И родзынкивъ купы, и рогозу
купы, и горохвянычкивъ.... и кавьяру....
и паслёну.... и усега ласого....

«Бачь чого напередувавъ? Се бъ то
я покынула усе, та пишла по ярмарку,

усего ему купуваты! — А дзускы не хочешъ?)

— Я и дзускы, и трясьци твоеи не хочу; мыни купы тихъ ласощивъ, що я, вередуючы, хочу. —

«Захотилося гыри, противъ-ночи киснычка! — От-се такъ и побижу, якъ-генъ-купци зъизжають на двирь. Геть, кажу тобі, зъ печи! — Вбирайся зъ хаты. Не знаешъ, що пры чужихъ людяхъ тобі не можно тутъ буты.»

— Знаю я, голубочко, усе! — Ты думаешъ, я ничего не знаю? Ни; я усе знаю. Тимъ-то и почавъ вередуваты, що я де що знаю. Отъ бачъ; и не устану, и не пиду зъ хаты, хочъ тутъ що прыизжи робытымуть. Не устану, та й

не устану. Бачъ, вередую, покы дасы ласощивъ. А тамъ ще й грошей забажаю.

«Та на вже, цурь тоби, й грошей. тилки втикай швидче зъ хаты.» — И дала ему тры шагы, знаючы, що винъ ликивъ не зна.

— Мыни треба симъ кипъ. — Одначе узявъ гроши, перекидывавъ ихъ у руци, перекидывавъ; дали устае и каже: — Ну, такъ и ё! — Ухопивъ мерщій шапку, та, навтикача, зъ хаты; и пишовъ сміючысь, та думаючы соби: — «От-такъ ты жинку провчы! Тямытеметь мене довго»)

Пишовъ же нашъ Пархимъ по ярмарку и не журытця ни объ чимъ. Гроши е; теперь дума, чого бъ тилки накупыты? Отъ и дума: — «Свыты въ

мене кать-ма! — Не знаю, чы сынёго сукна узяты, чы хочь и сирого, та тилки доброго мыльного; та выбиратему довженну, та шыроку!.... Або, ось и чоботы въ мене роты пороззявлялы, исты просяють; такъ може чоботы лучче? — И правда: шкапови куплю, зь довгимы халявамы, зь пидковкамы, а дёготь такъ щобь и тикь!.... Цурь дурня тоби, пане Пархиме? — (се усе самъ соби каже) Та масла грудка на прыкуску. — Чы не дурный же ты справи? — На якого Гаспыда ты будешь тратытьсь? — Одежу и чоботы нехай тоби жинка постачыть, а ты си гроши, що вывередувавь, есы, проласуй на чимь хочешь, чого душа забажа! — От-ся ричь до дила. Такъ и зроблю. Накуплю

усего що побачу, та й наймся, щобъ ажъ зъ души перло!.... Чого бь же то накупыты?.... Э, гень сластёны; подавай ихъ сюды!....»

Отъ и нидійшовъ до сластённицы.. що за гарно дывлютця на голодного Пархима!.... и такъ и шкварчать у олійци!....

«Подавай сластёне! — гукнувъ Пархимъ на жинку, що ихъ тутъ прягла.

— А на скилки тоби треба? — пытаетця вона.

«Подавай уси!» — ажъ крычить вже Пархимъ, узявшысь у боки.

— Та тутъ, дядюшка, якъ увесь товаръ озьмешь, такъ его буде на шість золотихъ. —

«Увесь, увесь беру; нà гроши.» Та й тыче йй одынь шагъ.

— Та що се ты мыни даешъ? Се нà смихъ, чы що? — Ты давай билщъ, давай уси; сорокъ алтынъ. —

«Якъ же я дамъ уси? — От-се я наимся, такъ и пыты захочетця. Такъ от-се другый на збытень, а се ще, пиду до москаля, та родзынкивъ накуплю...»

— Такъ ты, бачу, такый? — Геть же видъ лавкы, не мишай людямъ въ мене товаръ розбираты. Сихъ грошей трохы; або давай уси, або геть соби!...

Пишовъ сердега далшь чупрыну чухаючы — и каже соби:

«Урагова баба скупа! — Та дарма! Я й стовпцивъ наимся.»

Пидійшовъ до Москаля зъ стовпцямы. Такъ що жъ бо? Дае москаль за его гроши, тилки тры стовпця....

«Щуръ и ему! — Який дорогой! — Не вмру безъ нихъ, знайду ще чого смашнишого!...»

И пишовъ по базарю вытрышкивъ исты! — И що-то: що вздрить те й купивъ-бы. Та не дума одно-двое купыты; ни, давай усе! а грошей кать-ма! Тилки тры шагы и ё!

Ходывъ нашъ Пархимъ, ходывъ по базарю! выбиравъ, прыцинявся, усе дорого; не по его грошамъ!.... Вже винъ и гречаныкы, и горохвяныкы. и млынци, и буханци, и пырижкы торгувавъ; кыдався и на мочени кыслыци, и на кгалени горихы, и на медяныкы....

Такъ ураговы люде, потрошку дають за его гроши. Що ему зь одного, або зь трѣхъ: ему давай усе, багато наклады ему, такъ-такъ!

Ходывъ винь, ходывъ, ажъ остыло! Бачыть, жинка продае якись коринци, и усякъ хто йде, то й купуе тихъ коринцивъ и вже кучка не велька зостаеця. . . .

«От-же, щобъ не впусыты товару!» — Сказавъ Пархимъ, и пидбигъ до жинки и пыта:

«А скилки тоби, молодыце, за твѣй товаръ?»

— А покажы, лышень, скилки въ тебе грошей? — зпыталася молодыця.

Пархимъ вынявъ свою суму на долону и брязка передъ молодыцею. . . .

— Добре, дядюшка! — берить увесь товаръ. Кете гроши сюды. —

«Увесь?» — Пыта Пархимъ и самъ соби не вирыть.

— Та увесь, увесь. Треба було вамъ денежку здачи даты, та пороздавала. Нехай за васъ подамъ на бидность. — Зибралась молодыця и покрылась далше, щобъ купецъ не роздумавъ, та не прыкынувъ бы ий товару. . . .

А Пархимъ такъ зрадивъ, що ничего не бачыть и не чует! Выдымо не выдымо накупывъ ласоцивъ! . . . Забира у полу, не влизе; позапыхувавъ за пазуху и вже останни, насылу зыбгавъ, та у жмени забравъ; а самъ усе прыговорюет: — «Не кыдай, Пархиме, ничего; не зоставляй, забирай усе : ты за си ласоци

гроши платывъ. — А ты, бисова жинко! Не диждешъ, щобъ я тоби и лызнуты давъ! — Ни; самъ поимъ усе.

Отъ и выбравъ соби мисъце, на горбыку. Знявъ свыту, розыславъ, позкладувавъ свій товаръ, позасукувавъ рукава и сйдаючы каже: — «Ось теперь, Пархиме Уласовычу, поснидаешъ соби добре! — Ижъ у волю; ниhto тоби не помиша... Усе до останьнёго поимъ; та такъ обрешаюсь, що може, черезъ сылу, и до дому дйду...»

Та зъ симъ словомъ, зхопывъ коринець, та... кусь!... жуе, сердега!... Тутъ жуе, а тутъ у нисъ такъ и шпыга, и слёзы зъ очей такъ и бижать... Жуе, жуе и не проковтне. — Дали утеръ

слезы, ставъ виддыхаты, бо духъ ему захвачуе, и каже:

«Бачъ, якъ за пресучою жинкою давно вже не ласовавъ, такъ ось ласощи и у горло не йдуть.»

Та вшпять стане исты; то по тры, то по чотыри кориньця вже пха въ ротъ, такъ щожъ бо? — Ни жоваты ни ковтаты не можно: не йде у горло. Се бо бувъ «хринь»! — Дежъ его можно исты?

Лыхо нашому Пархимови! — Уже скилки винъ ни потрощывъ коринцивъ, а кучка ни трошкы ни позначылась. — Уже ажъ не змигъ сыдиты, прылигъ, и за жывить беретця...

Видпочыне, видпочыне, та вшпять за хринь; и чубъ ему мокрый, и пыку

ажъ роздуло, губы порепалысь, а винъ
сылбуетця исты....

«Та й до биса жъ я накупывъ сихъ
ласоцивъ! — казавъ стогнучы, та слезы
втыраючы Пархимъ. — «Але имъ-имъ,
и кинця невыдно. А слёзы такъ и за-
львають!... Ажъ очи рогомъ лизуть!...
Охъ, лышечко!.... «Багылы чортовы
очи що куповалы; ижте-жъ!»....

Отъ зъ тако-го-то Пархимового сні-
данья, пійшла межъ людей и прыго-
ворка.

Г. Основьяненко.

ХЛОПЦИ.

Учора я дывывсь якъ хлопци

Гулялы на толоци:

Здаецься, крамъ тамъ продававъ одынь,

Други въ опуки, то що гралы,

То въ дучку булку заганялы,

А дали здумалы скакаты черезъ тынь.

Хлопьята тамъ булы и прости и письмецни,

И кожный зъ ныхъ по своему скакавъ:

Одынь летивъ якъ невиженый,

Знай вызвирывсь на тынь, та била його й
ставъ;

А иншой голову, мой той москаль, задравшы,

Пряменько вытягнувсь, та й скочывъ черезъ
тынь,

Та якъ же вривався объ землю, вражий сынъ,

Колошу розыдравшы.

А выборного хлопчыня

Такъ скаке высоко, такъ здорово литае!

Воно мале зовсимъ, одъ чогажъ такъ

скакае?

Соби подумавъ я,

Тай прыдывляться ставъ: ажъ сее бисыня

Якъ хоче скочыть, то ажъ въ землю

прысидае,

Тай прысне разомъ видтыля!...

Якъ ни круты, а правды нигде диты:

Колыбъ, якъ выборного диты,

И други вмилы прысидать,

То можебъ и воны зумлы такъ скакать.

Е. Гребенка.

ЗИМНІЙ ВЕЧИРЪ.

(Зъ Пушкина.)

Буря въ хмарѣ небо крые,
Сыпле снѣгъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова,
То солому закрутившы,
По пидъ стрихою шумить,
То въ викно, мовъ, прыпизнившысь
Подорожній, торготыть.

* *
*

Вся промолкла наша хатка,
Тыхо въ хаты и темно;
Щожъ на лавци паниматка
Зажурылась пидъ викномъ?
Чы пидслукуешъ, якъ свыще,

Вые витерь и шуметь,
Чы якъ дзыгою на дныщи
Веретенечко дзыжчыть? —

* *
* *
* *

Выпьемъ, добра паниматко!
Ну,-по-одній нальвай;
Выпьемъ зъ горя: дежь кухлятко?
Зъ веретеномъ не дримай
Заспивай «якъ маты сына
Выганяла до Орды,
Якъ до зирогы дигына
Немци прынесла воды.»

* *
* *
* *

Буря въ хмары небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова.....
Выпьемъ добра паниматко,
Ну-по-одній наливвай;

Выпьемъ зъ горя, дежь кухлятко?

За почынкомъ не дримай.

Л. Боровиковскій.

МИРОШНЫКЪ.

(зъ Державина.)

Изъвечора мыни дивчата

Мишоцьк пшеницы прынесли:

«Одначе розкляють циплята,

«То на, дидусю, та змелы.»

Пшениця гарная, червона,

На зерно чыста, гарна такъ,

Що де взялася хить моторна

Пустывъ на млывь я свій витрякъ.

Всю ничь я прыязно трудывся,

Ни окомъ не змыгнувъ, моловь.

Пить въ тры ряды изъ мене лывся;

А ны зерна не розколовь.

Дивкы не мене тутъ зъ пенею:
«Що жъ ты ни мелешъ, ни дерешъ?»
— «Але! — сказавъ я: — вы зъ пашнею
Прыйшлы, якъ каминь не бере! . . .

Стецько Шереперя.

ПАНЬКО ТА ВЕРСТВА.

Бувъ въ Лицяхъ щвець, — Панькомъ винь
звася;

Мовъ зъ Пысаремъ усякъ братавля
И всякъ Панька того кохавъ.
Бо живъ въ сели соби смирененько.
Шывъ чоботы усимъ крипенько,
И, дешевенько зъ нывъ винь бравъ.

* *
*

Разъ пидошовъ въ Панька нестало, —
Та-й передивъ було щось мало, —
Бо все село винь обшывавъ, —

Такъ сходи товару бувъ чымалый;
Въ сели жь хочь бувъ, такъ все поганый,
Панько у городъ почвалавъ.

* *
*

Видь Лилицьв городъ неблизенько,
Панько вморывся чымаленько,
Такъ сивь пидь верству виддыхать;
Сыдивь винь довго сумувавшы
Дали схопивсь мовь що згадавшы,
Почавь верстви тій такъ казать:

* *
*

«Отъ скилки въ городъ нечвалаю,
«А все тебе я тутъ стричаю,
«Ни капли зь місца незійшла!...
«Та хочь бы жь трохи ворохнулась,
«Хочь бы изь місця издвыгнулась,
«И въ городъ трохи подійшла!....

* *
*

«Бо тутъ на холоди трясешся,
«Бо тутъ на сонци ты печешся,
«И кыснешь тута пидь дощемъ;
«Въ банькы прохожимъ зазыраешъ,
«И видь нудьгы соби куняешъ,
«Стоишь сердешна все стовбцемъ.

* *
*

«Ну годи жь тутъ тоби сторчаты,
«Пора у городъ поспишаты
«Пора у ніого зазырнуть!
«Пора вже йты туды, небого,
«Куда лежить отця дорога,
«Куда и я, и вси идуть. . .»

* *
*

Верства Панькови видвичала:
«Ты говорывъ, а я мовчала,
«Теперь послухай вже мене!
«Та слухай Паньку не кунявши,

«И замичай все незивавшы

«Теперь скажу щось для тебе!....

* *
*

«Мене уткнулы тутъ небогу,

«Щобъ я казала всимъ дорогу,

«Хто скильки выхавъ и пройшовъ;

«Та-й скильки тѣба мандруваты,

«Щобъ що у городи узяты:

«Чы брымъ кому, чы подошовъ.

* *
*

«Но хочъ усимъ я произжалымъ,

«И всимъ по шляху прохожалымъ,

«Дорогу въ городъ и кажу,—

«Сама жъ стою, та все куняю,

«Иты у городъ небажаю,

«Та и николы нехожу.»

* *
*

«Такихъ въ сели у насъ багацько!»

Сказавъ Панько ій скорохвацько,—

«Що учуть насъ,—а самы сплять;
«Що намъ велять, добро робыты,
«Мовлявъ туды й сюды ходыты,
«Самы жъ по хатахъ все сыдять!

П. Кореницкій.

НА ПУЩАНЬНЯ ЯКЪ ЗАВ'ЯЗАНО.

Диждалися пущанья на писть. Хома й каже жинци: «Гляды-жъ, Кулыно! Нагодуй мене такъ, щобъ черезъ цилсинькій писть не захотилося мынисты.»

— «Та добрежъ, добре. Ижъ тилки на здоровья, а то прыдбала усего.» — Сказала Кулына и постановыла передъ нымъ макотерть вареныкивъ, та повни-синьку мыску млынцивъ. Учыстывъ Хома якъ разъ, маслычкомъ полываючы, та у смытану обмокуючы.

Зибрала Кулына саме черипья, и постановыла обидаты. Борщъ зъ сулою

мудрый, смытанкою засмажений ; каша тоби пшоняна, такъ и плава у маслычку; локшына у молоци; галушечкы на яечкахъ, та тежъ зъ молокомъ; тараня у маслычку напружена; та молошнои каши пив-макитры; тилки и усего. Ажъ повыскромажувавъ усе сердешный Хома, та на потуку пивъ-глека молока, та й сивъ, и дрима.

Ще не гараздъ и прочунявъ, вже й полуднуваты пора. Тутъ и вродылася каша до молока; гречаныкы гарячи до маслычка; упысавъ ихъ Хома самотужкы ажъ зо-тры, та добравъ пятирко рыбокъ тарани у масли шкварчачыхъ.

«Що-жь? Недалеко вже до вечера. Будемо пидвечиркуваты.» Такъ сказавъ Хома, ледви духъ переводючы.

Мысочку млынцивъ, та буханцивъ зо-два у смытанку обмокуючы, отъ чоловікови й буде. «Нехай — каже — ще повечеряю чого не-будь.»

Упорався Хома и зъ вечерею: доволикъ усе, що постановыла жинка, и борщыку, и каши, и рыбки, и млынцивъ и буханцивъ; а дали тырыть и варенькивъ макитру. Якъ кулакы, плавають у масли. Сопе Хома, дотрощуе ихъ, та вже спочываючы. Росперезався, сылкуетця. . . . отъ-отъ и дно выдко, та бачыть що лыхо, отъ здыхнувшы и каже:

«Що се, жинко, зо мною сталося?—
Що-сь недоимъ.»

— «Охъ мыни лыхо! — Чы не зъ очей?» —

«Ни! — ледви промовивъ, тяжко дыхаючи, сердешный Хома: — «Бачу, на пуцанья якъ завъязано!»

Г. Основьяненко.

БАЙКА.

. . . . Quis rides?

Моя Байка

Ни бійка, ни лайка:

Нехай ніхто на себе не прймає,

А всякъ на усъ собі мотає —

Хто усы має. . . .

==

Метелькъ.

Загрузь зь воламы визь. Втомившыся волы

Вь багни ляглы,

Втомившы й мужыка небога.

На вози сыдючы, Метелькъ розсудывь,

Що винь зь снопами визь вь болоти загру-

зывъ —

Изнявся й полетивъ , сказавшы : «идьте зъ
Богомъ!»

Ликарь та Здоровья.

Разъ Ликарь въ городъ одправлявсь
И на поли зъ здоровьямъ постричавсь:
«Видкиль ты?»—Зъ города.—«Куды?»—Въ село
служыты:
Мыши зъ тобою вдвохъ не жыты.

Дядько й Дядына.

Мій Дядько деколы мене побье й полае —
Та й суне въ руку медяныкъ
(Я до того й прывыкъ!);
А Дядыня моя—цилуючы кусае!

Клыма ж.

Спыталы Клыма разъ: яка найлучча птыця:
Чы чыжъ, чы соловей, чычитка, чы сыныця?

Голодный Клымъ озавсь, баса:
«Найлучча птыця — ковбаса.»

Голодній, бачь, кули
Хлебъ на ули.

Сусидство.

Зійшла на поли коноплына,
Одна, въ степу, якъ сыротына.
А округы порись будякъ,
Свырипа й коровьякъ:
Бадымля вкоренылось,
И коноплыну — заглушыло.

Миръ, голодь и вѣйна — то страшни людойды;
А ще страшниши — зли сусиды.

Грыцькова жинка.

Грыцько въ могылу жинку провожавъ,
И плачучы Паламаря прохавъ —

Щобъ тыхо мавъ дзвоньты:
Щобъ жинкы, Боже крый, упьять нерозбудыты!
Мабуть Грыцько хотивъ безъ горя жыты!

Москаль и Мотря.

Москаль у Мотри гуску вкравъ,
Сховавъ пидь полу—й *драла давъ!*
А Мотря, зусдрившы, крычыть прытьмомъ:
«Москалю!

Оттакъ!

Взявъ гуску-та-й бижышь! — виддай же, бо
налаю!»

Москаль виддавъ, сказавшы Мотри такъ:
«А разви гуска-ста?—я, право-ста, незнаю! —
На, тетка, не сердись:—я думалъ, што гусака.»

Бачь: гуску вкравъ
Ще й выйшовъ правъ!

Клымъ пьяный.

Клымъ, пьяный якъ земля, зъ шынка ишовъ
въ витрякъ,

Та ставъ на улыци и ключъ держыть въ ру-
кахъ;

А кумъ, побачывшы, озався такъ до Клыма:

«Иды въ витрякъ—витрякъ передь очыма

А Клымъ ему: «Трывай — млыны до мене
йдуть —

Пидійде мій — ось ключъ — зумію виддым-
кнуть!»

«Свій домъ — своя воля.»

Хомыха чоловика была

(Не на лыхо жь Хому Хомыха вчыла!):

Хома постилъ

Видъ жинкы заховавсь — пидъ пилъ

И въ три погибели звернувшыся, трусывся

И плакавъ и просився...

Хомыха зъ рогацемъ прысикалась: «вылазь!
Вылазь, лычыно зла!»... Хома въ куточку
бгавсь

И плачучы озвався:

«Не вылизу! — тоби я потураты годи! —
Я господинъ въ свойй господи!»

Ричка й Море.

На Ричку Море разъ гнивылось и реву,
Що Ричка берегы водою розбовтала;

А Ричка Морю такъ сказала:

«Якъ бы не мы, Ричкы, — тыбъ Моремъ не
було.»

Левъ Боровиковскій.

**ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ОПЕРЫ
МОСКАЛЬ ЧАРИВНЫКЪ.**

1.

(изъ явленія седмаго)

Солдатъ.

Эхъ, кабы теперь подала хозяйка лаврѣничковъ. Этихъ знаешь треугольничковъ.

Михайло.

Лавреничковъ! Якій то у васъ москаливъ языкъ лубьяный! Скільки межъ нами вештаетесь, а йдоси не вымовышь вареникивъ.

Солдатъ.

Ну варениковъ; да что ты чупрунъ обь москаляхъ такъ плохо думаешь. Да

я какъ захочу то по хахлатски буду говорить не хуже тебя.

Мыхайло.

(повагомъ) Дыво! може и заспиваешъ по нашому? —

Солдатъ.

А почему жъ и нѣтъ; слушай въ оба.

Мыхайло.

Слухаю, слушаю. Прислухайся и ты Тетяно.

Солдатъ. (спива)

Ой былъ да нѣма, да поѣхаль на мѣлницу

Бѣдна моя головушка, одна дома осталась.

Дѣвчина моя Переяславка

Дай мнѣ поужинать моя ласточка

Охъ я бѣдняжка яжъ не топила

За водою какъ пошла вѣодры побила.

А до одной пришовши, пѣчку развалила

За то меня родимая чуть чуть не ушибла.

(Мыхайло и Тетяна регочутся сол-
даты на нихъ глядя тожь сміється а да
ли каже.)

Солдатъ.

Чтожь вы смѣетесь? развѣ худо
спѣль.

Мыхайло и Тетяна (разомъ).

Гарно, гарно ничего сказаты.

Мыхайло.

Утявѣ до гаплькивѣ (сміється)

Тетяна.

Ажь пальци знаты.

Мыхайло.

Де ты такъ вивчывся? се дыковы-
на! не можно й розпизнаты; такы зо-
всимъ по нашому (сміється).

Солдатъ.

Да спойка ты хозяйинъ, хоть одну
Рускую пѣсню. — Ну спой! Э братъ
сталь! —

Мыхайло.

Вашу! а яку може соколыка, або ку-
кушечку; може лапушку, або кумошку;
може рукавичку, або пидпоясочку? уби-
райся съ своими писнями! правду ска-
зати есть що й перейматы — жинко!
заспывай же ты по своему ту писню,
що москаль спывавъ (салдату) сядь та
послухай, якъ вона спива.

Тетяна.

Добре чоловиче заспываю.

Ой бувъ та нема, та поихавъ до млына.

Бидна моя головонька, що я дома не була! 2

* *
*

Дивчыно моя тыжь моя й маты

Довгожь мыни мое сердце безъ тебе скучаты? 2

* *
*

Дивчыно моя Перейсливко

Дай мыни вечераты моя ластивко! 2

* *
*

Яжъ ни топыла яжъ ни варыла

По воду пишла, видра побыла 2

* *
*

А до дому прышла, пичь розвалыла

За те мене моя маты троха не побыла. 2

* *
*

Мыхайло.

А што? яково?

2.

(изъ явленія одиннадцатаго)

Мыхайло.

Што уже моя Тетяна, то чернобры-
ва, кохана.

Съ того часу якъ женивсь

Я николи не журывсь.

Ой чукъ Тетяна

Чорнобрыва кохана.

За Тетяну сто кипъ давъ,

Бо Тетяну сподобавъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.

За марусю пятака,

Бо маруся не така.

Ой чукъ Тетяна и проч.

Я весельй и здоровъ

Одъ Тетянынихъ бровъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.

Якъ Тетяна засмієтсѣ

Въ души радость отдаетсѣ.

Ой чукъ Тетяно и проч.

Солдатъ.

Ай хозяйинъ! да ты братъ хватъ?

Тетяна.

А ты думавъ що у мене челоуикъ
абы якый, не бійсь, себе не выдасть.

Будь у мене мужычокъ съ кулачокъ

А таки я мужыкова жинка.

Я за іого захылюсь, захылюсь,

Та ни кого не боюсь, не боюсь 2.

Ой до мене губерецъ пидсыпавсь

II любви добывавсь, добывавсь,

Я губерця любыты нестала,

Іого трясця напала, напала 2.

Молодыце чія ты? чія ты?

Пусты мене до хаты, до хаты;

Пиды къ чорту убирайсь, убирайсь

Коло ворить немотайсь, немотайсь.

Мыхайло.

Воно такъ, вашечи проше сучка
санчата замчала, у насъ реминыця за
лычко не вымицяешъ.

II. Котляревскій,

НА ВИЧНУ ПАМ'ЯТЬ КОТЛЯРЕВСКОМУ.

Сонце гріє, витьєр вїє
Сь поля на домыну,
Надъ водою гнє зь вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гниздечко гойдає.
А дежъ дився соловейко?
Нєпытай, нєзнає.
Згадай лыхо той байдуже,
Мынулось пропало;
Згадай добре — серце вяне
Чому неосталось.
Отожъ гляну тай згадаю,
Було, якъ смеркає,
Защєбєчє на калыни,

Ии хто ни мынае;
Чы богатый, кого доля,
Якъ маты дытыну
Убирае, доглядае,
Не мене калыну;
Чы сирота, що до свита
Мусыть уставаты,
Опыныться, послухае,
Мовь батько та маты
Роспытують, розмовляють,
Сердце бьется любо,
И свить божый якъ великъ-день,
И люде якъ люде!
Чы дивчына що мылого
Щодень выглядае
Вяне, сохне сиротою,
Де дитысь незнае,
Пиде на шляхъ подывитсья,
Поплакаты въ лозы,

Защебече соловейко,
Сохнуть дрибни слезы,
Послухае, усмихнется,
Пиде темнымъ гаемъ....
Нибы зъ мылымъ розмовляла.
А винь знай спивае

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае
Поки выйде злодїй на шляхъ погулять
Зъ ножемъ у халяви—пиде луна гаемъ
Пиде та замовкне—на що щебетать?
Запеклюю душу злодїя неспыныть
Тильки стратыть голось добру не навчыть;
Нехай винь лютуе поки самъ загыне
Поки безголовья воронь прокрычыть
Засне долина, на калыни
И соловейко задрима.
Повіе витерь по долини,
Пишла дибровою луна,
Луна гуляе, божа мова,

Встануть сердегы працювать;
Пійдуть коровы на дибровы;
Выйдуть дивчата воду брать,
Выгляне сонце. Рай та й годи!
Верба сміється,—свято скризь!
Злодій заплаче, дарма що злодій,
Такъ було першъ; теперъ дывысь.

Сонце гріє, витерь віє

Сь поля на долину;

Надъ водою гне зь вербою

Червону калыну;

На калыни одыноке

Гнздечко гойдає.

А де дився соловейко

Не пытай, незнає.

Недавно, недавно у насъ въ Украини

Старый Котляревский отакъ щебетавъ;

Замовкъ неборака, сиротамы кынувъ

И горы и море де перше вытавъ

Де ватагу пройдысвита
Водывъ за собою,
Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе тильки слава
Сонцемъ засіяла;
Не вмре кобзарь бо на-вики
Его привитала.
Будешъ батьку пануваты
Поки жывуть люде,
Поки сонце зъ неба сля
Тебе не забудуть.

Праведная душе, прыймыжъ мою мову
Не мудру та щыру прыймы привитай
Некынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прымыны до мене хочь на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.
Нехай усмихнется душа на чужбыни
Хочь разь усмихнется. — Дывляючысь якъ ты

Всю славу козацьку за словомъ единымъ
Перенись въ убогу хату сироты.
Прыльнь сызый орле — бо я одинокый
Сирота на свиты въ чужому краю;
Дивлюся на море широке, глыбоке,
Поплывь бы на той бикъ човна ни дають!
Згадаю Энея, згадаю родыну,
Згадаю, заплачу якъ тая дытына;
А хвыли на той бикъ идуть, та ревуть,
А може я й темный ничего не бачу,
Може моя доля на тымъ боци плаче,
Бо сироту всюды люды осміють;
Нехай бы сміялысь, та тамъ море грае,
Тамъ мисяць, тамъ сонце яснийше сія,
И зъ витромъ могла въ степу розмовляе,
Тамъ не одинокый зъ нею бувъ бы я.
Праведная душе, прыймы мою мову
Не мудру та щирю, прыймы прывитай
Не кынь сиротою якъ кынувъ дибровы

Прылыни до мене хочь на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.

Тече вода въ сыне море

Та ни вытикае,

Шука казакъ свою долю,

А доли немає.

Пишовъ козакъ свить за очи;

Грае сыне море,

Грае сердце козацькее,

А думка говорить :

«Куды ты йдешь не спытавшысь?

На кого покынувъ

Батька, неньку старенькую,

Молоду дивчыну?

На чужини не ти люде

Тяжко зь ными жыты!

Нискимъ буде поплакаты,

Ни поговорыты,

Сыдыть козакъ на тимъ боци;

Грае сыне море,
Думавъ доля застринетя,
Спиткалося горе!
А журавли летять соби
Додому ключамы!
Плаче козакъ, шляхы быти
Зарослы тернамы.

Т. Шевченко.

ПРОЩАННЯ.

Прощай весела сторона!
Ябъ не покынувъ Украины:
Твоя пахучая весна,
Твои квітчастыи долины
Твои весели небеса,
Твои лугы, твои лиса,
Твои густы, червони лозы,

Пидь темный вечерь соловей,
Усе краса... Чогожь зь очей
Гарячи покотымысь слезы?

Ни! серденько повне яконсь печали
Ты гарна мовь ридна моя сторона,
И писни твои мыни въ душу запалы,
У серци звинить оть тихь писень луна!
Такъ тильки жь пизнавъ я на сій Украини
Чого ще не знавъ у своій сторони,
Скризь пусто, скризь пусто на свити мыни,
Якъ въ чистому поли самотній бымыни.

Чого жь я плачу? Геть печаль!

Чого жь сумую? Годи! буде!

Мыни ни кого туть ни жаль,

Небратались зо мною люде...

Мене ни хто туть ни кохавъ

Якъ ридный братъ кохае брата,

Ни кто незнавъ, не шанувавъ,

Тай хтобъ пожалувавъ солдата?

Далеко десь моя семья!

А тутъ усимъ неридный я...

Усяке цурается... охъ на чужбыни

Неистся и хлиба святого шматокъ!

И хлибъ подадутъ той не якъ сыротыни

А кинуть мовъ часомъ собаци кистокъ.

Колыжь ты сердега недужый застогнешь

И пыты попросышь, ни брате не жды:

Уже ты видь себе усихъ порозгоньшь,

Хочь тильки попросышь и кухлыкъ воды.

Теперь же я запевно бачу

Чого такъ дуже гирко плачу,

Чого сумую, що мыши

У сій веселій сторони

Зь печалью душу одружыло.

Недобрый краю зновъ прощай!...

Ни! покыдаючы сей край,

Ще серденько чогось заныло....

Мовъ сыняя стричка Донецъ пидъ горою

Кругъ іого лисы та шыроки лугы,
Мовъ кылымъ шовковый здаются весною
У квиткахъ пахучихъ іого береги,
А тамъ зеленіе гора за пискамы,
Черезъ гору стежечка геть простяглась,
Пишла по байракахъ, ярамы, степамы,
И въ двиръ ажъ до паньскихъ будынокъ якъ
разъ . . .

За тіи будынки ховається сонце,
Далеко ихъ тинь полягла по луци;
И дивчина гарна стоить край виконьця,
И перстень ажъ сле на билій руци.

А. Чужбинскій.

НАРОДНИ ПОСЛОВИЦИ.

Загубылась дытына у ярмарку: бигае, рыдае, ридной матери шукае! А народъ дытыны пытае: яка жъ твоя, галочко маты? — А дытына кризь-слёзы й каже: «мовъ вы й пезнаете?—*найкраща* видъ усихъ!—вона мене голубыла й годувала, и въ недиленьку билу сорочечку надягала. . . .»

Моя маты — Малороссія: вона мене голубыла й годувала, и на все добре наставляла. Якъ щыра дытына, я їи слухавъ — и по-викъ не забуду, що вона мыни говорыла, якъ на все-добре вчыла — якъ зъ людьмы жыты, якъ на свити

добре робыты.... Послухайте, мыряне,
хочь соту долю, щò вона мыни—маты
ридній дытыни—казала:

1.

Абы булы побрязкачи
То будуть и послухачи.

2.

Абы мыни мисяць свитывъ; а звизды я
й кулакомъ побью.

3.

Абы не лежачого Татары взяли!

4.

Або ты, тату, йды по дрова,

А я буду дома;

Або жь я буду дома.

А ты йды по дрова.

5.

Багато панивъ — а на греблю й никому.

6.

Безъ хазяина—й товаръ плаче.

7.

Богъ не безъ мылосты, а козакъ не безъ счастья.

8.

Брехнею увесь свить прійдешъ — та назадъ не вернешся.

9.

Видъ Москаля (злого) — помы врижь, та втикай!

10.

Гости першого дня—золото;

Другого—срибло;

А третёго—мидь

Хочь додому идь!

11.

Добувсь—якъ Шведъ пидь Полтавою.

12.

Е въ глеку молоко—та голова не влизе!

13.

Жывы ни шатко, ни валко, ни на
сторону.

14.

Заставъ дурного Богу молытця — то
винъ и лобъ пробье.

15.

Зъ брехни не мруть —
Та виры быльшъ не-ймуть.

16.

Зъ дужымъ—не борысь;
А зъ богатымъ—не судысь.

17.

Зъ ледачого вовка—хоть шерсты клокъ.

18.

Зъ чужого воза—посередъ калюжи вста-
нешь.

19.

Казавъ пань: грудъ.

Кожухъ дамь—

Та й слово ёго тепле.

20.

Колыбъ знаття, де впаду—то бь и со-
ломкы пидмостывь.

21.

Колы не коваль,
То й рукъ (молотка) непогань.

22.

Кому-кому, а куцоуму-зась!

25.

Кому чарка, кому дви;

Кому нема й одных.

24.

Куля мыне; а матерыне слово не мыше.

25.

Ледачому животови—и пырогы вадять

26.

Лучче свое — латане,
А нижь чуже — хапане.

27.

Лыхо Лытвына нападе, якъ не дзѣкне.

28.

Людей слухай — та й свій розумъ май.

29.

Москаль зна — та ще пытаецця.

30.

На чужый коровай
Очей не порывай,
Та соби дбай

31.

На чыимъ вози сыдышъ;
Того й волю волы.

32.

Не Богъ на смерть веде,
Самъ чоловикъ иде.

33.

Не вирь

То звирь:

Хочь не вкусыть — то злякае.

34.

• Не все те й переймать, що на води
плыве.

35.

Не въ тимь сыла,

Що кобыла сыва;

А якъ вона везе?

56.

Не дурный той вовкъ, що въ пусту
кошару заглядае!

57.

Не жалій ухналя бо пидкову згубышь.

38.

• Не ила душа часныку — не буде й во-
няты.

39.

• Не море топыть — калюжа.

40.

Не на-довго старый женытца,

41.

Не на те козакъ бье,

Що е;

А на те — що буде.

42.

• Не той дужый, що поборовъ; а той, що
вывернулся.

43.

Николы съ панамы.

Не миряйсь рукамы:

Бо якъ довги — видрижуть;

А коротки — вытягнуть.

44.

Нихто не знае — чый чобить мулыть.

45.

Оженысь —

Та й зажурысь

46.

• Паны скубутця, — а въ мужыкивь чубы
болять!

47.

Пидь лежачый каминь и вода не тече.

48.

Писля шкоды — и Ляхъ мудрый.

49.

• Покирне телятко дви матки ссе; а злее
ни одной.

50.

Поки сонце зйде — роса очи выисть.

51.

Половина свита скаче;

А половина — плаче.

52.

Поможы, Боже нежонатому; а жонатому
й жинка поможе.

53.

По-неволи Пани
Ходыть у жупани—
Бо свытки пема

54.

Попередъ невода не ловы рыбы.

55.

Поставъ хату зъ лободы—
Та въ чужую не веды.

56.

Пошлы дурного,
А за нымъ другого

57.

Рада бь мама
За пана,
Такъ пань не бере.

58.

Свѣни не до поросѣть,
Колы свѣню смалють.

59.

Симъ рикъ маку не родымо — та голоду
не було.

60.

Скачы, враже,
Якъ пань каже.

61.

Сова хочь спыть — та курей бачыть,

62.

Старый вилъ борозны не поргыть.

63.

Сто бабъ — сто немочей.

64.

Товарь у вози •
А надія у Бози.

65.

Тогда деры дубья — якъ дерутця

66.

• Тогда сыроты Велькдень — якъ сорочка
убила.

67.

Треба жыть

Якъ набижыть.

68.

Тыха вода гребли рве.

69.

У лиси вовкы выюць; а на печи страш-
но.

70.

• Хатнёго злодія не встережешся.

71.

• Хочь близько

Та слызько;

Хочь далеко

Та легко.

72.

Хочь варыла—не варыла,

Абы гараздъ говорыла

73.

Хочь въ орди.

Та въ добри.

74.

• Хочь погано баба танцюе—та довго.

75.

• Хочь пыка въ крови—та наша взяла!

76.

• Хочетця—якъ голому на-улыцю.

77.

• Хто дба

Той ма.

78.

• Кто не слуха тата,
Той послуха ката.

79.

Хто про-що; а винь про Налывайка.

80.

• Чужа хата
Гирше ката.

81.

• Языкь до Кыева доведе—и до кыя.

82.

Якь е старе (старше) въ хати—
То бывь бы,
А якь нема—
Купывь бы,—
Та нигде!

=

На сей разъ—буде; выбачайте. Колысь
я вамъ землякамъ, сколько въ мене е—вси
передамъ. А теперь, щобъ съ сею книжкою
не скучалы—можебъ-яку загадку прочиталы?

ЗАГАДКИ.

==

1.

Плыве щука
Зъ Кременчука:
Куды гляне—
Трава вяне.

2.

Лежить гася
Простяглася,
Якъ устане—
То й неба достане

3.

Шыло — мотовыло
Попидь небесамы ходыло,
По-Нимецьки говорыло;
По-Турецьки закыдало.

4.

Била рилля — чорне насиння.

5.

Повна пичь паляныць,
Посередыни — кнышъ.

6.

Крыкнула утка
На мори чутка:
Збиглыся диткы
Не одныи маткы.

7.

Стоить стрила
Середь двора;

А въ тій стрили
Симь-сотъ и дви.

8.

Ходить квочка
Коло килочка,
Та все: квокъ! квокъ!

9.

Лежить колода
Середь болота,
Та ще й не зогнула

10.

Летивъ горобецъ
Черезъ хливецъ,
Та въ-гору хуръ, хуръ!

11.

Крыкнувъ виль
На сто гиръ,
На тысячу городивъ,

12.

У Кыеви дрова рублють,
А на увесь мырь трискы летять

13.

Лысый виль кризь ворота дывытця.

14.

Костянь, деревьянь,
Черезъ гору свыни гнавъ.

15.

Круть—верть—
Пидъ черепочкомъ смерть.

16.

Що въ хати есть не тесане?

17.

Бигмы два псы,
Позадыралы носы.

18.

Межь трёма дубамы
Завязло теля зубамы.

19.

За лисомъ, за пролисомъ шнуръ плаття
висыть.

20.

Жовта курыця
Пидъ тыномъ кублытця.

21.

Чорненьке, маленьке,
Увесь свить провидало
Въ Царя обидало.

22.

Чорненьке, маленьке—хочь яку колоду
то поверне.

23.

Одно каже: свитай, Боже!
Друго каже: не-дай, Боже!
А трете каже: мыни все однаково!

24.

Сире сукно
Лизе въ викно.

25.

Чорне сукно
Лизе въ викно.

26.

Прыйшовъ хтось
Та взявъ щось:
Бигъ бы я за нымъ—
Та не знаю: за кимъ?

27.

Ни виконь, ни дверей,
Повна церква людей.

28.

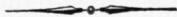
За лисомь; за пролисомь червона дига
сходьть.

29. Стоить дидь надь водою,
Кольвае бородою.

30.

Чорненьке
Маленьке

Кризь тынь кышечкы тягне.

В И Д Г А Д К Ы.

1. Коса.
2. Дорога.
5. Ластивка.
4. Бумага та слова.
5. Звизды та мисяць.

6. Дзвинь, паравіане, церковь.
7. Макивка.
8. Ветушка.
9. Языкъ.
10. Дымъ изъ верха.
11. Гримъ.
12. Дзвинь и луна его.
13. Мисяць.
14. Гребинець.
15. Завертка.
16. Павутына.
17. Сани (полозья).
18. Сокрыра.
19. Зубы.
20. Морква.
21. Перець.
2. Блоха.
23. Викно — Двери — Сволокъ.
24. Ранокъ.

25. Ничь.
26. Огонь.
27. Огурокъ.
28. Сонце.
29. Очереть.
30. Голка — полотно — нитки.

Л. Боровиковскій.

— 655 —

НАРОДНИ МАЛОРОССІЙСКИ ПІСНИ.

1.

Ой зійды зійды ясный місяцю,
Высоко надъ горою!
Ой выйды выйды сердце дивчыно, } 2 раз.
Поговорымъ съ тобою!

Ой якъ же буду серденько мое,
До тебе выходыты?
Нась люде знаютъ та-й-осуждають, } 2 р.
Щобъ тебе не любыты!

Нехай же судять, нехай говорюють,
Хочь по всіому свиту;
Яжъ тебе люблю и любытому, } 2 раз.
Охъ мій маковый цвиту!

Тыжъ мене любывъ,

Тыжъ мене кохавъ,

Якъ ядерце въ гориси;

Теперь поихавъ, мене покынувъ,

Якъ горобоньку въ стриси!

Ой куды идешъ, куды поидешъ

Та мій милый видъ мене?

Недаленько, мое серденько,

За тры мыли видъ тебе. } 2 раз.

2.

Ой маты маты старая

На щожъ ты мене карала,

За пьяныченьку давала?

А пьяныченько усе пье,

Прыйде до дому мене бье.

А ты доненько умыкай

Та въ виконечко утикай

Чортъ іогожь матинко утече,
Винь мене піймае за плече,
А въ мене плече гаряче;
Винь соби рученькы понече,
Такы мыни головоньку натовче.

3.

Та вжежь мы-й-понедили
Свитонька не выдалы;
Пидемо, поскачемо,
Свитонька побачымо,
А ты старосто не сыды
Нась танцюваты поведы,
А якъ не встанешъ — пидведемо;
Мыжь тебе до сорома доведемо.

4.

И живь не любила,
И вмерь не тужыла,

Тоди трошки потужыла
Якъ на лавци положыла,
Якъ у яму опустыла
То и журба вся видпала,
Засынала, закопала,
Ниженькамы прытоптала.
Ниженькамы тупъ-тупъ:
Лежы старый тутъ-тутъ,
А я молоденька
Гуляты раденька.

5.

Та вжежь третій вечирь,
Якъ я дивчыну бачывь,
Що казала выйду
Та теперь не выходить.
Выйды, выйды дивычно!
Выйды порадонько ты моя! } 2 раз.

Ой! рада бѣ же выйты я,
Та неволонька моя,
Не пускае мене маты
Тимъ, що я молода;
Не пускае гуляты
Зъ тобою серденько стояты.

Та сыдыть дивчинонька,
Та сыдыть край виконця,
Шые хустыноньку
Та-й-немовыть ни словця.
Промовъ, промовъ словечко
Якъ мы любылыся двоечко;
Промовъ, промовъ хочь двое
Якъ мы любылыся обое.

Та колыбъ же намъ съ тобою
Та на рушнычку статы;
Не розлучыть отець
И ни ридная маты

Не розлучить родина,
Колы судылась дружина;
Не розлучить ридниша,
Колы найшлася вирниша.

6.

Ой! на вулиці
Метельця струже;
Ой видчыйй друже,
Бо-йду пьяна дуже
Ой видчыйй, видчыйй
Та своїй коханци;
Ой якъ пишла изъ вечора
Та иду у-ранци!

7.

И вчора пыла,
И сіюгодня пью;

Прыйду до дому
Чоловика побью.
А въ мене, чоловікъ
Дай Боже іому вѣкъ
Вечеряты наварывъ,
Та и мене розбудывъ:
Та встань жинко перелясливко,
Покуштуй борщу моя ластивко!
Колыжъ ты наварывъ,
То и ижъ же тыхо,
Якъ устану покуштую,
Буде тобі лыхо!

8.

Даешъ мене.—Мій батеньку
И самъ бачышъ;
Та не раздъ—не два
Ты за мною, та заплачешъ.

Якъ вышенькы, черешенькы,
Та цвистымуть,
Якъ дивочки, та виночки,
Та плыстымуть;
Мымо Твои вориточка
Та нестымуть,
Та не будуть та до хаты
Прывертаты,
Та не будуть виконечка
Видсуваты — та не будуть
Галочки выклякаты.

Зыбрани С. Шереперею.

1.

Летивъ орель понадъ моремъ та й ставъ
ГОЛОСЫТЫ.

Ой якъ мыни убогому багату любви. 2.

Не тамъ щастья бачь бувае де багати люде;
Поберимось по любви той щастя намъ буде.

Ой ты доле несчастная яка ты зрадлива;
Дама на часъ спизнатыся, теперь розлучыла.

Дай же минни годыноньку нехай я мылую
Стысну щыро за рученьку, хочь разь поцилую.

А стыснущы волю дамъ я серденьку мылому
Гирко плакать, одыжжавшы не скажу никому.

Будь здорова дивчынонько пора одыжжаты,
Пора минни мое сердце тебе покидыты.

Коню сывый службы щыро та й не спотыкайся,
А найшвыдче до мылой зо мною вертайся. Ой
Изъ за горы сонце зходить, за другую зайде,
А хто кого вирно любить, то и всюды найде.

2.

Ой волы мои да половый
Чомъ вы не орете?
Ой лита мои да молодый
Чогожъ вы марно идете?
Ой колыбъ же мы та запряжени
Мы бь оралы, не стоямы;
Ой колыбъ же мы роскоши малы
Мы бь марно непропалы,
Оралы волы, оралы,
Никому поганяты

Ой прошлы мой лига молодн,
Конемъ не нагнаты.

Отдала мене моя матинька,
Отдала, заручыла;
Якъ зеленую коноплыночку
Въ озерн намочыла.

Ой колы моя коноплыночка
Въ тймъ озерн зыйде;
Тогди до мене моя доненька
Въ гостыночкы прыйде.

Ой не бый мене матинко
Николы ни за що,
Побыла мене лыха годына,
Превельке ледащо.

Ой не бый мене моя матинько!
Товстою палюгою,
Побыла мене лыхая годына
И зъ сймъ пьянюгою.

Ой не бый мене моя матинько!

Не робы каличенькы

Завьяжы очи, темной ночи,

Та веды до риченькы.

Завьяжы въ рядно та пусты надно;

Якъ я буду потопаты,

Тяжко та важко моя матинько

Роскоши забуваты.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Бидонька докучыла;

Ты бь коня добувь, до мене прыбувь

Щобъ же я не скучыла.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Дивчынн небози;

Тобъ ты поихавъ та не барывся

У великій дорози.

Ой на волыки та налыгачи,

На коныченькы пута.

Колыбъ не ты, сердце дивчыно,
Не бувъ бы я тута.

На волыкы воловидыкы

На коныченькы узды;

Колыбъ не ты сердце дивчыно,

То не знавъ бы я нужды.

Ой на волыкы та налыгачи

На коныченькы вижки;

Колыбъ не ты сердце дивчыно

Не ходывъ бы я пишкы.

Весильна.

Ходить гарбузы по городу,

Пытается своего роду:

Ой чы жыви, чы здорови

Вси родычи гарбузови?

Обызвалась жовта дыня:

Ой я твоя господиня.

Обызвались огурочки:

А мы твои сыны й дочки.

УКРАИНСКА МЕЛОДІЯ.

«Ни мамо, неможна нелюба любити;

Нещастная доля изъ нелюбомъ жить.

Охъ тяжко, охъ важко, зъ нимъ ричь розмо-
вляты.

Хай лучше я буду весь вискъ дивоваты!»

— Хыбажъ ты не бачышь яка я стара?

Мыни въ домовыну лягаты пора.

Якъ очи закрою що буде зъ тобою?

Останешся доню одна, сыротою!

А въ свити якее жытьє сыроти?

И горе и нужду терпитемешъ ты.

Я дочку пустывшы, мовлявъ, напоталу,
Стогнуть пидь землею якъ горлыця стану.

«О мамо! голубко, не плачь, не рыдай,
Готуй рушныкы и хусткы вышивай.

Нехай за нелюбомъ я щастья утрачу;
Ты будешь весела, одна я заплачу!»

Генъ тамъ, на могыли, хрестъ Божый стоять,
Пидь нимъ рано й вечеръ матуся квилыть:

«О Боже мій мылый! Що я наробыла!

Дочку, якъ схотила, изъ свита згубыла!»

Е. Гребенка.

РОЗСТАВАННЯ.

(зъ писень.)

Ой кряче воронь, негодоньку чуе:

Щось Козакови серденько вищуе.

Козакъ сидма коня вороного,

Винь хоче ихать до краю чужого,

Хоче на поли пошукаты доли:

Козацька охота — гирше неволи.

Роду й худобы не жаль Козакови,

Та жаль дивчыны ему молодон.

Зиронька ясна за мисяцемъ сходить:

Козакъ изъ двора коньика виводить;

Козакъ на кони вороному грае;

Дивчына выйшла, Козака пытае:

«Серце-Козаче, якъ рано рушаешъ, —
Куды такъ рано зъ двору выиждаешъ?
Чы идешъ въ поле сонечко стричаты,
Чы тугу зъ серця въ стену розсыпаты?»

Козакъ.

Зирко-дивчыно! Треба намъ розстатысь. . . .
Серденьку, скушно, душно дома жыты, —
Иду по стену тугоныку розбыты;
Буду я въ мори коня напуваты,
Буду край моря доленькы шукаты.

Дивчына.

Мисяцю ясный! — не идь ты далеко:
Щось мое бьетця серденько не легко;
Кинь пидь тобою вороный сумуе —
Кинь вороненькый недоленьку чуче.

Козакъ.

Дивчыно-душкочко! — Серденько не знае,
Де Козакова доленька гуляе;

Кинь вороненькый того закурывся,
Шо ще сёгодня воды не напився. . . .

Дивчина.

Свижий Барвинку! Хтожь тоби безь мене
Билу на поли постилку постеле?
Кому, въ чужбыни, ты промовышь слово?
Сь кимь ты подилышь вирну розмову?

Козакъ.

Крыхто Марусю! билую постелю
Снигъ, заверюха у поли постеляють;
Серцемъ сыритскимъ, щыримы словами
Буду балакать зь буйнимы витрамы.

Дивчина.

Голубе сызый, Козаченьку любый!
Хтожь тебе въ поли къ серцю прыголубить?
Хто тебе вкрые зь-вечора легенько,
Хто тебе збудыть до свита раненько?

Козакъ.

Яръ мижъ горами мене прыголубыть;
Густи туманы звечора прыкрыють;
Пуца надъ яромъ зъ витрамы розбудыть,
Ранняя въ поли роса лычко змые.

Дивчына.

Серце-Козаче! въ далекій краини
Тыжъ незабудешъ объ своій дивчынн?
Словомъ, хочъ ридко, риднымъ видзывайся..
Та гирше всего — до дому не гайся!

Козакъ.

Буду я письма слёзамы пысаты,
Буду витрамы письма прысылаты....
Де Козакови — де въ свити не буты, —
Якъ тебе, серце, якъ тебе забуты?! —
Мыши згадають, темненькой ночи,
Дви ясни зирки — твои кари очи;
Серцю згадають, мылом любовы,

Въ ворона крыла — твой чорни бровы ;
Румьяни щокы — кущъ въ лози калыны ;
Сосна въ диброви — станочокъ дивчины . . .

Дивчина.

Серця жъ, Козаче, не давай никому, —
Та швидче, мыйый, вертайся до-дому!

Козакъ.

Тоди я буду до-дому вертаться,
Якъ буде щука съ голубомъ кохаться ;
Якъ Днипръ нашъ буде Сыне море пыты
Та буде хвылю назусиять котыты . . .
Треба вирненько Днипрови служыты
Прыйдетця въ поли головку зложыты! . . .

Дивчина.

Хтожъ тобі въ поли очыци закрые;
Хто биле тило до гробу обмые?
Хто просыпывае надъ тиломъ, Козаче,
Выкопа яму, — якъ ридне заплаче?

Козакъ.

Крыламы воронъ очыци закрые;
Доць изъ витрамы биле тило змые;
Кинь вирный яму выбе конытамы;
Дыки завьють звири коло ямы;
На-мисто дзвонивъ—вороння закряче;
Била на поли береза заплаче.»

Кинь полетивъ—на витри грыва мае;
У ворить стоя, дивчына рыдае.
Въ раннимъ тумани Козаченько скрився;
Въ дивкы рукавчыкъ слизьмы измочывся.
Блудыть, лигае Козаченько въ поли:
Козацька охота — гирише неволи.

Въ тры-годы витерь ворона заносыть;
Воронъ дивчыни кисточку прыносыть.
Тожь тая кистка—Козака мылого:
Вже тры годы—дивка выйшла за другого.

Л. Боровиковскій.

ДО КОНЯ.

Дрыжыть серце якъ лысть и шумыть голова;
Деж ты коню? ты витру мій буйный?
И бумага—не степь, и перо—не трава;
Озовыся товарищъ розгульный!

За-оржи, стрепенысь, и до мене прымчысь,
Бряжчучы стременамы стальнымы!
Глянъ на мене, мій вирный, о, глянь, подывысь,
Плачу,—бачышь слёзамы якимы?

Выносы ты мене зъ отцихъ душныхъ тиснымъ.
Зъ отціого наваженного пылу;
Зъ сёго торгу людей, изъ мурованыхъ стинъ
Выносы мене швыдче мій мылый!

Туды, въ степь, де юга якъ та хмара иде,
Де послідня былынка у Бога цвите.—

Н. Мартовицкій.

ЦЫГАНЪ.

(урывокъ зъ казкы)

Бувъ соби колысь якыйсь-то Цыганъ; та такый же то прегиркый пьяныця, що й не прыведы Господы! чы е у ёго яка копійчына, такъ и несе ии у шинкѣ, чы яка жупанына — винѣ ии туды-жѣ пре! А жинка зъ дитьмы, голи й боси, пропадають безъ хлеба; танцюють-танцюють халандры, пишовшы у Воронижѣ * (бо воны стоялы шатромъ быля Воронижа), такъ що-жѣ бо? народъ не

[*] Мистечко Воронижъ у Черниговскій Губерніи, въ Глуховскому уѣзди.

дуже заглядуетця на ихъ танци, бо вже вони нікому не въ-дывовыжу. А батько, я-жь кажу, волочытця по шынкамъ, та пше, та гайнуе, та бьетця навкулачки зъ мужыкамы. Побыють ёму усю пыку, по-пидставляють окуляры, порозрываютъ на нёму одежу, знакостятъ ни-на-що чоловіка; отъ тогди вже винь и тягне до господы, та й лежить пидъ шатромъ, якъ той кабань у берлози, покы ёму одлыгне тамъ трохи на серци. Такой-то вдався соби навыженный Цыгань!

Отакъ разъ пизно ишовъ винь зъ шынку до дому. Чы йшовъ винь, чы рачкы лизъ, сёго вамъ не скажу, бо вже давно смерклось; чуты тилько було, що дуже кретаваъ и зпотыкавсь; дали внавъ, здыхнувъ разивъ зо два та й захрипъ

на усе поле. На той часъ довелось ихаты тимъ шляхомъ якому-сь панови; ажъ-ось-кони хвыть на-бикъ, ажъ трохы во-за ему не перекинули. «Стий! що тамъ таке?» Роздывылысь, ажъ п'яный Цыганъ. «Узять ёго зъ собою», каже панъ своему поганяйлови. Узять такъ и взять: зъ панськимъ, кажуть, свого языка не ривняй: колы довгый, то прыкороччають; колы короткий, то вытягнуть. Машталяръ злизъ зъ воза, розштовхавъ пидъ боки Цыгана та й пидвивъ до воза. «Куды оце ты мене цупышь?» пытаецця у ёго Цыганъ. «Лизь, кажуть тобъ на вльзь». «На визь? ну, се ще не велька беда!» каже Цыганъ; сивъ соби любенько коло пана та й захрипъ зновь на усе поле.

Прокынувшысь на другый день, Цыганъ якъ глянувъ, такъ и зомливъ: «Де оце я? куды се я забравсь? Чы ни въ шынку? такъ нить же бо: у шынку вишна не таки та й стольцивъ немае. Ну, не-дай-Боже та хто застане мене у сихъ будынкахъ, адже-жъ на мыни й волося не зоставлють: скажуть, що я прышовъ красты! Отъ же колы прышло на мою голову лыхо!»

Тильки що се сказавъ, ажъ-ось двери рыпъ и увійшовъ якыйсь сынекаптанникъ. «Добродію! каже до его Цыганъ: колы я сюды зайшовъ красты, або чого другого, то отъ чорна земля, щобъ я ище почорнивъ! щобъ мыни и руки й ноги повсыхалы! щобъ я заразъ сказывся! щобъ свиту Божого не побачывъ,

колы я знаю, де я и що, и куды оце зайшовъ!»

«Що се вы пане? каже добродій; чого се вы такъ божытесь?»

«Якый же я пань? я не пань, а Цыгань!»

«Господь зъ вами, пане! що оце вамъ прыснѣлось? Чы вы-жъ такы на Цыгана походымы?»

Що за мара така? думае Цыгань. «Чоловице добрый! годи тобі глузовать: выведы тильки мене изъ сихъ хать, такъ я твого й панства не хочу, та знайды мыни мій брыль та свытку.»

«Та що бо оце вы мыни кажете, пане? Якъ бы я посмивъ надъ вами глузовать? Нате льшень одягайтесь, та ось прынесу вамъ чаю.»

Що за дыво? думает Цыганъ; справди винь до мене такъ говорить якъ до пана. Надину вже, такъ и быть, сей жупань: що буде, то буде!»

Ажъ-ось несуть ему / чаю — винь пье, дають люльку — винь и люльку тягне, дають поросятыны — исть винь и поросятыну; а потимъ зновъ чаю, а потимъ зновъ кивбасъ та поросятыны, такъ що ажъ жывить ему обдуло! На другый день, ще винь не прочынавсь, а тутъ ему уже й несуть чаю, горилкы, вареныкивь, кивбасъ, сала, такъ що ему уже и въ пельку непотовнылось. Отъ Цыганъ бачить, що вси ему кланяютця у поясъ та знай вельчають паномъ, переставъ боятысь и давай орудувать посвоему: «Горилкы! музыку!» гукнувь

винь на прислужныкивъ, и заразъ вродылась горилка й музыка. Цыгань дмухнувъ разомъ зь кьварту, покректавъ, закусывъ, та такъ повеселивъ, що ажъ пидскочывъ. «А нуте горлыци!» Музыкы загулы, а Цыгань, такъ и пишовъ кружка по малёваному помосту. «А що-жь вы не танцюете, вражи диты!» гукнувъ винь на людей; танцюйте, пийте, икте: я не жалую ничого!» Отъ и народъ давай выступать по одному та по двое, и пиднялы такый гвалть, якъ на весильли. А Цыгань-же-то выскакуе та выснивуе навпереймы; кричыть, гогоче, частуе народъ и самъ пье, такъ що перестани ему нема: знай тильки погукуюе:

«Гей грай, колы граешъ,

Колы чорни бровы маешъ!»

Вже й вечирь, а Цыганъ гвалтуе, а Цыганъ коить лыху годину. Да вже якъ зусимъ осмеркло, винъ змигся та й внавь якъ спить пьяный на помисть. Отъ тоди папъ звеливъ зновъ одвезты его та й положить на дорози. Такъ и зробылы. Хропе Цыганъ неборакъ на усе поле, ажъ воронья жахаецця на березахъ. Вже й свить, а винъ спить; вже люде й жать идуть, а винъ почывае, якъ після макивкы. Отъ и стали его будыты: «Вакуло! уставай! уставай!»

«Ийдить вы соби къ дяволу! загукавъ до нихъ Вакула: чаю, бисовидиты!»

«Тю, нависноголовый! тю! га! дурный!» и пищлы реготатысь та тюкаты на бидного Вакулу.

Цыганъ пидвися, и бачыть, що се вже щось не повчорашнѣму. «А де-жъ музыкы?» зпытавъ винь.

«Яки музыкы?»

«Якъ яки? Аже-жъ я вашъ пань!»

«Тю! навиженный! що се тоби прысньлось?»

Оторопивъ мій Цыганъ, розставывъ ноги и вырячывъ на народъ очи. Може й справди се мьши прысньлось, думаетъ винь, та й не ставъ никому розказувать, щобъ ще бильше зъ его не глузовалы та не прыложили ему якого именьня.

II. Кулишъ.

Кыивъ.

ГЛАВА I.

ЗЪ ПОЭМЫ ГАЙДАМАКЫ. (*)

В. И. Григоровичу на память 22 Апрелья 1838.

Яremo! Герш-ту! хамивъ сыну!
 Пиды кобылу прыведы,
 Подай патыцкы господини,
 Та прынесы мыни воды;
 Выметы хату, внесы дрова,
 Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,

Порадувавъ насъ торикъ Шевченко кобзаремъ, а теперь зновъ напысавъ поэму *Гайдамакы*. Гарна штука, дуже гарна, така смашна, мовлявъ, якъ у спасиску та у жаркый день писля обида гарный кавунъ! — И пси и ще хочетця — и чытаешъ и не одырвешся. Отце вамъ для прымиру зъ неи перва глава. А тамъ дальше усе лучше й лучше. Штука я вамъ скажу! Е. Гребенка.

Пиды до лёху, до коровы;
Та швидче хаме! Пострывай!
Пидешь упоравишь въ Вильшану,
Имости треба, небарысь!
Пшшовь Ярема, похылывьсь.
Оттакъ уранци жыдъ поганый
Надъ козакомъ коверзувавъ;
Ярема гнувся бо незнавъ—
Незнавъ сирромаха що вырослы крыла—
Що неба достане колы полетыть,
Не знавъ—нагынався... О Боже мій мыйый!
Тяжко жыть на свити... а хочетця жыть!
Хочетця дывытыця якъ сонечко сяе,
Хочетця послухать якъ море заграе,
Якъ иташка щебече, байракъ гомонить,
Або чорнобрыва въ гаю заспивае;
О Боже мій мыйый! Якъ весело жыть!
Сырота Ярема, сырота убогий,
Ни сестры ни брата никого нема,

Попыхачъ жыдивскій, вырись у порогу,
А не клыне долю, людей не займа;
Тай за що ихъ лаять? хыба воны знаютъ
Кого треба гладить, кого катувать?
Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,
А сироти треба самому прыдбать;
Трапляецця часомъ тыхенько заплаче
Тай то не одтого що серце больть;
Що не будь згадае, або що побачыть,
Тай знову до праці; оттакъ треба жить.
Нащо батько, маты, высоки палаты,
Колы нема серця зъ серцемъ розмовлять!
Сыроta Ярема, сыроta багатый,
Бо е съ кимъ заплакаты, е съ кимъ заспываты.

Есть каріи очи

Якъ зиронькы сяють;

Били рученята

Мліють, обнимають,

Есть серце едыне,

Серденько дивоче,
Що плаче, смієтця,
Якь винь того хоче.
Оттакый 'то мій Ярема,
Сырота багатый,
Такимъ и я колысь бувъ...
Мынуло дивчата!
Минулося, розійшлося,
И слиду нестало...
Серце мліє якь згадаю
Чому неосталось?
Чому не осталось чому не выдало?
Легше було бь слёзы, журбу выльвать.
Люде одыбрали бо имь було мало,
На що ему доля, треба законать;
Винь и такь багатый, багатый на латы,
Та на дрибни слёзи, бодай не втырать
Доле моя доле! де тебе шукать?
Верныся до мене до моеи хаты,

Або хочь прысыся, не хочетца спать!
Выбачайте люде добри
Може недоладу,
Та прокляте лыхо, злы дни,
Кому незавадать;
Може ще разь зостринемось
Покры шкандыбаю
За Яремою посвиту,
А може й не знаю.
Лыхо люде, всюды лыхо!
Нигде прыгорнутця.
Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнутця,
Гнутця мовчкы, усмихатця,
Щобь люде не знады
Що на серци заховано,
Щобь не прывиталы;
Бо ихь ласка нехай снытця
Тому вь кого доля,

А сироти щобъ не слылась,
Не слылась николи!
Тяжко нудно розказувать,
А мовчати невмію:
Выльвайся жъ слово, слезы....
Сонечко не гріе,
Невысушить, подилюся
Моими слёзами,
Та не зъ братомъ, не зъ сестрою,
Зъ нимими стинами,
На чужини—а помы що
До корчмы вернуся,
Що тамъ робитця: жыдіюга
Дрыжыть изогнувшысь
Надъ каганцемъ, личыть гроши,
Коло лижка клятый;
А на лижку.... охъ ажъ душно:
Били рученята
Розкыдала, розкрылася,

Якъ квиточка въ гаю
Червоніе, а пазухы. . . .
Пазухы немає,
Розырвана; мабуть душно
На перыни спаты,
Одинокій, молоденькій,
Нискимъ розмовляты!
Одна шепче. . . . Несказанно
Гарна не-хрещена!
Отто дочка, а то батько
Чортова кышеня.
Стара Хайна лежить доли
Въ перынахъ поганихъ.
Дежъ Ярема? Взявши торбу
Потягъ у Вильшану.

Т. Шевченко.

ДО ЗОБАЧЕННЯ.

Отъ слава тобі Господы и конецъ книжци! Чытайте іи панове добродійство колы уподобаете, а ни, такъ мовчить; и безъ васъ мене вылають собаки, не за книжку, ни, вони книжки не поймуть, а за те що я чоловікъ; така у ихъ поведенція. На вульци де я живу чортивъ тыскъ, мовлявъ, тіеи собачни, тилки вийдешъ зъ хаты заразъ изъ запричылка на тебе: *гавъ! гавъ!* а тамъ съпидь ворить, а тамъ зъ за коморы та усе *гавъ та гавъ!* Оттака стане голова! Махнешъ рукою та й пидешъ далшъ. Часомъ у рукахъ и ципокъ е, можебъ

де котру заидлывишу зачепывъ бы чы по морди, чы по боку, звисно якъ бы тамъ прышлоь краще, такъ не таки! Муштровани бодай ихъ; гавкають у захысти, а очей не покажуть! . . . Далеби!

Хотивъ було я вамъ панове, пустыть свою кныжку зимою, та якъ однисъ у друкарню, якъ стали москали друкарювать, такъ я вамъ кажу и смихъ и горе! Чы вы повирьте що надъ однимъ лыстыкомъ та бьются тыждень або й билше. Ты напышешъ гилля, а винъ выдрукорюе гьлль; это стало быть, каже, красывый. «Та мовчы будь ласкавъ москалю та робы те що тоби кажутъ, за що гроши берешъ». Отъ винъ якъ почуе гроши, заразь и схаменется. Щожъ?

трохы зь годомъ зновъ уже перевертуе по своему!... Бывсь, бывсь я зь нимы, а тутъ уже й на весну повернуло, швидко и теплого Олексія... У васъ, землякы, уже геть тепло, якъ де, то часомъ, и вербы роспукуються, швидко и ластовкы прилетять, троха чы не разомъ зь моею кныжкою, отъ одъ того я їи и назвавъ Ластовкою. Нехай летыть до васъ, нехай соби щебече по хуторямъ, писля зимы и їи весело слухать!... Любите же землякы нашу Ластивочку, чытайте їи швидко, бо не-забаромъ може прылетять соловьи, тогда хто стане слухать Ластовку! —

Прощайте панове! Дай вамъ Господь мылосердный усякого щастя: колы хто

не жонатый — добру жинку, та ще й не сердыту; колы у кого у кишени не благополушно — повниесильку шапку грошей; колы хто охочый по судамъ тягаться — задырлывого сусида. А усимъ вамъ щобъ добре пылось и илось, щобъ у вашихъ садахъ было що году багацько и сливъ и вышень и терну, за для разнихъ наливокъ, щобъ степы ваши багато родылы жыта и пшеницы и всякои, якъ той казавъ, пашныцы, щобъ вынныцы давалы вамъ изъ кожного пуда видро пинной горилкы, щобъ ваши кони добре куповалы ремонтырщыкы; щобъ ваша шерсть дорого платылась по ярмаркамъ, а сахаръ щобъ бувъ дешевый, щобъ... та усёго и до завтрёго

не переговорышь! А тутъ никола. Прощайте землякы! може и я швидко до васъ навидаюсь. До зобаченьня! —

Е. Гребенка.

К о н е ц ь .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

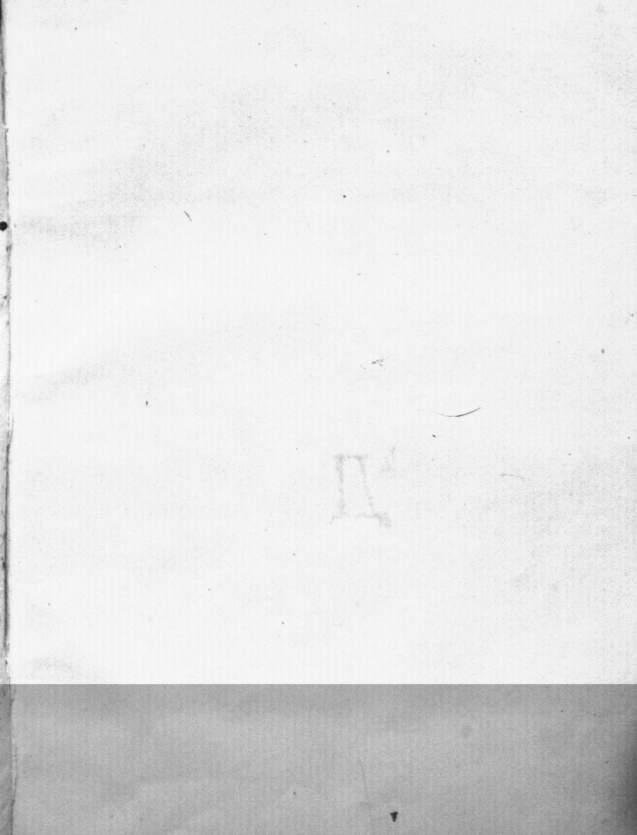
	стран.
✧ Такъ соби до землякивъ. Е. Гребенка.....	4.
✧ Сердешна Оксана. Г. Основьяненко.....	32.
✧ Казка Дубъ. Д.....	223.
✧ Пархимове свиданья. Г. Основьяненко.....	251.
✧ На пушанья якъ завязано. Г. Основьяненко.....	289.
✧ Цыганъ (урывокъ зъ казки.) П. Кулишъ.....	362.
✧ До зобаченья. Е. Гребенка.....	378.

Вирши.

✧ Чорноморець. Л. Боровиковскій.....	22.
✧ Витре буйный. Т. Шевченко.....	25.
✧ Вывидка. Л. Боровиковскій.....	26.
✧ Голубъ. В. Забъла.....	208.
✧ Е. П. Г-къ. А. Чужбинскій.....	213.
✧ Панське слово, вельке дило. П. Писаревскій.....	215.
✧ Собака та злодій. П. Писаревскій.....	218.
✧ Дядько на дзвоньци. Е. Гребенка.....	220.
✧ Писня. В. Забъла.....	221.
✧ Прычыпна. Т. Шевченко.....	250.
✧ ***. В. Забъла.....	243.

	страп.
• ХПайй. Л. Боровиковекій.....	246.
• ✕ Волохъ. Л. Боровиковскій.....	249.
• ✕ Хлопци. Е. Гребенка.....	279.
• ✕ Зимній вечиръ. (Зъ Пушкина.) Л. Боровиковскій.....	281.
• ✕ Мирошныкъ. (Зъ Державина.) Стецько Шереперъ.....	283.
• ✕ Папъко та верства. П. Кореницкій.....	284.
• ✕ Байкы. Л. Боровиковскій.....	293.
• ✕ Два одрывка изъ Оперы Москаль Чаривныкъ. И. Котляревскій.....	299.
• ✕ На вичну память Котляревскому. Т. Шевченко..	306.
• ✕ Прощання. А. Чужбинскій.....	313.
• ✕ Народни пословыци. Л. Боровиковскій.....	318.
• ✕ Загадки. Л. Боровиковскій.....	331.
• ✕ Народни Малороссійски песни. Зыбрали С Шереперею.....	340.
• ✕ Летивъ орель понадъ моремъ.....	348.
• ✕ Ой волы мои да половыи.....	349.
• ✕ Весильна пєснѣ.....	352.
• ✕ Украинска Мелодія. Е. Гребенка.....	353.
• ✕ Розставання. (Зъ Писень.) Л. Боровиковскій.....	355.
• ✕ До копл. Н. Мартовидкій.....	361.
• ✕ Гава I. Изъ Поэмы Гайдамакы. В. Н. Григоровичу на память 22 Апреля 1839 Т. Шевченко..	371.

Д

N 537

25-

